IIIH - Ac.
A - 18

Y5934

6174-28 II

ACADEMIA

РУССКИЕ МЕМУАРЫ,
ДНЕВНИКИ, ПИСЬМА
И МАТЕРИАЛЫ

Под общей редакцией
В. И. НЕВСКОГО

ПРОТОПОП
АВВАКУМ
(1621—1682)

759034

1959

1948

Вселенские патриархи

Миниатюра из третьей редакции «Жития» протопопа Аввакума по рукописи бывшей Казанской духовной академии

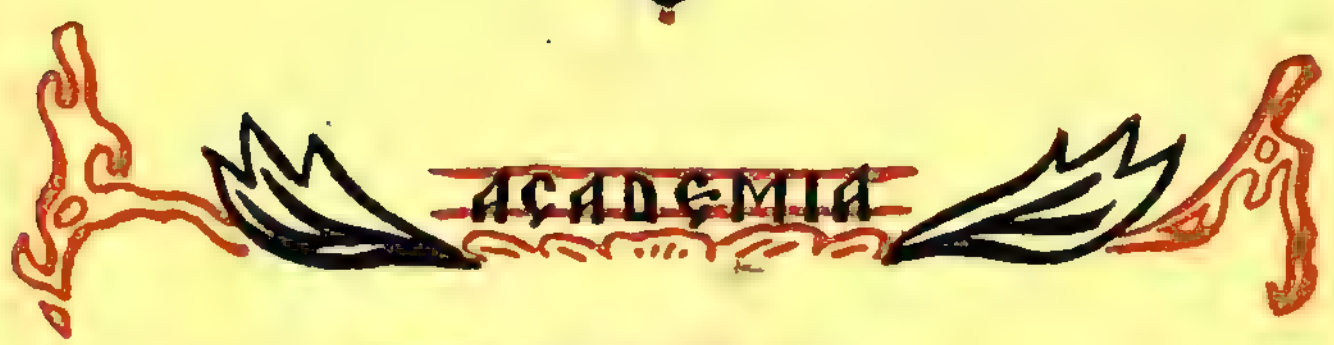
Житие протопопа Аввакума

им самим написанное

и другие его сочинения

Редакция,
вступительная статья
и комментарий
Н.К. Гудзия

1966 г.



75934

Титульные листы, заставки, форзац, переплет и футляр по рисункам Ф. И. Тихомирова

1984

2012

Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление

I

В середине XVII века в русской церковной жизни, в связи с реформами в сфере религиозной обрядности и исправлением богослужебных книг, произошло резкое столкновение между защитниками нового и старого обряда, приведшее вскоре к образованию внутри единой до того православной церкви двух враждебных лагерей. Лагерь реформаторов, поскольку реформа возглавлялась государственной властью и официальным крылом церкви, оставил за собой монополию именоваться православным, присвоив своим противникам название «раскольников», естественно, по праву силы, считая виновниками раскола тех, кто не подчинился официальной церковной практике. Не считая себя повинными в церковном разладе, старообрядцы, в свою очередь, подлинно православными

считали себя, а своих гонителей—приверженцев новизны—прозвали «никонианами», по имени главного проводника реформы патриарха Никона.

Сущность реформы заключалась в согласовании русского церковного обряда и написаний богослужебных книг с обрядами и написаниями богослужебных книг, практиковавшимися в современной греческой церкви. Заимствовав то и другое от греческой церкви в пору принятия христианства, русская церковь сохраняла в неприкосновенности заимствованную традицию вплоть до реформы, если не считать разноречий в обрядовой практике и в богослужебных книгах, проистекших от ошибок переписчиков, с одной стороны, и обособленности местных церковных объединений в домосковской феодальной Руси—с другой. Образование централизованного Московского государства и внутри его такой же централизованной церкви, а также заведение книгопечатания в середине XVI века поставили на очередь вопрос об упразднении этих разноречий, чем и объясняются начавшиеся еще с XVI века попытки исправления русских богослужебных книг частично на основе греческих источников и связанные с вопросами обрядности и церковного быта постановления Стоглавого собора 1551 года. Однако вплоть до середины XVII века эти попытки в основном не расходились сколько-нибудь заметно с установившейся традицией, постановления же Стоглавого собора закрепляли и санкционировали формы старинной обрядности, укоренившиеся на Руси в течение ряда веков.

Между тем в греческой церкви с XV века обрядность и богослужебная практика подверглись ряду изменений, своевременно не усвоенных на Руси—вначале потому, что децентрализованная русская церковь с трудом могла поддаться объединяющему влиянию своего старшего собрата, затем потому, что со времени завоевания Византии турками и падения Константинополя (1453 г.)

греческая церковь, как находившаяся под государственной властью магометан и тем самым скомпрометировавшая свое благочестие, утратила в глазах русской церкви свой былой авторитет и перестала быть для нее руководящей инстанцией. Таким образом создался ряд расхождений, преимущественно в обрядовой практике, между двумя единоверными церквами.

Собиравшее свои силы русское дворянское государство, вышедшее победителем из экономического и социального кризиса, характеризовавшего эпоху так называемой «смуты», стремилось к упорядочению разных сфер государственной жизни и тем самым жизни религиозно-церковной, поскольку последняя в ту пору, как и до этого и после этого, теснейшим образом была связана с государственным аппаратом и служила его интересам. Отсюда возникновение в 40-х годах XVII века кружка «ревнителей благочестия», поставившего своей задачей поднятие религиозного и нравственного уровня русской церкви в лице ее пастырей и паствы и придание благообразия и чинности беспорядочно-суетливой церковной службе. Этот кружок на первых порах объединил как будущих деятелей реформы, так и позднейших ее противников. К числу первых принадлежали сам царь Алексей Михайлович, его духовник благовещенский протопоп Стефан Вонифатьев, архимандрит новоспасский, затем митрополит новгородский, потом патриарх московский и всея Руси Никон и влиятельнейшие вельможи—ближайшие сотрудники царя—Федор Михайлович Ртищев и Борис Иванович Морозов. Ко вторым относились протопоп московского Казанского собора Иван Неронов, переведенный в Москву из Нижнего-Новгорода, и несколько провинциальных священников: протопопы—юрьевский—Аввакум, костромской—Даниил, муромский—Логгин, поп романо-борисоглебский Лазарь и др. Пока дело шло о вопросах, касавшихся поднятия благочиния и благочестия, участ-

ники кружка были единодушны в своих воззрениях и действиях, вплоть до борьбы общими силами за введение в церковную службу так называемого «единогласия» взамен практиковавшегося до того беспорядочного многоголосого чтения и пения, установленного для ускорения службы. Забота о восстановлении практики церковной проповеди, прервавшейся на целое столетие, объединяла также всех членов кружка. Но когда только что возведенный в патриархи Никон, поддержанный царем и Стефаном Вонифатьевым, решил пойти дальше, радикально реформируя традиционную русскую обрядность по образцу современной ему обрядности греческой, единение членов кружка быстро нарушилось. Как снег на голову, упала «память» Никона, сокращавшая число земных поклонов во время великопостной молитвы Ефрема Сирина и заменявшая утвержденное еще Стоглавым собором под страхом проклятия ослушников двуперстие троеперстием. Ивана Неронова и Аввакума глубоко потрясло и смутило это распоряжение. Так же восприняли Никоново новшество и прочие провинциальные члены кружка. Оппозиция провинциального духовенства первому шагу Никона по пути реформ была тем сильнее, что он, едва взойдя на патриарший престол, сейчас же, благодаря своей надменности и властному характеру, сумел вооружить против себя своих недавних друзей, способствовавших его патриаршей карьере.

Идея полного единения русской церкви с греческой в существе своем была идеей прежде всего сугубо политической и практической для ее защитников, как светских, так и духовных. Еще дед царя Алексея Михайловича, патриарх Филарет, ставленник иерусалимского патриарха Феофана, был ярко выраженным грекофилом, всячески покровительствовавшим заезжим представителям греческого духовенства и делавшим попытки церковных исправлений, клонившихся к устра-

нению разницы между обеими церквами. У него, как позднее и у Алексея Михайловича и его сотрудников и единомышленников в деле реформы, сближение с единоверной греческой церковью было обусловлено боязнью западного, католического влияния, вызванной прежде всего опасением непосильного экономического соперничества. Вообще латинобоязнь и стремление уберечь Русь от соприкосновения с западной культурой сыграли большую роль в зарождении реформы. Русская православная церковь в борьбе с церковью католической и неразрывно связанной с ней западной культурой неизбежно должна была стремиться к усилению своего авторитета путем всецелого слияния с вселенской церковью, какой и была церковь греческая. Киевские ученые, привлеченные к делу реформы, в этом отношении должны были оказать ей и на самом деле оказывали существенную помощь, так как незадолго до этого и на Украине митрополитом Петром Могилой была произведена аналогичная реформа и с аналогичной же целью—борьбы с латино-польской культурой, грозившей в конечном счете экономическим порабощением Украины.

Помимо этого, Алексей Михайлович считал себя преемником византийских императоров и в этой роли не только блюстителем древлего благочестия, но и наследником их власти. Еще со времени падения Константинополя официозная публицистика, нашедшая себе выражение между прочим в повести Нестора-Искандера о взятии Царьграда, утверждала провиденциальную роль русского народа в освобождении Константинополя от власти турок. Быстрый рост земельного хозяйства в московском дворянском государстве неизбежно влек за собой военную экспансию в направлении к тому самому Константинополю, о котором затем грезила русская буржуазия вплоть до финала империалистической войны 1914—1917 гг. И Алексей Михайлович полагал,

что он или его преемники выполнят историческую миссию завоевания столицы покоренной турками Византии. По свидетельству архидиакона Павла Алепского, основанному на словах одного боярина, царь, отпуская из Москвы антиохийского патриарха Макария, вздохнув, сказал, обращаясь к окружавшим его боярам: «Молю бога, прежде чем умру, видеть его [патриарха Макария] в числе четырех патриархов, служащих в святой Софии, и нашего патриарха пятым вместе с ними». Тот же Павел Алепский передает следующую беседу Алексея Михайловича с жившими в Москве греческими купцами, пришедшими поздравить царя в первый день пасхи: «Хотите ли и желаете ли, чтобы я освободил вас и избавил от неволи?» Они поклонились ему и отвечали: «Как нам не хотеть этого?»—и выразили ему подобающие благопожелания. Царь продолжал: «Когда вернетесь в свою страну, просите своих архиереев, священников и монахов молиться за меня и просить бога, ибо по их молитвам мой меч сможет рассечь выю моих врагов». Потом, проливая обильные слезы, он сказал вельможам своего царства: «Мое сердце сокрушается о порабощении этих бедных людей, которые находятся во власти врагов веры. Бог—да будет прославлено имя его!—взыщет с меня за них в день суда, ибо, имея возможность освободить их, я пренебрегаю этим... и я принял на себя обязательство, что если богу будет угодно, я принесу в жертву свое войско, казну и даже кровь свою для их избавления». Если даже Алексей Михайлович этих слов и не говорил, самый факт приписывания их ему очень показателен.

Как к желанному избавителю православных народов от турецкой зависимости, к Алексею Михайловичу обращались и восточные патриархи. Один из них—иерусалимский Паисий—в приветственной речи, произнесенной им в 1649 году, высказал царю пожелание, чтобы «бог сподобил его наследовать престол царя Констан-

тина». Такие же надежды на русского царя возлагал и Никон. При своем вступлении на патриарший престол, обращаясь к Алексею Михайловичу, он выразил сходное пожелание: чтобы «бог собрал воедино его благочестивое царство» и чтобы русский царь был «царем вселенским и самодержцем христианским». Ученый киевский монах Евфимий, работавший в Москве над исправлением книг, недвусмысленно высказывался в том смысле, что церковное объединение всех православных народов является ступенью к их политическому объединению под властью русского царя. Наконец, политическая целесообразность объединения русской церкви с греческой диктовалась еще и тем обстоятельством, что около середины XVII века уже велись переговоры о подчинении Московскому царству Украины, где как раз только что была произведена церковная реформа, преследовавшая цели сближения церквей греческой и украинской.

Если реформа оправдывалась видами светской политики и была поэтому желанна для блюстителей ее интересов и в первую очередь для царя Алексея Михайловича, то она в такой же мере была на́руку и вершителям политики церковной, патриарху Никону прежде всего. К середине XVII века завершился процесс постепенной утраты церковью своей относительной самостоятельности и подчинения ее московскому дворянскому государству. Процесс этот начался еще в XV веке и особенно сильно обнаружил себя в ближайшие после «смуты» годы, когда политическое преобладание дворянства как класса стало определяющим моментом в тогдашней исторической обстановке. Главой церкви фактически стал московский государь, и такое положение вещей было непосредственным результатом уничтожения зависимости русской церкви от константинопольского патриарха. Очень показательно, что протопоп Аввакум, разуверившись в царе Алексее Михайловиче и став к нему в оппозицию, писал в одном из

своих сочинений: «В коих правилах писано царю церковью владеть, и догматы изменять, и святая кадить? Только ему подобает смотрить и оберегать от волк, губящих ея, а не учить, как вера держать и как персты слагать. Се бо не царево дело, но православных архиереов и истинных пастырей, иже души своя полагают за стадо Христово». В принципе такую же точку зрения на взаимоотношение властей светской и духовной защищал, как известно, и патриарх Никон. Для того чтобы поднять авторитет церкви в государстве и вернуть ей былые привилегии, ей необходимо было опереться на силу идейно более мощную и влиятельную, чем домашняя русская церковная организация. Такой силой и была вселенская православная церковь. Опираясь на нее и действуя в единении с ней, русская церковь увеличивала свой моральный престиж и в состоянии была соперничать с государством, значительно сузившим ее компетенцию. Никон, стремившийся к тому, чтобы поставить священство выше царства и в конце концов в этом стремлении потерпевший крушение, в единении с греческой церковью естественно видел надежную поддержку своим планам.

Таким образом в реформе по-разному заинтересованы были и верхи правящей аристократии и верхи аристократии церковной. В оппозиционное отношение к ней стало прежде всего среднее и низшее духовенство. Социальный смысл оппозиции крылся во враждебном отношении нечиновного духовенства к князьям церкви, эксплоатировавшим его тяжелыми поборами. После «смуты» пошлины за поставление приходских священников и архиерейские оброки с них сильно увеличились; архиерейским сборщикам вменено было в обязанность «все подати собирать без недобору», «с большим поспешением, днем и ночью», «а на ослушников правити без всякия пощады». Недоимщики ставились на жестокий правеж, их заключали в тюрьмы, подвергали же-

стоким избиениям, сажали на цепь. Картина была в общем приблизительно та же, что и в западной феодальной церкви. С приходом на патриарший престол Никона все эти тяготы возросли и осложнились той усиленной системой сыска и чисто полицейского надзора, которая одинаково распространялась как на сельское, так и на городское приходское духовенство. Все эти притеснения исходили от официальной, государственной церкви, возглавлявшейся патриархом, и протест против нее неизбежно влек за собой и протест против проводимой ею реформы. Оппозиция государственной церкви была одновременно оппозицией, чаще всего однако бессознательной, и государству, поскольку формы церковной организации были лишь продуктом общей политики дворянского государства. Сопротивление новшествам со стороны духовенства, как белого, так и черного, было тем сильнее, что оно диктовалось и чисто практическими мотивами: в огромном большинстве священники и дьяконы были малограмотны; они кое-как брели по старым, привычным служебникам, и переучиваться по новоисправленным книгам для них было часто непосильным бременем. В соборном приговоре соловецких иноков 1658 года сказано: «А которые мы священницы и диаконы маломочны и грамоте ненавычны и к учению косны, по которым служебникам старым многие лета училися, а служили с великою нуждою и бога славили, а по новым книгам служебникам, что прислал из Колмогор старец Иосиф, нам—чернцам косным и непереимчивым—сколько ни учиться, а не навыкнуть, лутче будет с братьею в монастырских трудах быти».

Служение божеству для рядовой массы духовенства сводилось к механическому выполнению заученных обрядов и произнесению усвоенных словесных формул. Эти обряды и формулы сами по себе, независимо от их внутреннего содержания, в представлении профессиона-

лов-священнослужителей обладали магической силой заклинания, теряющего свое значение при малейшем от него отступлении. Для косного религиозного чувства обряд был тем же, чем колдовство и волхование было для языческих волхвов и кудесников. Как для них точное выполнение всех подробностей религиозного ритуала было залогом угождения божеству, так и для христианских пастырей и послушной им паствы следование установленным внешним формам богопочитания и богослужения было гарантией действенности молитвы и угодности ее богу. Сила и спасительность старого обряда были проверены и подтверждены тем, что русские святые, прославившие русскую церковь, угодили богу, общаясь с ним именно по этому самому старому обряду, теперь гонимому и попираемому. Признать неправильность этого обряда или усомниться в нем—для защитников старины значило бы усомниться в святости подвижников, украсивших русскую землю. Новый обряд шел из Греции, той самой Греции, которая еще два века назад за отступление от истинного благочестия была покарана богом, отдавшим ее во власть неверных. Два века официальная церковная публицистика учила тому, что теперь подлинной и единственной хранительницей древлего православного благочестия является русская церковь, что Москва, как религиозный центр, является третьим Римом, наследником Рима первого и Рима второго—Царьграда, отступивших от правой веры, и «что четвертому Риму не быть». Национальная гордыня и религиозное самомнение культивировались и государством и государственной церковью. То и другое находило себе психологическую поддержку в пренебрежительно-покровительственном отношении к захожим греческим иерархам, в лице своих патриархов и митрополитов приходивших часто на Русь с просьбами о материальных подачках. Официальная Москва терпеливо помогала своим бедным родственни-

кам, давно уже растерявшим в своих униженных искательствах перед богатой родней чувство собственного достоинства и самоуважения, но смотрела на них сверху вниз, как смотрит баловень судьбы на обделенного неудачника. И когда этот смиренно перед ним заискивавший неудачник неожиданно стал задавать тон в делах, казалось, раз навсегда порешенных историей не в его пользу, он вызвал обостренный националистический отпор в среде, которой были чужды, в виду ее оторванности от непосредственного участия в политической жизни, широкие государственные и церковные перспективы верхов, делавших большую политику. Протест против Никоновских реформ в этой среде был тем более психологически и идейно обоснован, что движущие силы этих реформ были скрыты от глаз непосвященных, а внешне дело обстояло так, что новая обрядность и новая буква вводились с такой же настойчивостью и непримиримостью, с какой старая обрядность и старая буква защищались. Никон, которому царем была предоставлена вся полнота власти по проведению реформы, в своем отношении к религиозным догматам и обрядам нисколько не отличался от своих противников. Отсюда та стремительность его действий и жестокость в расправе с противниками, которые не могли не вооружить традиционно мыслившее духовенство против него самого и против всего его дела. Острота положения увеличивалась поведением привлеченных к суду над старообрядцами греческих патриархов, Макария антиохийского и Паисия александрийского, и их приспешников—газского митрополита Паисия Лигарида и афонского архимандрита Дионисия, также греков по национальности, ориентировавших восточных патриархов в русских церковных делах. Именно по инициативе греческих патриархов, действовавших в интересах всецелого подчинения русской церкви греческому церковному влиянию, собор 1667 года признал

759734
ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР
ПОЛЬЗОВАТЬСЯ БЕРЕЖНО

старые русские обряды еретическими, а старообрядцев— еретиками, чем устранил возможность какого-либо сговора и примирения двух враждующих сторон.

Середина XVII века, когда возник раскол, вследствие интенсивной роли, какую играл тогда на Руси иностранный торговый капитал, была эпохой усиленного проникновения в русскую жизнь западно-европейских влияний как в сфере материальной культуры, так и в сфере культуры духовной. Поскольку церковная реформа была связана с иноземной традицией, она, не будучи ни в какой мере продуктом западного влияния, а, наоборот, будучи вызвана к жизни охранительными тенденциями,—защитниками неподвижности и неприкосновенности национальной старины рассматривалась как результат воздействия католического Запада. Основанием для такого воззрения на реформу было и то обстоятельство, что греческие богослужебные книги, по которым исправлялись русские, были напечатаны в Венеции, т. е. в католическом городе.

Таковы были в совокупности причины, определившие собой враждебное отношение к реформе со стороны рядового духовенства, в первую очередь на нее реагировавшего. Что касается высшего черного духовенства, то оно, за единичными исключениями, приняло новшества Никона без сопротивления и даже в ряде случаев оказало им энергичную поддержку. Такая позиция князей церкви обусловливалась чаще всего тем, что интересы этого слоя духовенства не только не страдали от реформы, а, напротив, выигрывали: это лучше всего доказывается поддержкой основного положения Никона о преимуществах священства перед царством, какая заявлена была русскими архиереями, судившими низложенного патриарха.

Реакция Никоновской реформе, возглавлявшаяся на первых порах рядовым духовенством, нашла себе вскоре поддержку в разнообразных социальных груп-

пах, ущемленных режимом дворянского государства. Прежде всего на сторону защитников старины стало в довольно значительной своей части боярство и затем городская буржуазия—посадские люди. Боярство как класс и в XVII веке не могло оправиться от того удара, какой нанесен был ему в XVI веке Иваном Грозным. Оно ходом истории после «смуты» окончательно было отодвинуто на задний план политически и экономически влиятельнейшей в государстве силой—дворянством. Остатки знатных боярских родов потянулись к расколу как к движению, ставшему в оппозицию стеснительному для них режиму. Посадские люди, разоряемые непосильным тяглом, эксплоатируемые воеводами, имевшие в лице Никона одного из сильнейших своих противников, поставленные в условия жесткой конкуренции с иностранными купцами, пользовавшимися в Московском государстве рядом привилегий, также были склонны к политической фронде, обнаруживавшейся в сочувственном отношении к расколу. Фронда эта была тем значительнее, что, в виду усиленного роста городов в XVII веке, посадские люди представляли собой внушительную социальную силу. К ним примыкало и стрелецкое войско, по своему экономическому положению смыкавшееся частью с посадскими людьми, частью с крестьянством. Целым рядом правительственных распоряжений и в частности относившимися к ним статьями Уложения 1649 года оно было лишено существенных льгот и преимуществ. Его дальнейшему существованию серьезно угрожало заведение полков иноземного строя, с которым соперничать оно было бессильно. Конкуренция с иностранцами как для посадских людей, так и для стрельцов была лишним поводом к тому, чтобы религиозные новшества связывались в их представлении с ненавистным Западом, который подтачивал материальные основы жизненного благополучия тех и других. Реформа ими трактовалась как

«люторская, кальвинская и папежская» ересь; с их стороны открыто шли жалобы на то, что «установлена новая вера, велят кланяться болванам и носить немецкое платье, брить бороды, выдавать русских девиц за немцев». Экономическое и техническое соперничество с иноземцами, складывавшееся не в пользу русской буржуазии, рождало у нее национальную и религиозную реакцию, ту же, что и у духовенства и боярства. Эта реакция приводила иногда к крупным столкновениям с господствовавшей государственной и церковной системами. Мы имеем здесь в виду, с одной стороны, знаменитый соловецкий бунт, для ликвидации которого потребовалось целых восемь лет, с другой—хованщину. В обоих случаях оппозиция объединила недовольные элементы из всех перечисленных выше общественных групп. Соловецкое возмущение было поддержано в сильной степени сосланными в монастырь казаками—участниками восстания Разина, покровительствовавшего расколу, как силе, оппозиционной дворянскому государству. Позднее к расколу примкнуло и крестьянство, к середине XVII века окончательно закрепощенное помещику и доведенное до крайней нужды. Ему чужды были в большинстве случаев споры по вопросам старого и нового обряда, но вскоре старая вера для крестьянства, как и для всех недовольных социальных групп, стала знаменем, вокруг которого оно объединялось для протеста против угнетавшей его государственной системы. Эсхатологические настроения в связи с проповедью близкого конца мира нашли в нем живейший отклик, и эпидемия самосожжений стала наиболее обычной формой пассивного протеста и бегства от власти зачинщика новой веры и ее покровителя—антихриста.

Все сказанное имеет своей целью в общих чертах наметить ту историческую обстановку и ту социальную среду, в которых зародилась церковная реформа и боровшаяся с ней старообрядческая оппозиция.

Временное объединение в этой оппозиции различных классов, не объединенных общностью экономических и социальных интересов, находит себе полную аналогию в обстановке, сложившейся в XVI веке в Германии в пору крестьянских войн, сопутствовавших реформации.

Об этой обстановке Энгельс писал: «Многообразные, взаимно перекрещивающиеся стремления рыцарей и горожан, крестьян и плебеев, домогавшихся для себя суверенитета князей, низшего духовенства, тайных мистических сект и учений и сатирической литературной оппозиции нашли себе в требованиях реформации на первое время общее выражение и сгруппировались вокруг них с поразительной быстротой. Этот сложившийся в одну ночь союз всех оппозиционных элементов, как недолговечно ни было его существование, сразу раскрыл всю огромную мощь движения и дал ему сильный толчок» («Крестьянская война в Германии», изд. 4-е, Партиздат, М. 1932, стр. 64). Подлинная, материальная и классовая основа религиозной борьбы, вызванной реформой Никона, также хорошо иллюстрируется другой параллелью из той же книги Энгельса: «И во время так называемых религиозных войн XVI столетия вопрос шел прежде всего о весьма положительных материальных классовых интересах; в основе этих войн также лежала борьба классов, как и в более поздних внутренних кризисах в Англии и Франции. Если эта классовая борьба носила тогда религиозный отпечаток, если интересы, потребности и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это нисколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени» (там же, стр. 32).

II

Протопоп Аввакум был самым ярким и самым влиятельным вождем старообрядческой оппозиции и наи-

более талантливым и плодовитым писателем, выдвинутым расколом. Большое литературное дарование Аввакума и своеобразие его писательской манеры сделали его сочинения выдающимся явлением старой русской литературы, совершенно независимо от того идейного наполнения, которое им присуще и которое для нас представляет лишь исторический интерес. Человек огромного темперамента, фанатически упорный в защите старой веры, шедший в своей борьбе на тяжкие страдания, обрекший на страдания свою семью и закончивший свои дни на костре, Аввакум прожил жизнь, полную всяческих испытаний и порой нечеловеческих лишений. О них он рассказал преимущественно в своем «Житии»—первом в русской литературе опыте автобиографии, из которой мы и извлекаем существеннейшие подробности его жизни.

Родился Аввакум в 1620 или, вернее, в 1621 году в селе Григорове Нижегородского края. Отец его, священник, был неравнодушен к хмельному питию, мать же была постница и молитвенница, ставшая после смерти мужа инокиней. Незадолго до своей кончины мать женила Аввакума на сироте Настасье Марковне, дочери односельчанина-кузнеца. Жена стала духовной спутницей мужа, героически делившей его страдания и злоключения и ободрявшей его в трудном жизненном пути. Из своего села, по неизвестным нам причинам, вероятно, благодаря еще в юности обнаружившейся строптивости его «огнепального» духа, Аввакум был изгнан и переселился в село Лопатицы того же Нижегородского края. Там двадцати одного года он был рукоположен в дьяконы, а через два года—в попы.

С первых же годов служения Аввакум ревностно отдался своему духовному делу, уча, наставляя и наказывая своих духовных детей и временами вступая в борьбу с притеснителями-начальниками. За это он был не раз бит, преследуем и, наконец, изгнан из своего

села. С женой и с только что родившимся сыном побрел он в Москву к протопопам Стефану Вонифатьеву и Ивану Неронову, доложившим о нем царю, который с тех пор стал его знать. С грамотой духовных отцов Аввакум вернулся на старое место, где нашел свой дом разрушенным и хозяйство разоренным. Только что он успел оправиться от разорения, как опять на него посыпались преследования. Боярин Шереметев едва не утопил его в Волге за крутую расправу со скоморохами и за отказ благословить сына-брадобритца, другой начальник едва его не застрелил. В конце концов его изгнали из Лопатиц вторично, он опять отправился в Москву и там получил назначение протопопом в Юрьевец-Повольский. Это было на одиннадцатом году его священства. Но в Юрьевце он удержался всего лишь восемь недель: попы, мужики и бабы, человек тысячи с полторы,—по словам Аввакума,—били его среди улицы батожьем и рычагами, топтали и бросили замертво под избной угол. Только вмешательство властей спасло протопопа от смерти. Жестокая расправа постигла Аввакума, как он говорит, за то, что он унимал попов и баб от «блудни», и, вероятно, за слишком строгое взыскивание патриарших податей.

Придя вновь в Москву, без семьи, в 1652 году, он устроился священником в Казанском соборе, настоятелем которого был его духовный отец Иван Неронов. Аввакум попал в Москву как раз в пору избрания на патриаршество Никона и сам поддерживал перед царем его кандидатуру. Вскоре же он вмешался в борьбу, поднятую против нововведений Никона, и за это поплатился заключением в Андрониевом монастыре. Его посадили на цепь, морили голодом, драли за волосы, толкали под бока, плевали в глаза, затем водили на патриарший двор, где долго, но бесплодно уговаривали и собирались было расстричь, но царь заступился за него.

После этого Аввакума с семьей отправили в Сибирь, в Тобольск, куда он ехал тринадцать недель. Это было в 1653 году. В Тобольске он снискал себе расположение местного архиепископа и был назначен протопопом в Вознесенскую церковь, но и здесь его жизнь оказалась очень беспокойной. За полтора года жизни в Тобольске на него подано было пять доносов. Тут же у него произошло столкновение с архиепископским дьяком Иваном Струной, в результате доноса которого Аввакум приговорен был к ссылке на Лену, замененной затем ссылкой в Даурию, на границе Монголии. Для Аввакума и его семьи началась жизнь полная тяжелых скитаний, непрестанных страданий и лишений, жизнь голодная и холодная; не раз ему грозила смерть. Местный воевода Афанасий Пашков, под начальство которого попал Аввакум, всячески донимал его, бил, морил в оковах в тюрьме и без меры отягчал его и без того тяжкое положение. От голода и нужды у него умерло двое сыновей. Обо всем этом Аввакум подробно рассказывает в своем «Житии».

С целью примирить Аввакума с церковью и тем устранить влиятельного ее противника, успевшего приобрести себе популярность, царь в 1663 году вызвал его в Москву, куда он ехал целых три года. По дороге, по его словам, он «по всем городам и селам, во церквах и на торгах кричал, проповедая слово божие, и уча, и обличая безбожную лесть». В Москве Аввакума и царь и бояре, развязавшиеся с Никоном, встретили «яко ангела божия» и всячески стремились своим вниманием и заботами вознаградить за страдания, перенесенные им в Сибири. Ему сулили почетные должности, дарили деньгами, причем власти просили его только о том, чтобы он молчал. Полгода Аввакум сдерживался, присматриваясь к церковным делам, время от времени бранясь с отступниками, но, видя, что «церковное ничто же успевает, но паче молва бывает», в конце концов

не выдержал и «паки заворчал», послав царю челобитье с просьбой взыскать старое благочестие. Царь и власти, убедившись в неуступчивости строптивого протопопа, сменили милость на гнев, тем более, что он стал энергично группировать вокруг себя недовольных Никоновыми новшествами. Вместе с семьей Аввакума решено было сослать на крайний север, в Пустозерск, но по дороге туда, в виду крайней трудности зимнего пути, ссылка в Пустозерск по распоряжению царя была заменена Аввакуму ссылкой в менее отдаленную Мезень.

Через полтора года, в марте 1666 года, в связи с созывом собора, на котором был решительно поставлен вопрос о борьбе с старообрядцами, Аввакума с двумя сыновьями привезли в Москву, оставив прочих членов семьи на Мезени. В Москве его продержали полтора года, всячески стараясь победить его упорство, чередуя меры физического воздействия на него с уговорами и увещаниями. Но ни заключение в оковах в монастырских тюрьмах, ни уговоры не сломили воли Аввакума, и он вместе с другим своим соратником по борьбе с никонианами был собором лишен сана, предан проклятию и в августе 1667 года отправлен в заточение в Пустозерск. Здесь он просидел в срубе, в земляной тюрьме, пятнадцать лет в самых тяжелых условиях. Но тяжесть существования не помешала Аввакуму энергично продолжать борьбу. Именно здесь по-настоящему началась его литературная деятельность. В пустозерской тюрьме им была написана бо̀льшая часть произведений, посредством которых он общался со своими последователями. Место ссылки Аввакума стало местом паломничества его приверженцев, ревнителей старой веры. Аввакум не сдавался. Вскоре после смерти Алексея Михайловича он написал царю Федору Алексеевичу челобитную, в которой устрашал сына участью отца, сидящего якобы в муках за свое

потворство никонианам. Эта челобитная припомнилась, видимо, тогда, когда окончательно решено было расправиться с Аввакумом и его соузниками. 14 апреля 1682 года он вместе с попом Лазарем, иноком Епифанием и дьяконом Федором был сожжен в срубе «за великие на царский дом хулы».

III

От Аввакума, помимо его автобиографического «Жития», известного в трех редакциях, до нас дошло свыше ~~пятидесяти~~ 80 сочинений разного характера и объема. Тут и беседы, большей частью по вопросам, связанным с современной церковной практикой, и толкования на библейские книги, и поучения, и полемика по догматическим вопросам, и сочинения богословские, и записки о лицах и событиях, связанных с жизнью Аввакума, и, наконец, челобитные, послания и письма. Все написанное Аввакумом непосредственно связано с его борьбой за старую веру и с проповедью нерушимости старой религиозной, нравственной и бытовой традиции. Твердое и убежденное стояние за старину и за старое благочестие, соединенное с огромным темпераментом борца, учителя и обличителя, предопределило весь характер литературной деятельности Аввакума. Руководящий принцип его религиозного поведения сформулирован лучше всего в следующих его словах: «Держу до смерти, якоже приях; не прелагаю предел вечных, до нас положено: лежи оно так во веки веком!.. Не передвигаем вещей церковных с места на место. Идеже святии положиша что, то тут и лежи. Иже кто что хотя малое переменит, да будет проклят».

Но меньше, чем кто-либо из его современников, единомышленников и противников, Аввакум, призывавший итти на смерть «за единый аз», был человеком

только мертвой буквы, отвлеченным схоластом, отстаивавшим букву ради нее самой, хотя на первый взгляд может показаться и обычно кажется, что буква и обряд сами по себе, независимо от того, что за ними крылось, представляли для Аввакума самодовлеющую ценность. Религиозное мышление и поведение Аввакума были в высшей степени прагматичны. Редко в истории можно встретить религиозного проповедника, для которого религиозное дело было бы настолько конкретно связано с житейским бытом, как это было у Аввакума. Яркое своеобразие человеческой и писательской индивидуальности Аввакума как раз в том и заключается, что у него традиционные формы мышления сочетались с непосредственным выражением практического чувства и живого инстинкта жизни, присущего той среде, выразителем которой был огнепальный протопоп. Отсюда ряд его «еретических» высказываний, особенно обнаружившихся в полемике с дьяконом Федором и объективно шедших вразрез с догматикой и установлениями традиционного православия; отсюда и та смелость его литературной манеры, которая делает из него подлинного новатора, разрушающего веками освященные литературные нормы. Новаторство Аввакума сказывается прежде всего в том, что он традиционное «житие» с его стилистическими и тематическими шаблонами реформирует в полемически заостренную автобиографию, в повествование не о каком-либо постороннем угоднике, а о самом себе. Старая русская литература до Аввакума ничего похожего на это не знала. Старый книжник воспитывался в пренебрежении к своей личности; он счел бы кощунственной гордыней писать свое собственное «житие» и собственную личность делать центром внимания и назидания. Если до Аввакума мы порой встречаемся с рассказом писателя о самом себе, как это мы видим, например, в «Поучении Владимира Мономаха», в «Молении Даниила

Заточника», в старинных путешествиях, то во всех этих случаях автобиографический момент составляет с одной стороны лишь аксессуар, а не самодовлеющую задачу, с другой—в них оценка собственной личности и ее значения значительно скромнее и непритязательнее, чем у Аввакума.

Смелость, взятая на себя Аввакумом, находит себе объяснение в крайне повышенном его самомнении и в чувстве огромного своего духовного превосходства над обыкновенными людьми. Оправданием этой смелости для него служит не более—не менее, как пример апостолов, рассказавших о совершенных ими подвигах и чудесах в своих «Деяниях». «Иное было, кажется,—пишет он,—про житие то мне и не надобно говорить, да прочтох Деяния апостольская и послания Павлова,—апостоли о себе возвещали же, егда что бог соделает в них: не нам, богу нашему слава». И вслед за этим сейчас же, в обычных формах христианского условного самоуничижения, он продолжает: «Рекох и паки реку: аз есмь человек грешник, блудник и хищник, тать и убийца, друг мытарем и грешникам и всякому человеку лицемерец окаянной. Простите же и молитися о мне, а я о вас должен, чтущих и послушающих. Больши того жить не умею; а что сделаю я, то людям и сказываю: пускай богу молятся о мне! В день века вси жо там познают соделанная мною—или благая или злая». Но это трафаретное самоумаление тут же аннулируется характерной оговоркой: если он, Аввакум, не учен словом, то зато учен разумом; хотя он и не искусен в диалектике и риторике, зато имеет в себе Христов разум, как говорит апостол: «аще и невежда словом, но не разумом». Он совершенно недвухсмысленно называет себя пророком и посланником Христа. Подражая апостолу Павлу, он начинает некоторые свои послания такими словами: «Раб и посланник Исус Христов». В ряде случаев он так подкрепляет

силу своих положений: «Не я, но тако глаголет дух святый»; «Изволися духу святому и мне»; «Тако глаголет дух святый мною, грешным». Своим духовным детям он писал: «Не имать власти таковыя над вами и патриарх, яко же аз о Христе, кровию своею помазую души ваши и слезами помываю». Свой авторитет он ставит рядом с авторитетом вселенских соборов: «Семью вселенскими соборами и мною, грешным, да будет проклят». Подражая словам Христа, сказанным на тайной вечери, Аввакум, уговаривая собравшихся в горнице бить его за обиду, нанесенную жене, восклицает: «Аще кто бить меня не станет, да не имать со мною части во царствии небесном», тем самым предрешая, что ему, как святому, несомненно уготовано царство небесное. Уже в самом начале своего служения, еще будучи скромным и безвестным священником в Лопатицах, Аввакум, ожидая насильственной смерти, обращается к богу с молитвой, чтобы бог, в случае, если его удавят или зарежут, причел его к лику святых вместе с митрополитом Филиппом или пророком Захарией, а если его станут топить, спас бы его, как спас святого Стефана Пермского. Он, претерпевший сибирскую ссылку, сравнивает себя с Иоанном Златоустым, также подвергшимся ссылке. В пятой челобитной Алексею Михайловичу Аввакум рассказывает прилучившееся ему видение в то время, как в великий пост он лежал на одре, не принимая пищи десять дней, попрекая себя за то, что в такие великие дни он обходится без «правила» и лишь читает молитвы по четкам. Во вторую неделю тело его сильно увеличилось и широко распространилось. Сначала увеличился язык, затем зубы, потом руки и ноги, наконец он весь стал широк и пространен и распространился по всей земле, а потом бог вместил в него небо и землю и всю тварь. «Видишь ли, самодержавне?—продолжает он,— ты владеешь на свободе одною русскою землею, а мне сын божий покорил за темничное сидение и небо и землю».

Неудивительно, что при сознании столь огромной своей силы Аввакум непрочь был вступить в спор и препирательство с самим сыном божиим. После того как он был сильно избит по приказанию Пашкова за свое заступничество за двух вдов, ему, по его словам, такое взбрело на ум: «За что ты, сыне божий, попустил меня ему таково больно убить тому? Я ведь за вдовы твои стал! Кто даст судию между мною и тобою?—спрашивает он словами Иова.—Когда воровал, и ты меня так не оскорблял, а ныне не вем, что̀ согрешил».

В своих сочинениях, особенно в «Житии», Аввакум неоднократно указывает на то, как божья сила чудесно спасала и поддерживала его в его напастях: пищаль, направленная на него, не стреляет, в воде он и его семья не тонут; ангел его чудесно насыщает в заключении вкусными щами, по его молитве лед расступается, образуется прорубь, и он утоляет свою жажду; помощью божьей Аввакум получает громадный улов рыбы в таком месте, где ни у кого рыба не ловится; по божию повелению подавившегося рыбной крошкой Аввакума дочь его, разбежавшись, ударяет в спину, крошка выталкивается, и «божий пророк» спасен от смерти. Сам Аввакум наделен сверхъестественной способностью исцелять больных—и людей и животных—и одержимых бесами.

«Житие» изобилует случаями таких исцелений. По молитве своего угодника бог однако не только исцеляет недужных, но и насылает смерть и несчастье на грешников. Так наказан был злою смертью Иван Струна, злоумышлявший на Аввакума; жестоко разболелся начальник Евфимий Стефанович, напавший на него с вооруженной челядью, побито было войско сына Пашкова Еремея за то, что Пашков обратился к волхву за предсказаниями, удастся ли поход.

Постигнутым бедами и злоключениями является во сне человек в образе Аввакума и оказывает им по-

мощь. Это случилось с заблудившимся Еремеем Пашковым, с тяжело заболевшим келарем Никодимом, обругавшим Аввакума, с бешеным Федором.

Так высоко возносился Аввакум в своих собственных глазах, считая себя отмеченным перстом божьим вождем и учителем верных, призванным живым примером своей незаурядной мученической жизни быть образцом для подражания и назидания. Таким считает его, впрочем, даже его духовный отец и единомышленник старец Епифаний, по настоянию которого Аввакум и описал свою жизнь.

Чудесное покровительство божие проявляется, по словам Аввакума, и по отношению к другим страдальцам за веру: рубашка расстригаемого протопопа Логгина, брошенная им в гневе в алтарь в глаза Никону, покрывает на престоле дискос, будто воздух; брошенному нагим в тюрьму тому же Логгину бог дает на ночь новую шубу и шапку. С Федора юродивого сами собой спадают цепи, отворяется тюремная дверь, и он свободно выходит из заточения, а погоня, его преследующая, проносится мимо, не замечая его; отрезанные у Лазаря, Епифания и дьякона Федора языки вновь вырастают, и к казненным возвращается дар речи, а отрезанная рука Лазаря, лежа на земле, сама складывает два перста, по преданию. Но ни одному из своих соратников по борьбе за веру Аввакум не присваивает тех исключительных качеств богоизбранности, какие он присваивает себе. Бог совершает чудеса над страдальцами, но ниоткуда не видно, чтобы сами они были чудотворцами, как Аввакум. Эта привилегия дана свыше лишь ему одному. Вслед за Аввакумом, по его вызову и явно подражая ему, написал свое житие его духовный отец инок Епифаний, но, приводя ряд чудес, совершенных по воле божьей над ним, он не говорит ни об одном чуде, совершенном им самим. Эпигон Аввакума в автобиографическом

жанре, не позволявший себе однако и в малой степени того стилистического новаторства, которым насквозь проникнуто «Житие» Аввакума, Епифаний не решался и присваивать себе самому свойства, какие обычно приписываются святым.

Аввакум, взявший на себя миссию пророка и посланника божия, не был иноком. Он был семьянин, чадолюбивый отец, живший в мирском быту и не склонный к проповеди монашеского аскетизма, хотя традиционно и отдававший предпочтение иноческой жизни перед мирской. Религиозное сознание его утверждало не принципиальное отрицание жизни в миру и жизни вообще, а проникновение жизни во всех ее бытовых подробностях религией. Эта мирская стихия Аввакума предопределила в значительной степени его свободу в обращении с традиционными формами литературного творчества. Не только по своему содержанию, но и по форме «Житие» и другие произведения Аввакума представляют собой необычное, своеобразно индивидуальное явление. Первое, что обращает на себя внимание в сочинениях Аввакума,—это его живая русская речь, или перебивающая речь книжную, церковно-славянскую, или, в большинстве случаев, совершенно ее вытесняющая. Сам Аввакум свой язык характеризует как «просторечие» и «вякание», т. е. как свободную, непринужденную беседу. В предисловии к третьей редакции «Жития» он обращается к своему читателю и слушателю со следующим предупреждением: «и аще что речено просто, и вы, господа ради, чтущии и слышащии, не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить, понеже не словес красных бог слушает, но дел наших хощет». Адресуясь к царю Алексею Михайловичу, он говорит: «Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком; не уничижай ево и в церкви, и в дому, и в

пословицах». И, несмотря на то, что Аввакум не проводит ясной границы между языками русским и церковно-славянским, как это видно из ближайшего контекста, все же очевидно, что он обыденную, бесхитростную, домашнюю речь предпочитает речи книжной, торжественно высокопарной. Аввакум настолько смел в пользовании живой речью, что не ограничивается теми ее элементами, которые нашли уже себе доступ в язык документов, юридических и бытовых памятников, а вводит в нее диалектические особенности своего родного григоровского говора, в том числе такую его особенность, как постпозитивный член (указательное местоимение после существительного). Проникновение живой речи наблюдается и в других памятниках литературы XVII века, частью XVI (например, у Ивана Грозного), но нигде в такой степени, как у Аввакума. Он не оставил после себя в этом отношении и ближайших литературных последователей, если не считать трактата против самосожжения инока Ефросина—«Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей», написанного в 1691 году и элементами своего просторечия явно обязанного смелому почину Аввакума. Начав изложение своего «Жития» церковно-славянской речью, Аввакум вскоре меняет ее на живую русскую, лишь изредка вкрапливая в нее церковно-славянизмы, которые беспримесно употребляются им только в цитатах из священного писания, обильно уснащающих как «Житие», так и другие его произведения. Эти цитаты приводятся Аввакумом не только для аргументации и иллюстрации его высказываний, но часто влагаются и в уста персонажей, о которых идет речь в «Житии»; ими иногда говорит и сам Аввакум.

С церковно-славянскими цитатами контрастируют обильные вульгаризмы, присущие речи Аввакума. Они проявляются главным образом в тех бранных эпитетах, которые он расточает по адресу своих против-

ников, и в откровенном описании физиологических отправлений, а также в непривычных сочетаниях слов, взятых из различных стилистических рядов, вроде «само царство небесное валится в рот» или «большо у Христа тово остра шелепуга та» и т. п.

Просторечие в сочинениях Аввакума находит себе внутреннее объяснение и в том, что все эти сочинения, независимо от своей внешней формы, по своей тенденции являются прежде всего произведениями поучительными и полемическими и притом обращенными к широкой аудитории единомышленников. Даже «Житие», наряду с обычными для этого жанра элементами поучения, насквозь проникнуто полемикой. Автобиография и личная исповедь являются здесь средством воспитательного воздействия на читателя и защиты правой веры от посягательств на нее ее врагов и хулителей. Полемические пассажи в «Житии» не ограничиваются отдельными беглыми фразами; оно начинается с длинного полемического вступления и затем включает в себя две небольшие полемические статьи—о причастии и сложении перстов. Страстная полемическая напряженность всего тона Аввакума была причиной того, что он не стеснялся, с одной стороны, приписывать своим противникам те отрицательные, несовместимые с их положением в церкви качества, которых в ряде случаев у них и не было, с другой стороны—употреблять по их адресу самые изощренные ругательства. Никон—по характеристике Аввакума—«носатый и брюхатый, борзой кобель», «овчеобразный волк», «адов пес», «лис», «шиш антихристов», «плутишко». Он, будучи патриархом, ведет распутный образ жизни, имеет любовниц, и об этом у Аввакума говорится в достаточно откровенных, весьма реалистических тонах. Про митрополита ростовского Иону Аввакум рассказывает, что к нему «медведя Никон, смеяся, прислал... на двор, и он челом медведю—митрополитищо-законоположник».

О митрополите крутицком Павле Аввакум так отзывается: «А о Павле крутицком мерзко и говорить: тот явный любодей, церковный кровоядец и навадник, убийца и душегубец, Анны Михайловны Ртищевой любимой владыка, подпазушной пес борзой». В одном месте о нем же Аввакум говорит, что он «не живал духовно,—блинами все торговал да оладьями; да как учинился попенком, так по боярским дворам блюда лизать научился». Сравнивая архиепископа рязанского Илариона с библейским Мелхиседеком, который «не искал ренских, и романеи, и водок, и вин процеженных, и пива с кордомоном, и медов малиновых и вишневых, и белых всяких крепких», Аввакум обращается к Илариону с такой речью: «А ты кто? Вспомяни о себе, Яковлевич, попенок! В карету сядет, растопырится, что пузырь на воде, сидя в карете на подушки, расчесав волосы, что девка, да едет, выставя рожу на площаде, чтобы черницы-ворухиниянки любили. Ох, ох, бедной! Некому по тебе плакать». В одном месте он говорит: «Аз с кобелями теми грыззя, яко гончая собака с борзыми, с Павлом и Иларионом». Отборной руганью осыпает Аввакум и всех никониан вообще. Они—«блядины дети», «собаки», «поганцы», «толстобрюхие», «толсторожие», «воры», «сластолюбцы», «блудодеи», «пьяницы», «дураки», «кривоносы», «душегубцы». Окончательно потеряв надежду на то, что царь Алексей Михайлович поддержит старую веру, Аввакум стал третировать его так же, как он третировал вообще никониан. Рисуя злорадно судьбу в аду нечестивого царя Максимиана и явно намекая при этом на судьбу самого Алексея Михайловича, он восклицает: «Бедной, бедной, безумное царишко! Что ты над собой сделал?.. Ну, сквозь землю пропадай, блядин сын! Полно християн тех мучить!»

Но не только противники-никониане были объектом энергичных ругательств Аввакума. Когда недавний

его друг дьякон Федор, его союзник, борец за старую веру, поплатившийся за нее своим языком, стал его антагонистом по ряду догматических вопросов, он в непримиримой вражде к нему, стремясь всячески дискредитировать его в глазах единоверцев, обрушился на него с такой же бранью, с какой адресовался к никонианам. Аввакум презрительно называет его «Федькой», «козлом», «бешеным», «собакой косой», «блядиным сыном», «дураком», «вором церковным», предает его проклятию и плюет на него.

В своем полемическом задоре и крайнем возмущении противниками Аввакум расточает неоднократно по их адресу самые резкие угрозы. Упрекая никониан в религиозной нетерпимости, он предается таким размышлениям: «Чюдо, как в познание не хотят прийти! Огнем, да кнутом, да висилицею хотят веру утвердить! Которые-то апостоли научили так?—не знаю. Мой Христос не приказал нашим апостолам так учить, еже бы огнем, да кнутом, да висилицею в веру приводить». Но эта теоретическая веротерпимость не мешала Аввакуму на практике действовать как раз вопреки ей. Он сам, будучи на свободе, неоднократно утверждал веру и благочестие единственно доступными ему средствами—кнутом и цепями, о чем сам повествует, особенно в «Житии». «Всегда такой я, окаянной, сердит, дратца лихой»,—говорит он в связи с кулачной расправой, произведенной им над женой и домочадицей. Не раз он высказывает сожаление по поводу того, что не может склонить царя казнить «еретиков» или сам круто расправиться со своими врагами. К Алексею Михайловичу Аввакум обращается с такой просьбой: «Перестань-ко ты нас мучить тово! возьми еретиков тех, погубивших душу твою, и пережги их, скверных собак, латынников и жидов, а нас распусти, природных своих. Право, будет хорошо». В послании к царю Федору Алексеевичу Аввакум говорит: «А что, государь-царь, как бы

ты мне дал волю, я бы их, что Илья пророк, всех перепластал во един день. Не осквернил бы рук своих, но и освятил, чаю... Перво бы Никона того, собаку, рассекли бы начетверо, а потом бы никониян тех». В другом месте он так варьирует свою угрозу: «Воли мне нет да силы,— перерезал бы, что Илья пророк, студных и мерзких жерцов всех, что собак... Знаете ли, вернии? Никон прескверней ший; от него беда та на церковь ту пришла. Как бы доброй царь, повелел бы его на высокое древо, яко древле Артахсеркс Амана, хотяща погубити Мардохея и род Израилев искоренити. Миленькой царь Иван Васильевич скоро бы указ сделал собаке». Обращаясь к «собакам»-никонианам, Аввакум восклицает: «Дайте только срок,—я вам и лутчему тому ступлю на горло о Христе Исусе, господе нашем». В другом месте он пишет: «Дайте только срок, собаки, не уйдете от меня; надеюсь на Христа, яко будете у меня в руках! выдавлю я из вас сок-от!» Вместе с никонианами Аввакум угрожает жестокой расправой и дьякону Федору: «Всех вас развешаю по дубю. Ну вас к чорту, ненадобны вы святей троицы, поганцы, ни к чему не годны». Недаром Федор жаловался на то, что Аввакум всячески досаждал ему, не останавливаясь даже перед доносами на него пустозерским властям. Оправданием такого отношения к своим противникам для Аввакума служит то, что они—враги божьи, еретики, к которым неприменима заповедь о любви к ближним. «Рассуждай глагол Христов,—пишет он,—своего врага люби, а не божия, сиречь еретика и наветника душевнаго уклоняйся и ненавиди, отрицайся его душею и телом... С еретиком какой мир? Бранися с ним и до смерти и не повинуйся ево уму развращенному».

Если по отношению к тем, кого Аввакум считал божьими врагами, еретиками, он был сам неумолимо враждебен и осыпал их самой неразборчивой бранью, то по отношению к своим единомышленникам и даже

к тем своим врагам, которых он считал лишь временно заблудшими и способными к исправлению, он мог быть и бывал в своих к ним обращениях очень деликатен и ласков. (Разумеется, и тут, как и в его чувствах к его противникам, личные счеты играли существенную роль.) Так, неизменно участливо отзывался он о Федоре юродивом, о боярыне Морозовой, княгине Урусовой и старице Маремьяне и о многих других, с кем сталкивала его жизнь. По их адресу он обращается с такими эпитетами: «товарищ миленькой», «миленькой дитятко», «свет мой», «дитятко церковное», «голубка», «голубица», «кокушка». К лицам особо уважаемым и страдальцам за веру Аввакум иногда посылает обращения, облеченные в торжественно-витиеватую церковнославянскую форму. Так, письмо четырем поморским отцам начинается словами: «Четвероконечная колесница огненного течения». Одно письмо к Ф. П. Морозовой, Е. П. Урусовой и М. Г. Даниловой начинается следующим обращением: «Херувимы многоочитыя, серафими шестокрыльни, воеводы огнепальныя, воинство небесных сил, тричисленная единица трисоставного божества, рабы вернии: Феодора в Евдокеи, Евдокея в Феодоре и Мария в Феодоре и Евдокеи!» Другое письмо к Морозовой и Урусовой высокой торжественностью своего стиля напоминает акафисты: «Увы, Феодосия! увы, Евдокея! Два супруга нераспряженная, две ластовицы сладкоглаголивыя, две маслины и два свещника пред богом на земли стояще!.. О, светила великия, солнце и луна русския земли, Феодосия и Евдокея, и чада ваша, яко звезды сияющия пред господем богом! О, две зари, освещающия весь мир на поднебесней!» и т. д. Но все эти высокие похвалы не помешали Аввакуму разбранить Морозову, когда она провинилась перед ним как перед своим духовным отцом. В ответ на ее жалобы по поводу того, что сына ее перед смертью причастил никонианский поп, Аввакум, строго наставляя

свою адресатку, пишет ей: «Полно-су плюскать-то, Христа для!.. Дорога̀ ты, что в черницы те попала, грязь худая? А хто ты,—не Феодосья, ли девица преподобномученица? Еще не дошла до тое версты!» В другой раз, в связи с жалобой Морозовой на Федора юродивого и просьбой отлучить его от причастия, Аввакум отчитывает ее еще более энергично: «Ох, увы, горе! бедная, бедная моя духовная власть! Уж мне баба указывает, как мне пасти Христово стадо! Сама вся в грязи, а иных очищает; сама слепа, а зрячим путь указывает! Образумься! Ведь ты не ведаешь, что клусишь!.. Глупая, безумная, безобразная, выколи глазища те свои челноком, что и Мастридия; оно лутче со единым оком внити в живот, нежели, двое оце имуще, ввержену быть в геену. Да не носи себе треухов тех; сделай шапку, чтоб и рожу ту закрыла, а то беда на меня твои треухи те».

С задушевно-лирическими воспоминаниями Аввакум обращается не только к людям, ему симпатичным, но и к собачке, навещавшей его в Братском остроге, и к черненькой курочке, несшей по два яичка в год и этим кормившей его голодавших детей. Эпизод с курочкой, помещенный вслед за рассказом о тяжком пути Аввакума с семьей из Даурии на Русь,—одна из любопытнейших жанровых картин в «Житии», придающих ему, наряду с просторечием, характер непринужденного повествования, столь далекого от канонической формы обычного жития.

Эта непринужденность подчеркивается и теми случаями иронии, сарказма и шутки, которые нередки в сочинениях Аввакума. Имея в виду никониан, он пишет: «Стану опять про свое горе говорить, как вы меня жалуете-потчиваете: 20 лет тому уж прошло». К самому себе он обращается со следующими словами: «Любил, протопоп, со славными знатца, люби же и терпеть, горемыка, до конца». Сказав об отправлении

священником Лазарем двух посланий царю и патриарху, Аввакум продолжает: «И за вся сия присланы к нам гостинцы: повесили на Мезени в дому моем двух человеков, детей моих духовных». Угрожая проклятием некоему Родиону за намерение разлучить мужа с женой, Аввакум спрашивает его: «Хочешь ли, я тебе сию игрушку в душу посажю?» Обращаясь к никонианам, которые хотят силой заставить веровать в антихриста, он говорит: «Возьми,—здорово,—будет по-вашему! Нет, дружки, не надейтеся! Жить нам с своим надежею Христом, сыном божиим». Страстно полемизируя с дьяконом Федором, Аввакум обращается к нему со словами: «Ну, дитятко круговое, вот тебе рассуд Златоустов».

К этим образцам близки те обороты речи Аввакума, в которых он пользуется словами, намеренно огрубляющими фразу. Говоря о своей борьбе с бесом, вселившимся в его брата, Аввакум пишет: «ночь всю зимнюю с ним простряпал». Упоминая о преследованиях евреями своих пророков, Христа и апостолов, он заключает: «да и много у них стряпни той было». По поводу слухов о том, что служанка Аввакума прижила с его сыном ребенка, Аввакум пишет: «Иныя говорят—Прокопей, сын мой, привалял, а Прокопей божится и запирается. В летах детина, не дивно и ему привалять!» Характеризуя усердие Федора юродивого в молитве, он говорит: «тысяча поклонов отбросает». Говоря о двух своих сыновьях, из страха смерти повинившихся перед никонианами и затем с матерью закопанных в Мезени в земляную тюрьму, Аввакум считает, что мать за то сидит, чтоб впредь подкрепляла детей умирать за Христа «и жила бы, не развешав уши». Про инокиню Меланью он пишет: «А Меланью ту твою ведь я знаю, что она доброй человек; да пускай не развешивает ушей». Призывая верных к самосожжению, он восклицает: «Всяк верный не развешивай ушей тех». Сравнивая свое

время с временем царя Манассии, Аввакум говорит: «Да и при Манассии жерцы те так же шурмовали; да как самово выдал бог персам, так и все скуталися, и хвосты те, воскрылия риз своих, прижали». Об Алексее Михайловиче он отзывается так: «Накудесил много, горюн, в жизни сей, яко козел скача по холмам, ветр гоня». О своих преследователях он говорит: «А власти, яко козлы, пырскать стали на меня». Упрекая архиереев-никониан в чревоугодии, он иронизирует: «Мясцо птичье брюшка не пыщит». По их адресу он пренебрежительно бросает: «Гордоусы! обмишулились». По поводу запрещения исповедывать и причащать своих детей Аввакум пишет: «а что запрещение то отступническое, и то я о Христе под ноги кладу, а клятвою тою—дурно молыть—гузно тру». По адресу дьякона Федора он обращается с такими выражениями: «больши того не ковыряй», «Да глаза твои гораздо расторопь», «Что же еще шарапаешься с богом?», «Разжуй-ко, чем пахнет?» (последняя фраза со ссылкой на беседу Иоанна Златоуста).

Для оживления речи Аввакум вводит в нее поговорки, присловья и пословицы, частью рифмованные: «Аще бы не были борцы, не бы дана быша венцы», «Коли же кто изволил богу служить, о себе ему не подобает тужить», «Из моря напился, а крошкою подавился», «Вы постигосте верси горам, а мы получихом верси бедам», «Лучше пустые бродни, чем по улицам бродить», «А ты, душе, много ли имеешь при них? Разве мешок да горшок, а третье—лапти на ногах», «У бабы волосы долги, а ум короток», «Отольются медведю коровьи слезы», и т. д.

Той же цели служат и диалоги, обильно уснащающие «Житие» и другие произведения Аввакума. Эти диалоги не условно-трафаретные, типичные для старой житийной и повествовательной литературы, а живо передающие реальные черты персонажей, о которых идет речь. Здесь иногда маленькая реплика рисует существенные

особенности характера. Протопоп с протопопицей и детьми бредут пять недель из Сибири на Русь по голому льду. С ними несколько человек, так же как и Аввакумова семья, выбивающихся из сил. Протопопица бредет-бредет, да, поскользнувшись, и повалится. В ту пору, споткнувшись об упавшую, иной утомленный человек сам падает на нее. Оба кричат, барахтаются, а встать не могут. Подошедшего мужа протопопица спрашивает: «Долго ли муки сия, протопоп, будет?»— «Марковна, до самыя смерти!»—отвечает Аввакум. И на эти решительные и безнадежные, как приговор, слова следует кротко-покорный и мужественный ответ протопопицы: «Добро, Петровичь, ино еще побредем». Придя на Русь из ссылки, осмотревшись и видя, что «стоит зима еретическая на дворе», Аввакум заскорбел и поколебался, проповедывать ли ему слово божие или скрыться, потому что связали его жена и дети. Жена, увидев мужа опечаленным, «со опрятством» приступила к нему, спросила его о причине печали и, услыхав от него, в чем дело, ободрила протопопа на подвиг: «Аз тебя и с детьми благословляю... Поди, поди в церковь, Петровичь,—обличай блудню еретическую!» Колебания Аввакума были уничтожены, и он вновь принялся за горячую и неустанную проповедь. Этими двумя выдержками из «Жития», несмотря на всю их словесную сжатость, как нельзя лучше передана вся сила и страстность натуры спутницы и подруги огнепального протопопа, бесстрашно делившей с ним все тяготы его бурной жизни.

Характерной особенностью религиозного сознания Аввакума было его представление абстрактных религиозных сущностей и персонажей библейской и церковной истории в конкретно-бытовых формах человеческой жизни. Отсюда его тяготение к материализации фактов, в традиционном христианском сознании трактуемых в понятиях идеально-отвлеченных. Оно и было

причиной ожесточенной полемики его с дьяконом Федором главным образом по вопросу о троичности лиц и о сошествии Христа в ад. Оно существенно отразилось и на особенностях его стиля. Бог—«старый чюдотворец»—в представлении Аввакума—существо «благохитрое», дипломатически распоряжающееся судьбами мира. По поводу догмата вочеловечения Христа Аввакум говорит: «Мудро господь дьявола тово победил, братия; обманул ево, яко рыболов рыбу удицею подцепил. Евсевий Самосадский пишет: «якоже лшение [крючок] ловец на уду вонзе, рыбу уловляет, тако и Христос, плоть облече на божество, утаився, диавола уловил». «Дурачищо большой,—продолжает он по адресу дьявола,—не Адама в породе [в раю] снедном обмануть!» Змия, соблазнившего Еву, Аввакум описывает так: «ноги у нее были и крылье было. Хорошой зверь была, красной, докаместь не своровала». Об Адаме и Еве после грехопадения говорится в таких тонах: «О, миленькие! одеть стало некому; ввел дьявол в беду, а сам и в сторону. Лукавой хозяин накормил и напоил, да и с двора спехнул. Пьяной валяется на улице, ограблен, а никто не помилует... Проспалися, бедные, с похмелья, ано и самим себя сором: борода и ус в блевотине, а от гузна весь и до ног в говнех, со здоровных чаш голова кругом идет». На вопрос бога Адаму: «что се сотворил еси?» Адам отвечает: «жена, еже ми сотворил еси». К этому ответу Аввакум делает такое пояснение: «Просто молыть: на што-де мне дуру такую сделал». К оправданию Евы: «змия прельсти мя», дается следующий комментарий: «Вот хорошо: каков муж, такова и жена; оба бражники, а у детей и давно добра нечева спрашивать, волочатся ни сыты, ни голодны». Жертва Каина не принята была богом потому, что Каин принес «хлебенко худой, который не годен себе», тогда как Авель дал «барана лучшего». О Ное говорится: «на радостях испил старик миленькой, да и портки с себя сбросил, наг валяшеся». Сарра,

которая для святой троицы «пирогов напекла», в ответ на слова бога, о том, что у нее родится сын, говорит: «Я-де баба лет 90, как будет се?» Уподобляя себя нищему, ходящему по улицам города, под окнами собирающему милостыню и раздающему ее затем «питомникам церковным», Аввакум продолжает: «У богатова человека, царя Христа, из Евангелия ломоть хлеба выпрошу; у Павла апостола, у богатова гостя, из полатей его хлеба крому выпрошу; у Златоуста, у торговова человека, кусок словес его получю; у Давыда царя и у Исаии пророков, у посадцких людей, по четвертине хлеба выпросил. Набрав кошел, да и вам даю, жителям в дому бога моего». О святом Николе сказано, что он «Ария, собаку, по зубам брязнул», а к этому добавляется замечание: «ревнив был, миленькой покойник». Все библейские и церковно-исторические реминисценции в связи с морализующим их осмыслением сопоставляются Аввакумом с отрицательными сторонами современной ему церковной действительности.

Еще более материализованным в представлении Аввакума является всегдашний объект его борьбы—бес. Это не бесплотный дух, каким он является в христианском воззрении, а вполне конкретное существо, наделенное признаками и свойствами, близкими к человеческой природе. Здесь Аввакум всецело во власти первобытного анимизма. Изгоняемый Аввакумом из его брата бес садится на окно, прячется в угол, забегает под печь. Действуя через некоего Филиппа, он бьет и терзает Аввакума, «яко паучину», досаждает ему игрой на домрах и гудках, вышибает из рук его четки, в церкви приводит в движение столик, поднимает крышку гроба и шевелит саван мертвеца, в алтаре заставляет летать с места на место ризы и стихари. Орудия борьбы с бесом—священные амулеты, единственно его устрашающие и парализующие его власть над человеком. «Только беса не проймешь батогом, как мужика,—гово-

рит Аввакум,—боится он святой воды да священного масла; а совершенно бежит от креста господня».

Все указанные особенности, характеризующие сочинения Аввакума, сообщают им тот характер реалистического письма, который находится в полном соответствии с его индивидуальной природой. Реалистическим тенденциям Аввакума не противоречит и его эстетика, как она обнаруживается в любопытнейшей его беседе об иконном писании. Судя по ней, на первый взгляд может показаться, что Аввакум во имя идеалистических традиций старорусского иконописания как раз протестует против того реалистического письма, которое под влиянием западно-европейского барокко начинает проникать в русскую иконопись со второй половины XVII века. На самом же деле протест его вызывался тем, что новое письмо было, во-первых, по самому своему происхождению западно-католическим и потому «еретическим»; во-вторых, в условиях русского консервативного быта и традиционной русской жизни оно представлялось не реалистическим, а очень условным, как условно было изображение только что родившегося Христа обросшим бородой, над чем во имя здравого смысла иронизирует Аввакум. Когда на иконах русских «изуграфов» спасов образ имел «лице одутловато, уста червонная, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надутые, тако же и у ног бедры толстыя», то он, естественно, на благочестивого зрителя, воспитанного в традициях школы Андрея Рублева, должен был произвести впечатление «немчина брюхатого и толстого», которому не хватает лишь «сабли той при бедре».

IV

Реализм писаний Аввакума был обусловлен в значительной степени и тем, что бурно-темпераментная

и увлекающаяся натура его сплошь и рядом раскрывалась в этих писаниях со всеми своими противоречиями, обнаруживая в них как свои положительные, так и отрицательные стороны. Эти противоречия также в большой степени обусловливают собой реализм Аввакумовского письма, поскольку они, нарушая мертвую схему и разрушая прямолинейно-одностороннюю характеристику, свидетельствуют о подлинно живой человеческой жизни, как их основе.

Характерная, прежде всего бросающаяся в глаза особенность Аввакума как человека—это соединение в его натуре жесткости, неумолимой суровости к врагам его дела и мстительности в порыве гнева—с благожелательностью, переходящей порой в сентиментальную нежность к тем, кого он считал близкими себе по духу и по вере или с кем его связывали общие страдания и невзгоды. С какой злобой Аввакум отзывался о своих идейных противниках, мы видели выше. Нельзя однако сказать, чтобы Аввакум по природе был вообще злопамятен. Так, он не хранит зла и к самым упорным своим преследователям и мучителям, если они перестают упорствовать в защите никонианских новшеств. В порыве всепрощения он даже утверждает, что все к нему добры, «один дьявол лих». Он молится, и повидимому искренно, за самого злого своего гонителя—Афанасия Пашкова, после того как тот принял от него постриг и схиму. С явным сожалением говорит Аввакум о внезапно умершем своем враге Иване Струне, которого он перед тем проклинал и труп которого бросил на съедение собакам. Возвращаясь на Русь, он спасает от преследования разъяренных казаков, дав за него выкуп, «ябедника» Василия, который при Пашкове бил его, сажал на кол и искал его головы. Он сам себя уличает в излишней снисходительности к никонианам: досадит ему бывало никонианин, да как придет к протопопу с льстивой просьбой помолиться о нем,

о жене и о детях, Аввакуму становится жаль его, и он плачется о нем перед богом. «Я бы и Никона-отступника простил,—говорит он в другом месте,—как бы он покаялся в блудне своей о Христе; ино лиха не та птица: залетела в пустые дебри непроходимые, возвратитися не хощет».

Крайний ригорист, Аввакум в то же время снисходителен к грешникам и прощает их слабости, если видит в грешнике симпатичного ему человека. Недаром он рекомендует себя другом грешников и мытарей. Он с благодарностью вспоминает стрельцов, приставленных к нему на Воробьевых горах и облегчавших ему и его товарищам Лазарю и Епифанию их заключение. Хоть они и напиваются допьяна и матерно ругаются, а у спаса они лучше чернецов, носящих рогатые клобуки; если бы не страсть их к вину и непристойная ругань, они равны были бы с мучениками. Накладывая на провинившуюся старообрядку Елену суровую семилетнюю епитимию, он тут же, видимо для того чтобы не довести грешницу до полного отчаяния, смягчает свой строгий приговор снисходительно-ободряющей шуткой: «Друг мой миленькой Еленушка! Поплачько ты хорошенько пред богородицею-светом, так она скоренько очистит тебя. Да ведь-су и я не выдам тебя: ты там плачь, а я здесь. Дружне дело; как мне покинуть тебя? Хотя умереть, а не хочу отстать. Елена, а Елена! С сестрами теми не сообщайся, понеже оне чисты и святы. А со мною водися, понеже я сам шелудив, не боюся твоей коросты, и своей много у меня! Пришли мне малины. Я стану есть, понеже я оглашенной, ты оглашенная: друг друга не дивим, оба мы равны. Видала ли ты? Земские ярыжки друг друга не осужают. Тако и мы». Жалея впавшую в тяжкий грех свою духовную дочь, он поручает игумену Сергию ослабить епитимию, если грешница будет усердно каяться в своем проступке.

Этот ласковый юмор вклинивается как-то неожиданно в суровую обличительную речь, очень невеселую для той, которая своим поступком ее вызвала. Он сродни тем саркастическим обращениям, с какими протопоп адресуется к своим врагам и о которых говорено было выше. Источник его—способность Аввакума даже в самых драматических положениях видеть и их комическую сторону. Любимое его присловье: «И смех и горе». Ему и смешно и грустно, когда горемыку-дочь его Огрофену то погонят от боярынина окна, куда она пошла за милостыней, то многонько ей дадут; когда дети, таща нарту, повалятся от усталости на снег, а мать даст им по кусочку пряничка, и они опять потащат; когда поп Лазарь, после того как у него отрезали язык, все же, как и прежде, внятно говорит: «Щупай, протопоп, забей руку в горло то, небось, не откушу», и т. д.

Аввакум не упускает случая, чтобы не помянуть благодарным словом тех, кто так или иначе облегчал ему его тяжелый жизненный путь. Когда один из наиболее близких ему друзей, его сообщник по кружку «ревнителей благочестия» Иван Неронов, не выдержав гонений, покаялся перед никонианами в своем упорстве, с которым он защищал старую веру, и стал креститься тремя перстами, Аввакум, связанный с ним давней приязнью и обязанный ему заступничеством в первые годы заключения, не мог оставаться равнодушным, когда кто-нибудь порицал его старого друга. «Про все пиши,—обращается он к одному из своих корреспондентов,—а про старцово житье мне не пиши, не досажай мне им: не могут мои уши слышати о нем хульных глагол ни от ангела».

Несчастные, пришибленные жизнью, слабые и беспомощные вызывают у Аввакума жалость, деятельное участие и желание помочь им чем можно и облегчить их жизнь. Как нянька с ребенком, возится он с бешеным

Кириллушкой, заключенным с ним в одной темнице. Он его кормит, обмывает, переодевает, убирает за ним нечистоты, дисциплинирует его в молитве, а после его смерти заботливо погребает «товарища своего миленького», купив для него на свои скудные средства гроб и саван и заплатив попам за сорокоуст на помин его души. С большой лирической задушевностью говорит Аввакум и о своей злосчастной семье, особенно о горемыке-дочери Огрофене, которая когда-то украдкой бродила за подаянием под окнами жены и снохи Пашкова, а теперь, в двадцать семь лет, безмужняя, с меньшими сестрами кое-как перебивается в слезах. Сидя в пустозерской тюрьме без белья, без сапог и без денег, он посылает этой самой Огрофене холстинку и озабочен тем, дошла посылка до дочери или не дошла.

Человек, видимо, огромной физической силы, который неустрашимо один идет на ватагу скоморохов с двумя медведями и разгоняет их, которого не берут ни холод, ни голод, ни жестокие побои, который, наконец, сам энергично смиряет плетью ослушников заповедей божиих, Аввакум порой не прочь жалостливо уподобить самого себя овечке среди волков или зайцу среди собак или сокрушенно воскликнуть по своему адресу: «Аввакум, бедная сиротина!», или: «бедный горемыка-протопоп».

Противоречивость своей натуры и свои слабости отмечал нередко и сам Аввакум, осложняя таким образом автобиографию, послание, полемику элементами простодушной исповеди. В одном из посланий он чистосердечно признается: «А еще во мне такой нрав есть: как меня кто величает и блажит, так я тово и люблю; а как меня кто обесчестил словом каким, так и любить его не захотел». В другом месте он пишет: «Говорить-то я охоч, а делать-то ленив, окаянной, враг богу и себе». Нет оснований утверждать, что и другие самоосуждения Аввакума являются лишь условно-штампованными

формулами, за которыми не скрывается ничего, кроме надуманной риторики и трафаретной позы не свободного от грехов праведника. Когда он в «Житии» признается в «плотском разжении», испытанном им во время исповеди блудницы, то тут еще можно сомневаться в автобиографичности факта в виду сходства его описания с описанием аналогичных искушений в житийной литературе. Но когда Аввакум там же сокрушенно рассказывает об избиении жены и домочадицы, оговариваясь при этом: «да и всегда такой я, окаянной, сердит, дратца лихой», то здесь мы имеем дело несомненно с реальным фактом. Такие же реальные факты— и другие случаи «падений» Аввакума, о которых он сам повествует в своем «Житии»,—хождение в Тобольске в никонианскую церковь и терпимое отношение к службе по новому обряду, нерадивость в молитве, обличаемая юродивым Федором, о котором Аввакум говорит: «не на баснях проходил подвиг, не как я, окаянной», обмен книги Ефрема Сирина на лошадь для двоюродного брата, в результате чего Аввакуму пришлось выдержать упорную борьбу с бесом, навлечение молитвою гибели на войско сына Пашкова, Еремея, за что Аввакум называет себя пастырем худым, погубившим свои овцы, забывшим евангельскую заповедь, предписывающую щадить человеческие души. Любопытно, что, даже говоря о своем злейшем преследователе, от которого он испытывал подчас нечеловеческие муки, Аввакум неожиданно заключает: «Десять лет он меня мучил или я ево,—не знаю. Бог разберет в день века».

Противоречия в характере Аввакума обнаруживаются и из его рассказов о своих поступках, о которых идет речь в «Житии». Энергичный борец за церковное благочиние, один из деятельнейших ревнителей древлего благочестия, Аввакум легко нарушает самое элементарное благочиние, когда сталкивается с обстоятельствами, возбуждающими его гнев и раздражение.

Он не только с удовлетворением рассказывает о том, как расстригаемый никонианами поп Логгин, разжегшийся «ревностью божественного огня», плюет в алтаре в глаза Никону и бросает на престол снятую с себя рубашку, но и сам порой прерывает службу, чтобы заняться рукоприкладством. Так, он прекращает вечерню и тут же, в церкви, «за церковный мятеж» сечет плетью дьяка Струну. В другой раз—сейчас же вслед за переносом «даров» он бьет на клиросе досадившего ему бесноватого Федора и велит затем понамарю приковать своего досадителя в притворе к стене. При возвращении из Сибири с ним произошел следующий случай. Он увез чем-то провинившегося «замотая» и при преследовании его казаками спрятал на дне судна, прикрыл постелью и велел жене и дочери лечь на эту постель. Поиски казаков оказались безрезультатными. Аввакуму удалось убедить их, что у него нет того, кого они ищут. Казаки ушли ни с чем. Лет через десять, описывая этот случай в «Житии», Аввакум обращается к старцу Епифанию и «рабу Христову» с просьбой разрешить его сомнения, не поступил ли он греховно, солгав казакам, или, напротив, его поступок может быть одобрен, как одобряет писание поступок блудницы Раави, спрятавшей преследуемых людей Исуса Навина. Если Аввакум, его жена и дочь согрешили, пусть Епифаний и раб Христов наложат на них епитемию, чтобы не пришлось им отвечать на страшном суде. Для ответа оставлено чистое место, на котором—видимо, рукой Епифания—написано несколько строк, одобряющих поступок протопопа.

Такая крайняя моральная щепетильность Аввакума может внушить представление о нем как о человеке, не склонном ни к каким компромиссам и сделкам со своей совестью, даже в том случае, если имеется в виду благая цель, оправдывающая компромисс. А между тем в высказываниях Аввакума мы встречаемся с явно вы-

раженными образчиками оппортунизма и прямой апологии лжи и лицемерия, которые далеко не столь невинны, как та ложь с «замотаем», в которой он сокрушенно винился. Вот характерный пример циничной изворотливости, которую Аввакум, не раз призывавший свою паству всячески игнорировать никонианских священников, рекомендует своим пасомым. В «Книге всем нашим горемыкам миленьким» он разрешает крестить ребенка и новопоставленному попу, если тот служит по старому служебнику. «Где же детца? Нужда стала»,—так оправдывает он свое разрешение. Как быть с исповедью? Аввакум, призывавший итти на костер «за единый аз», тут неожиданно рекомендует в той же «Книге» не смелый отказ исповедываться у никонианского священника, а хитрые увертки и даже прямое коварство: если уж никак нельзя отвадить никонианского попа, пришедшего в дом со святой водой, лучше всего в воротах выкопать яму и натыкать в нее кольев, чтобы поп, не заметив ее, упал в нее и распорол себе живот. Но если все же не удастся уберечь себя от религиозных услуг попа-никонианина, остается покаяться перед господом богом: «Где же детца? Живыя могилы нет»,—резонирует проповедник самосожжения. При возвращении на Русь Аввакум с семьей, как он сам рассказывает в «Житии», неожиданно столкнулся на Иртыше с туземной башкирской или татарской ордой, которая перед тем убила двадцать христиан. Он лицемерно стал обниматься с туземцами, а жена его так же лицемерно завела дружбу с туземками, и все обошлось благополучно, окончившись к обоюдному удовольствию торговой сделкой. Когда Федор юродивый, бежавший в Москву от преследований архиепископа рязанского Илариона и ходивший обычно в одной лишь рубашке, спросил совета у Аввакума, как ему быть дальше: возвратиться ли на старое место для новых мучений или, надев платье, жить, укрываясь, в Москве, Авва-

кум посоветовал ему надеть платье и оставаться в Москве. Трудно, наконец, поверить в искренность Аввакума, когда он в своих челобитных адресуется к царю Алексею Михайловичу с выражениями своего усиленного к нему расположения и смиренной незлобивости.

V

Приведенные только что образчики компромиссной тактики Аввакума убеждают нас в том, что неправильно было бы рассматривать его как отвлеченного борца за идею, не заинтересованного в первую очередь в практическом ее осуществлении. В 1673 году, почти за девять лет до смерти, он писал своей семье: «А нынешнюю зиму потерпите только маленько: силен бог—уже собак тех, перепутав огненным ужем, отдаст нам в руки. Тогда умей спасать их». Другими словами, Аввакум надеялся на близкое торжество своего дела, будучи уверен, что сам он со своей семьей будет свидетелем этого торжества. Для него не было сомнения в том, что сын Алексея Михайловича, Федор Алексеевич, во всяком случае восстановит древлее благочестие, и этой уверенностью продиктованы вызывающие строки его письма к молодому царю.

Если однако своих последователей и даже членов своей семьи он призывал итти на смерть и сам готов был пожертвовать жизнью за «единый аз», то делал он это в полной убежденности, что мимолетное страдание мученика за веру вознаградится райским блаженством, как тяжелая операция вознаграждается возвратом здоровья и физического благополучия. Неразумно ведь упускать царство божие, если оно само «валится в рот». Как говорят о каком-нибудь практически невыгодном шаге, говорит Аввакум о малодушии своих сыновей, которые «бедные оплошали» и, повинившись перед ни-

конианами, «не догадались венцов победных ухватити». В сравнении с ожидаемым небесным благополучием краткая мука в огне ничего не стоит: «А во огне том здесь небольшее время потерпеть—аки оком мгнуть, так душа и выступит!—уговаривает Аввакум одного из своих учеников.—Разве тебе не разумно [непонятно]? Боишися пещи той? Дерзай, плюнь на нея, небось! До пещи той страх-от; а егда в нея вошел, тогда и забыл вся... Темница горит в пещи, а душа, яко бисер и яко злато чисто, взимается со ангелы выспрь в славу богу и отцу». Царство небесное по сравнению с очень неказистой земной юдолью тем более заманчиво, что оно воображению Аввакума рисуется в формах все той же материальной земной жизни, но только безмерной во всем, обильной и радостной. Узнала это тобольская духовная дочь Аввакума девица Анна, в сонном видении побывавшая в райской палате, приуготовленной для самого протопопа и для всех тех, кто его слушается. Эта палата сияет неизреченной красотой, белые стены в ней уставлены блюдами с кушаньями, и она оглашается умильными птичьими голосами.

То обстоятельство, что история выдвинула Аввакума как самого влиятельного и самого крупного борца за старый религиозный уклад, обусловливалось самими свойствами его личности. Старая Русь с ее отсталыми формами культуры и общественной жизни нашла себе в нем наиболее яркое воплощение своего религиозного быта. Как культурно-исторический тип, Аввакум был очень характерной фигурой, сумевшей отразить в своей деятельности длительную историческую эпоху, ходом вещей обреченную на поражение, хотя и отстаивавшую еще долго и после него свой культурно-бытовой уклад. Резко выраженные в Аввакуме свойства фанатического борца-демагога, психически одержимого, подверженного галлюцинациям и потому считавшего себя чудотворцем, находящимся под особым покровительством

божественного промысла, определили собой то заражающее его влияние на массы прозелитов, которое обеспечило ему широкую популярность. Его борьба с Никоном в значительной степени была подсказана той личной ненавистью, которую он, как и многие другие представители низшего и среднего духовенства, питал к всесильному церковному временщику, отстранившему от участия в церковной политике тех, кто способствовал его возвышению, в том числе и Аввакума. Натура честолюбивая и властная, Аввакум не мог помириться на роли послушного исполнителя предписаний всевластного патриарха, круто и поспешно ломавшего веками нажитые традиции, и это тем более, что темный, мало подвижной и некритический ум провинциального протопопа и его дремучая консервативная психика не поспевали за тем вихрем новшеств, какие обрушились под водительством Никона на закостеневшую в традиционизме русскую церковь. Как только Никон выступил с первыми своими преобразованиями, у Аввакума «сердце озябло и ноги задрожали», он понял, «яко зима хощет быти», и, чтобы отогреть озябшее сердце и укрыться от никонианской зимы, он зажег костры, в которые тысячами повалили его отчаявшиеся последователи. Громкий и назойливый «шум никониянский», «яко ветром» возмутивший его душу, был нестерпим для его слуха, усыпленного спокойно-уверенными баснями о благолепной и святой русской старине. У него не было никакого сомнения в том, что «до Никона-отступника в нашей России у благочестивых князей и царей все было православне, чисто и непорочно, и церковь немятежна». Непорочность древлего православия засвидетельствована для него взращенными им святыми, прославившими русскую землю. На Стоглавом соборе при царе Иване «знаменоносцы» Гурий и Варсанофий, казанские чудотворцы, и Филипп, соловецкий игумен, своим авторитетом

утвердили ту старую веру, которую теперь «рушит и казит» предотеча антихриста Никон. Усердие, обнаруженное верхами греческого духовенства в делах русской церкви, не могло не оскорблять Аввакума, воспитанного в традициях снисходительно-пренебрежительного отношения к тем, кого он считал вчерашними попрошайками, сегодня беззастенчиво хозяйничавшими в русской церкви и творившими суд и расправу в чужой земле, как у себя дома.

На Русь стремительно надвигался Запад с его мирской культурой, с «немецкими обычаями» и пытливой наукой. Все это подрывало те устои, на которых держалась старина с ее религиозным, социальным и экономическим укладом. Никон и его ближайшие единомышленники не менее Аввакума были враждебно настроены к западной «прелести», но проявившиеся в реформе элементы самокритики, разрушая идиллическое представление о непогрешимости старины и подрывая ее устойчивый авторитет, тем самым косвенно прокладывали дорогу для более радикального пересмотра всех традиционных основ русской жизни. Привлечение к делу исправления богослужебных книг киевских ученых монахов, принесших с собой если не содержание современной им западной научной мысли, то ее методы и—самое главное—уважение к «злоименному» дотоле разуму, было уже само по себе явлением опасным для неподвижности мысли, характерной для традиционного московского уклада. Типичный начетчик, наизусть приводивший огромное количество цитат из книг священного писания, Аввакум ревниво охранял букву даже в том случае, если она была результатом опечатки. Не потому, очевидно, охранял, что для него дорога была буква сама по себе, а потому, что передвинутый «аз» внушал недоверие к старине и грозил передвинуть и эту самую богоспасаемую старину. К науке, которая пыталась букву осмыслить и подняться

над суеверным преклонением перед ней, он относился резко отрицательно и враждебно. «Не ищите риторики и философии, ни красноречия,—поучает он, ссылаясь на Григория Нисского—но, здравым истинным глаголом последующе, поживите. Понеже ритор и философ не может быть християнин». От него достается и Платону, и Пифагору, и Аристотелю, и другим философам древности, которых он знает по упоминаниям о них в Хронографе. Себя самого он с явным самодовольством рекомендует как неученого простеца, ни в каких ученых хитростях не искушенного. «Аз есмь ни ритор, ни философ, дидаскалства и логофетства неискусен, простец человек и зело исполнен неведения». Свиньи и коровы, ревом и визжанием предсказывающие дурную погоду, по его убеждению знают больше, чем альманашники и зодейщики—разумные свиньи, измеряющие небо и землю, а часа своей смерти не знающие.

При такой вражде к знанию и к разуму, характерному не только для Аввакума, но и для всех вождей и ревнителей старой веры, старообрядчество в культурном отношении оказалось движением сугубо реакционным. Таким же оно было и в отношении социальном. Если позднее оно осложнилось кое в каких своих разветвлениях элементами социального протеста, то это обстоятельство не должно вводить нас в заблуждение: такое осложнение не было органическим и могло иметь место лишь потому, что старообрядчество само по себе, независимо от своего содержания, было явлением, оппозиционным господствующим формам церковной и государственной (но не политической) практики. Самому Аввакуму остались чужды социальные проблемы современной ему действительности. Они были вне поля его зрения и вне его интересов, всецело поглощенных церковно-религиозной борьбой. Нигде у него мы не найдем чего-нибудь напоминающего, хотя бы отдаленно, тех радикальных в общественном отношении заявлений,

которые сделаны были еще в XVI веке его соотечественниками—Матвеем Башкиным или Феодосием Косым. Тем более он не идет в сравнение с такими деятелями демократического движения в немецком реформационном движении, как Томас Мюнцер или его предшественник Ганс Бегайм, так же, как и Аввакум, создавший себе в среде своих приверженцев репутацию пророка, чудотворца, но связавший свою миссию посланника божия с революционной пропагандой социального равенства, достижение которого мыслилось им при помощи крестьянского вооруженного восстания. Ни в одном из его сочинений мы не найдем и чего-нибудь похожего на те пламенные филиппики против экономического засилья господствующих классов, какие мы встречаем, например, у украинского церковного деятеля Ивана Вишенского, жившего за пятьдесят лет до Аввакума и с темпераментом горячего народного трибуна обрушившегося на панов и епископов, эксплоатировавших крестьянские и городские массы Украины. Если он порой заступался за беззащитных, преследуемых всякими «начальниками», то делал это стоя не на ясно осознанных социальных позициях, а на позициях борца за евангельскую заповедь помощи и покровительства обижаемым и притесняемым.

Яркая литературная фигура и смелый новатор в области стиля, очень незаурядная по силе своего темперамента индивидуальность, Аввакум в самом существе своем был в такой же мере ярким выражением отжившей традиции, длительно и напряженно боровшейся с непреложным развитием исторического процесса, которого не могли повернуть вспять ни запоздалая проповедь пламенного протопопа, ни борьба за его дело его соучастников и единомышленников.

В данном издании, помимо основного произведения Аввакума—«Жития», печатаемого полностью в автографической редакции, с приведением всех важнейших вариантов из двух других редакций, печатаются—частью также полностью, частью в извлечениях—другие его сочинения, в том числе избранный эпистолярный материал. Из этих сочинений выбрано все то, что наиболее ярко характеризует писательскую манеру Аввакума и рисует его самого как исторического деятеля. О принципах редактирования и печатания текста подробно говорится в комментарии. Цифровые пометки в тексте «Жития» означают отсылки к вариантам.

Н. Гудзий

Житие протопопа Аввакума

По благословению отца моего старца Епифания писано моею рукою грешною протопопа Аввакума, и аще что реченно просто, и вы, господа ради, чтущии и слышащии, не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить, понеже не словес красных бог слушает, но дел наших хощет. И Павел пишет: «аще языки человеческими глаголю и ангельскими, любви же не имам,—ничто же есмь». Вот что много рассуждать: не латинским языком, ни греческим, ни еврейским, ниже иным коим ищет от нас говоры господь, но любви с прочими добродетельми хощет; того ради я и не брегу о красноречии и не уничижаю своего языка русскаго, но простите же меня, грешнаго, а вас

всех, рабов Христовых, бог простит и благословит. Аминь[1].

[2] Всесвятая троице, боже и содетелю всего мира! поспеши и направи сердце мое начати с разумом и кончати делы благими, яже ныне хощу глаголати аз недостойный; разумея же свое невежество, припадая, молю ти ся и еже от тебя помощи прося: управи ум мой и утверди сердце мое приготовитися на творение добрых дел, да, добрыми делы просвещен, на судище десныя ти страны причастник буду со всеми избранными твоими[2]. И ныне, владыко, благослови, да, воздохнув от сердца, и языком возглаголю Дионисия Ареопагита о божественных именех, что есть богу присносущные имена истинные, еже есть близостные, и что виновные, сиречь похвальные. Сия суть сущие: сый, свет, истина, живот; только четыре свойственных, а виновных много; сия суть: господь, вседержитель, непостижим, неприступен, трисиянен, триипостасен, царь славы, непостоянен, огнь, дух, бог, и прочая по тому разумевай.

Того ж Дионисия о истине: себе бо отвержение истины испадение есть, истина бо сущее есть; аще бо истина сущее есть, истины испадение сущаго отвержение есть; от сущаго же бог испасти не может, и еже не быти—несть.

Мы же речем: потеряли новолюбцы существо божие испадением от истиннаго господа, свя-

стится, спасен будет, а иже не имет веры, осужден будет». Смотри, слышателю, волею зовет Христос, а не приказал апостолом непокоряющихся огнем жечь и на висилицах вешать. Татарской бог Магмет написал во своих книгах сице: «непокараящихся нашему преданию и закону повелеваем главы их мечем подклонити». А наш Христос ученикам своим никогда так не повелел. И те учители явны яко шиши антихристовы, которые, приводя в веру, губят и смерти предают; по вере своей и дела творят таковы же. Писано во Евангелии: «не может древо добро плод зол творити, ниже древо зло плод добр творити»: от плода бо всяко древо познано бывает. Да што много говорить? аще бы не были борцы, не бы даны быша венцы. Кому охота венчатца, не по што ходить в Персиду, а то дома Вавилон. Ну-тко, правоверне, нарцы имя Христово, стань среди Москвы, прекрестися знамением спасителя нашего Христа, пятью персты, яко же прияхом от святых отец: вот тебе царство небесное дома родилось! Бог благословит: мучься за сложение перст, не рассуждай много! А я с тобою за сие о Христе умрети готов. Аще я и не смыслен гораздо, неука человек, да то знаю, что вся в церкви, от святых отец преданная, свята и непорочна суть. Держу до смерти, яко же приях; не прелагаю предел вечных, до нас положено:

лежи оно так во веки веком! Не блуди, еретик, не токмо над жертвою Христовою и над крестом, но и пелены не шевели. А то удумали со дьяволом книги перепечатать, вся переменить— крест на церкви и на просвирах переменить, внутрь олтаря молитвы иерейские откинули, ектеньи переменили, в крещении явно духу лукавому молитца велят,—я бы им и с ним в глаза наплевал,—и около купели против солнца лукаво-ет их водит, такоже и, церкви святя, против солнца же и, брак венчав, против солнца же водят,—явно противно творят,— а в крещении и не отрицаются сатоны. Чему быть?—дети ево: коли отца своево отрицатися захотят! Да что много говорить? Ох, правоверной душе!—вся горняя долу быша. Как говорил Никон, адов пес, так и сделал: «печатай, Арсен, книги как-нибудь, лишь бы не по старому!»—так-су и сделал. Да больши тово нечим переменить. Умереть за сие всякому подобает. Будьте оне прокляты, окаянные, со всем лукавым замыслом своим, а страждущим от них вечная память трижды![70]

Посем у всякаго правовернаго прощения прошу: иное было, кажется, про житие то мне и не надобно говорить; да прочтох Деяния апостольская и Послания Павлова,—апостоли о себе возвещали же, егда что бог соделает в них: не нам, богу нашему слава. А я ничто ж

есмь. Рекох, и паки реку: аз есмь человек грешник, блудник и хищник, тать и убийца, друг мытарем и грешникам и всякому человеку лицемерец окаянной. Простите же и молитеся о мне, а я о вас должен, чтущих и послушающих. Больши тово жить не умею; а что сделаю я, то людям и сказываю; пускай богу молятся о мне! В день века вси жо там познают соделанная мною—или благая или злая. Но аще и не учен словом, но не разумом; не учен диалектики и риторики и философии, а разум Христов в себе имам, яко ж и Апостол глаголет: «аще и невежда словом, но не разумом».

Простите,—еще вам про невежество свое побеседую. Ей, сглупал, отца своего заповедь преступил, и сего ради дом мой наказан бысть; внимай, бога ради, како бысть. Егда еще я попом бысть, духовник царев, протопоп Стефан Вонифантьевичь, благословил меня образом Филиппа митрополита да книгою святаго Ефрема Сирина, себя пользовать, прочитая, и люди. Аз же, окаянный, презрев отеческое благословение и приказ, ту книгу брату двоюродному, по докуке ево, на лошедь променял. У меня же в дому был брат мой родной, именем Евфимей, зело грамоте горазд и о церкве велико прилежание имел; напоследок взят был к большой царевне вверх во псаломщики, а в мор и с женою скончался. Сей Евфимей лошедь

сию поил и кормил и гораздо об ней прилежал, презирая правило многажды. И виде бог неправду в нас с братом, яко неправо по истине ходим,—я книгу променял, отцову заповедь преступил, а брат, правило презирая, о скотине прилежал,—изволил нас владыко сице наказать: лошедь ту по ночам и в день стали беси мучить,—всегда мокра, заезжена, и еле жива стала. Аз же недоумеюся, коея ради вины бес так озлобляет нас. И в день недельный после ужины, в келейном правиле, на полунощнице, брат мой Евфимей говорил кафизму непорочную и завопил высоким гласом: «призри на мя и помилуй мя!»—и, испустя книгу из рук, ударился о землю, от бесов поражен бысть,—начат кричать и вопить гласы неудобными, понеже беси ево жестоко начаша мучить. В дому же моем иные родные два брата—Козма и Герасим, больши ево, а не смогли удержать ево, Евфимия; и всех домашних человек с тридцеть, держа ево, рыдают и плачют, вопиюще ко владыке: «господи помилуй, согрешили пред тобою, прогневали твою благостыню, прости нас, грешных, помилуй юношу сего, за молитв святых отец наших!» А он пущи бесится, кричит, и дрожит, и бьется. Аз же, помощию божиею, в то время не смутихся от голки тоя бесовския. Кончавше правило, паки начах молитися Христу и богородице со слезами,

глаголя: «владычице моя, пресвятая богородице! покажи, за которое мое согрешение таковое ми бысть наказание, да, уразумев, каяся пред сыном твоим и пред тобою, впредь тово не стану делать!» И, плачючи, послал во церковь по потребник и по святую воду сына своего духовнаго Симеона—юноша таков же, что и Евфимей, лет в четырнадцеть, дружно меж себя живуще Симеон со Евфимием, книгами и правилом друг друга подкрепляюще и веселящеся, живуще оба в подвиге крепко, в посте и молитве. Той же Симеон, плакав по друге своем, сходил во церковь и принес книгу и святую воду. Аз же начах действовать над обуреваемым молитвы Великаго Василия с Симеоном: он мне строил кадило и свещи и воду святую подносил, а прочии держали беснующагося. И егда в молитве речь дошла: «аз ти о имени господни повелеваю, душе немый и глухий, изыди от создания сего и ктому не вниди в него, но иди на пустое место, идеже человек не живет, но токмо бог призирает»,—бес же не слушает, не идет из брата. И я паки ту же речь в другоряд, и бес еще не слушает, пущи мучит брата. Ох, горе мне! Как молыть?—и сором, и не смею; но по старцеву Епифаниеву повелению говорю; сице было: взял кадило, покадил образы и беснова и потом ударился о лавку, рыдав на много час. Восставше, ту же Василиеву

речь закричал к бесу: «изыди от создания сего!» Бес же скорчил в кольцо брата и, пружався, изыде и сел на окошко; брат же быв яко мертв. Аз же покропил ево водою святою; он же, очхняся, перстом мне на беса, седящаго на окошке, показует, а сам не говорит, связавшуся языку его. Аз же покропил водою окошко, и бес сошел в жерновый угол. Брат же и там ево указует. Аз же и там покропил водою, бес же оттоле пошел на печь. Брат же и там указует. Аз же и там тою же водою. Брат же указал под печь, а сам перекрестился. И аз не пошел за бесом, но напоил святою водою брата во имя господне. Он же, воздохня из глубины сердца, сице ко мне проглагола: «спаси бог тебя, батюшко, что ты меня отнял у царевича и двух князей бесовских! Будет тебе бить челом брат мой Аввакум за твою доброту. Да и мальчику тому спаси бог, которой в церковь по книгу и воду ту ходил, пособлял тебе с ними битца. Подобием он что и Симеон же, друг мой. Подле реки Сундовика меня водили и били, а сами говорят: нам-де ты отдан за то, что брат твой Аввакум на лошедь променял книгу, а ты-де ея любишь; так-де мне надобе брату поговорить, чтоб книгу ту назад взял, а за нея бы дал деньги двоюродному брату». И я ему говорю: «я,—реку,—свет, брат твой Аввакум». И он мне отвещал: «какой ты мне

брат? Ты мне батько; отнял ты меня у царевича и у князей; а брат мой на Лопатищах живет,— будет тебе бить челом»[71]. Аз же паки ему дал святыя воды; он же и судно у меня отнимает и съесть хочет,—сладка ему бысть вода! Изошла вода, и я пополоскал и давать стал; он и не стал пить. Ночь всю зимнюю с ним простряпал. Маленько я с ним полежал и пошел во церковь заутреню петь; и без меня беси паки на него напали, но легче прежнева. Аз же, пришед от церкви, маслом ево посвятил, и паки бесы отыдоша, и ум цел стал; но дряхл бысть, от бесов изломан: на печь поглядывает и оттоля боится; егда куды отлучюся, а беси и наветовать ему станут. Бился я с бесами, что с собаками, недели с три за грех мой, дондеже взял книгу и деньги за нея дал. И ездил к другу своему Илариону игумну: он просвирувынял за брата; тогда добро жил,—что ныне архиепископ резанской, мучитель стал христианской. И иным духовным я бил челом о брате, и умолили бога о нас, грешных, и свобожден от бесов бысть брат мой. Таково то зло заповеди преступление отеческой! Что же будет за преступление заповеди господня? Ох, да только огонь да мука! Не знаю, дни коротать как! Слабоумием объят и лицемерием и лжею покрыт есмь, братоненавидением и самолюбием одеян, во осуждении всех человек погибаю,

Изображение беса

Миниатюра из лицевого Жития Нифонта XVI века
(Государственный Исторический музей в Москве)

Райские палаты

Миниатюра из лицевого Жития Нифонта XVI века (Государственный Исторический музей в Москве)

и мняся нечто быти, а кал и гной есмь, окаянной—прямое говно! отвсюду воняю—душею и телом. Хорошо мне жить с собаками да со свиниями в конурах: так же и оне воняют, что и моя душа, злосмрадною вонею. Да свиньи и псы по естеству, а я от грехов воняю, яко пес мертвой, повержен на улице града. Спаси бог властей тех, что землею меня закрыли: себе уж хотя воняю, злая дела творяще, да иных не соблажняю. Ей, добро так!

Да и в темницу ту ко мне бешаной зашел, Кирилушко, московской стрелец, караульщик мой. Остриг его аз, и вымыл, и платье переменил,—зело вшей было много. Замкнуты мы с ним двое жили, а третей с нами Христос и пречистая богородица. Он, миленькой, бывало серет и ссыт под себя, а я ево очищаю. Есть и пить просит, а без благословения взять не смеет. У правила стоять не захочет,—дьявол сон ему наводит, и я ево постегаю четками, так и молитву творить станет и кланяется, за мною стоя. И егда правило скончаю, он и паки бесноватися станет. При мне беснуется и шалует, а егда к старцу пойду посидеть в ево темницу, а ево положу на лавке, не велю ему вставать и благословлю ево и, докамест у старца сижу, лежит, не встанет, богом привязан,—лежа беснуется. А в головах у него образы и книги, хлеб и квас и прочая, а ничево

без меня не тронет. Как прийду, так встанет, и дьявол, мне досаждая, блудить заставливает. Я закричу, так и сядет. Егда стряпаю, в то время есть просит и украсть тщится до времени обеда; а егда пред обедом «Отче наш» проговорю и благословлю, так тово брашна и не ест, просит неблагословеннова. И я ему силою в рот напехаю, и он и плачет и глотает. И как рыбою покормлю, тогда бес в нем вздивиячится, а сам из него говорит: «ты же-де меня ослабил!» И я, плакався пред владыкою, опять постом стягну и окрочю ево Христом. Таже маслом ево освятил, и отрадило ему от беса. Жил со мною с месяц и больши. Перед смертию образумился. Я исповедал ево и причастил, он же и преставился, миленькой, скоро. И я, гроб купя и саван, велел погребсти у церкви; попам сорокоуст дал. Лежал у меня мертвой сутки, и я ночью, востав, помоля бога, благословя ево, мертвова, и с ним поцеловався, опять подле его спать лягу. Товарищ мой, миленькой, был! Слава богу о сем! Ныне он, а завтра я так же умру.

Да у меня ж был на Москве бешаной,—Филиппом звали,—как я из Сибири выехал. В ызбе в углу прикован был к стене, понеже в нем бес был суров и жесток гораздо, бился и дрался, и не могли с ним домочадцы ладить. Егда ж аз, грешный, со крестом и с водою

прийду, повинен бывает и, яко мертв, падает пред крестом Христовым и ничего не смеет надо мною делать. И молитвами святых отец сила божия отгнала от него беса, но токмо ум еще несовершен был. Феодор был над ним юродивый приставлен, что на Мезени веры ради Христовы отступники удавили,—Псалтырь над Филиппом говорил и учил его Исусовой молитве. А я сам во дни отлучашеся от дому, токмо в нощи действовал над Филиппом. По некоем времени пришел я от Феодора Ртищева зело печален, понеже в дому у него с еретиками шумел много о вере и о законе; а в моем дому в то время учинилося нестройство: протопопица моя со вдовою домочадицею Фетиньею меж собою побранились,—дьявол ссорил ни за што. И я, пришед, бил их обеих и оскорбил гораздо, от печали[72] согрешил пред богом и пред ними. Таже бес вздивиял в Филиппе, и начал чепь ломать, бесясь, и кричать неудобно. На всех домашних нападе ужас, и зело голка бысть велика. Аз же без исправления приступил к нему, хотя ево укротити; но не бысть попрежнему. Ухватил меня и учал бить и драть и всяко меня, яко паучину, терзает, а сам говорит: «попал ты мне в руки!» Я токмо молитву говорю, да без дел не пользует и молитва. Домашние не могут отнять, а я и сам ему отдался. Вижу, что согрешил: пускай меня бьет.

Но,—чюден господь!—бьет, а ничто не болит. Потом бросил меня от себя, а сам говорит: «не боюсь я тебя!» Полежал маленько, с совестию собрался. Воставше, жену свою сыскал и пред нею стал прощатца со слезами, а сам ей, в землю кланяясь, говорю: «согрешил, Настасья Марковна,—прости мя, грешнаго!» Она мне также кланяется. Посем и с Фетиниею тем же образом простился. Таже лег среди горницы и велел всякому человеку бить себя плетью по пяти ударов по окаянной спине: человек было с двадцеть,—и жена, и дети, все, плачючи, стегали. А я говорю: «аще кто бить меня не станет, да не имать со мною части во царствии небеснем!» И они нехотя бьют и плачют; а я ко всякому удару по молитве. Егда ж все отбили, и я, воставше, сотворил пред ними прощение. Бес же, видев неминучюю, опять вышел вон из Филиппа. И я крестом ево благословил, и он по-старому хорош стал. И потом исцелел божиею благодатиею о Христе Исусе, господе нашем, ему ж слава.

А егда я был в Сибири,—туды еще ехал,—и жил в Тобольске, привели ко мне бешанова, Феодором звали. Жесток же был бес в нем. Соблудил в велик день с женою своею, наругая праздник,—жена ево сказывала,—да и взбесился. И я, в дому своем держа месяца с два, стужал об нем божеству, в церковь водил

и маслом освятил, и помиловал бог: здрав бысть, и ум исцеле. И стал со мною на крылосе петь в литоргию; во время переноса и досадил мне. Аз в то время, побив его на крылосе, и в притворе велел пономарю приковать к стене. И он, вышатав пробой, пущи и первова вбесясь, в обедню ушел на двор к большому воеводе и, сундуки разломав, платье княинино на себя вздел, а их розгонял. Князь же, осердясь, многими людьми в тюрьму ево оттащили; он же в тюрьме юзников бедных всех перебил и печь разломал. Князь же велел ево в деревню к жене и детям сослать. Он же, бродя в деревнях, великие пакости творил. Всяк бегает от него. А мне не дадут воеводы, осердясь. Я по нем пред владыкою плакал всегда[73]. Посем пришла грамота с Москвы,—велено меня сослать из Тобольска на Лену, великую реку. И егда в Петров день собрался в дощенник, пришел ко мне Феодор целоумен, на дощеннике при народе кланяется на ноги мои, а сам говорит: «спаси бог, батюшко, за милость твою, что помиловал мя. По пустыни-де я бежал третьева дни, а ты-де мне явился и благословил меня крестом, и беси-де прочь отбежали от меня, и я пришел к тебе поклонитца и паки прошу благословения от тебя». Аз же[74], на него глядя, поплакал и возрадовался о величии божии, понеже о всех нас печется и промышляет

господь: ево исцелил, а меня возвеселил! И поуча ево, благословя, отпустил к жене ево и детям в дом. А сам поплыл в ссылку, моля о нем Христа, сына божия-света, да сохранит его и впредь от неприязни. [75]А назад я едучи, спрашивал про него, и мне сказали: «преставился-де, после тебя годы с три живучи христиански с женою и детьми». Ино добро. Слава богу о сем! [75]

Простите меня, старец с рабом тем Христовым: вы мя понудисте сие говорить. А однако уж розвякался,—еще вам повесть скажу. Как в попах еще был, там же, где брата беси мучили, была у меня в дому моем вдова молодая,—давно уж, и имя ей забыл, помнится, Офимьею звали,—ходит и стряпает, и все хорошо делает. Как станем в вечер начинать правило, так ея бес ударит о землю, омертвеет вся, яко камень станет, и не дышит, кажется,—ростянет ея среди горницы, и руки и ноги,—лежит яко мертва. И я, «О всепетую» проговоря, кадилом покажу, потом крест положу ей на голову и молитвы Василиевы в то время говорю: так голова под крестом и свободна станет, баба и заговорит; а руки и ноги и тело еще мертво и каменно. И я по руке поглажу крестом, так и рука свободна станет; я—и по другой, и другая так же освободится; я—и по животу, так баба и сядет. Ноги еще каменны. Не смею

туда крестом гладить,—думаю, думаю,—и ноги поглажу, баба и вся свободна станет. Вставше, богу помолясь, да и мне челом. Прокуда-таки—ни бес, ни што был в ней, много времени так в ней играл. Маслом ея освятил, так вовсе отшел прочь: исцелела, дал бог. А иное два Василия у меня бешаные бывали прикованы,—странно и говорить про них: кал свой ели[76].

А еще сказать ли тебе, старец, повесть? Блазновато, кажется,—да было так. В Тобольске была у меня девица, Анною звали, дочь моя духовная, гораздо о правиле прилежала о церковном и о келейном и вся мира сего красоту вознебрегла. Позавиде диявол добродетели ея, наведе ей печаль о первом хозяине своем Елизаре, у него же взросла, привезена из полону из кумыков. Чистотою девство соблюла, и, егда исполнилася плодов благих, дьявол окрал: захотела от меня отыти и за первова хозяина замуж пойти, и плакать стала всегда. Господь же пустил на нея беса, смиряя ея, понеже и меня не стала слушать ни в чем и о поклонех не стала радеть. Егда станем правило говорить, она на месте станет, прижав руки, да так и простоит. Виде бог противление ея, послал беса на нея: в правиле стоящу ей, да и взбесится. И мне, бедному, жаль: крестом благословлю и водою покроплю, так и отступит от нея бес. И многажды так бысть. Она же

единаче в безумии своем и непокорстве пребывает. Благохитрый же бог инако ея наказал: задремала в правило, да и повалилась на лавке спать, и три дни и три ночи не пробудяся спала. Я лишо ея по времяном кажу, спящую: тогда-сегда дохнет. Чаю, умрет. И в четвертый день очхнулась; села, да плачет; есть ей дают—не ест. Егда я правило канонное скончав и домочадцев, благословя, роспустил, паки начах во тьме без огня поклоны класть; она же с молитвою втай приступила ко мне и пала на ноги мои; и я, от нея отшед, сел за столом. И она, приступя паки к столу и плачючи, говорит: «послушай, государь, велено тебе сказать». Я стал слушать у нея. «Егда-де я в правило задремала и повалилась, приступили ко мне два ангела и взяли меня и вели меня тесным путем. И на левой стране слушала плач, и рыдание, и гласы умиленны. Потом-де меня привели во светлое место, зело гораздо красно, и показали-де многие красные жилища и полаты; и всех-де краше полата, неизреченною красотою сияет паче всех и велика гораздо. Ввели-де меня в нея; ано-де стоят столы, и на них послано бело, и блюда с брашнами стоят. По конец-де стола древо кудряво повевает и красотами разными украшено; в древе-де том птичьи гласы слышала я, а топерва-де не могу про них сказать, каковы умильны и хороши! И подержав-де меня, паки

из полаты повели, а сами говорят: знаешь ли, чья полата сия? И аз-де отвещала: не знаю, пустите меня в нея. Оне же отвещали: отца твоего, протопопа Аввакума, полата сия. Слушай ево и живи так, как он тебе наказывает персты слагать, и креститца, и кляняца, богу молясь, и во всем не противься ему, так и ты будешь с ним здесь. А буде не станешь слушать, так будешь в давешнем месте, где плакание то слышала. Скажи же отцу твоему. Мы не беси водили тебя; смотри: у нас папарты; беси-де не имеют тово. И я-де, батюшко, смотрила,—бело у ушей тех их». Да и поклонилася мне, прощения прося. Потом паки исправилася во всем. Егда меня сослали из Тобольска, и я оставил ея у сына духовнаго тут. Хотела пострищися, а дьявол опять сделал по-своему: пошла за Елизара замуж и деток прижила. И по осьми летех услышала, что я еду назад, отпросилася у мужа и постриглася. А как замужем была, по временам бог наказывал,—бес мучил ея. Егда ж аз в Тоболеск приехал, за месяц до меня постриглася и принесла ко мне два детища и, положа предо мною робятишок, плакала и рыдала, кающеся, бесстыдно порицая себя. Аз же, пред человеки смиряя ея, многажды на нея кричал; она же прощается в преступлении своем, каяся пред всеми. И егда гораздо ея утрудил, тогда совершенно простил.

В обедню за мною в церковь вошла. И нападе на нея бес во время переноса,—учала кричать и вопить, собакою лаять, и козою блекотать, и кокушкою коковать. Аз же сжалихся об ней: покиня херувимскую песть, взявше от престола крест и, на крылос взошед, закричал: «запрещаю ти именем господним; полно, бес, мучить ея! Бог простит ея в сий век и в будущий!» Бес же изыде из нея. Она же притече ко мне и пала предо мною за ню же вину. Аз же крестом благословя, и с тех мест простил, и бысть здрава душею и телом. Со мною и на Русь выехала. И как меня стригли, в том году страдала с детьми моими от Павла митрополита на патриархове дворе веры ради и правости закона. Довольно волочили и мучили ея. Имя ея во иноцех Агафья.[77]

Ко мне же, отче, в дом принашивали матери деток своих маленьких, скорбию одержимых грыжною; и мои детки егда скорбели во младенчестве грыжною болезнию, и я маслом священным, с молитвою пресвитерскою, помажу вся чювства и, на руку масла положа, младенцу спину вытру и шулнятка, и божиею благодатию грыжная болезнь и минуется во младенце. И аще у коего отрыгнет скорбь, и я так же сотворю, и бог совершенно исцеляет по своему человеколюбию.

А егда еще я был попом, с первых времен, как к подвигу касатися стал, бес меня пуживал

сице. Изнемогла у меня жена гораздо, и приехал к ней отец духовной; аз же из двора пошел по книгу в церковь нощи глубоко, по чему исповедать ея. И егда на паперть пришел, столик до тово стоял, а егда аз пришел, бесовским действом скачет столик на месте своем. И я, не устрашась, помолясь пред образом, осенил рукою столик и, пришед, поставил ево, и перестал играть. И егда в трапезу вошел, тут иная бесовская игра: мертвец на лавке в трапезе во гробу стоял, и бесовским действом верхняя раскрылася доска, и саван шевелитца стал, устрашая меня. Аз же, богу помолясь, осенил рукою мертвеца, и бысть попрежнему все. Егда ж в олтарь вошел, ано ризы и стихари летают с места на место, устрашая меня. Аз же, помоляся и поцеловав престол, рукою ризы благословил и пощупал, приступая, а оне по-старому висят. Потом, книгу взяв, из церкви пошел. Таково-то ухищрение бесовское к нам! [78]Да полно тово говорить. Чево крестная сила и священное масло над бешаными и больными не творит божиею благодатию! Да нам надобе помнить сие: не нас ради, ни нам, но имени своему славу господь дает. А я, грязь, что могу сделать, аще не Христос? Плакать мне подобает о себе. Июда чюдотворец был, да сребролюбия ради ко дьяволу попал. И сам дьявол на небе был, да высокоумия ради свер-

жен бысть. Адам был в раю, да сластолюбия ради изгнан бысть и пять тысящ пять сот лет во аде был осужден. Посем разумея всяк, мняйся стояти, да блюдется, да ся не падет. Держись за Христовы ноги и богородице молись и всем святым, так будет хорошо[78].

Ну, старец, моево вяканья много ведь ты слышал. О имени господни повелеваю ти, напиши и ты рабу тому Христову, как богородица беса тово в руках тех мяла и тебе отдала, и как муравьи те тебя ели за тайно-ет уд, и как бес-от дрова те сожег и как келья та обгорела, а в ней цело все, и как ты кричал на небо то, да иное, что вспомнишь во славу Христу и богородице. Слушай же, что говорю: не станешь писать, я петь осержусь. Любил слушать у меня, чево соромитца,—скажи хотя немножко! Апостол Павел и Варнава на соборе сказывали же во Еросалиме пред всеми, е л и к а с о т в о р и б о г з н а м е н и я и ч ю д е с а в о я з ы ц е х с н и м а, в Деяниях, зач. 36 и 42 зач., и в е л и ч а ш е с я и м я г о с п о д а И с у с а. М н о з и ж е о т в е р о в а в ш и х п р и х о ж д а х у и с п о в е д у ю щ е и с к а з у ю щ е д е л а с в о я. Да и много тово найдется во Апостоле и в Деяниях. Сказывай, небось, лише совесть крепку держи; не себе славы ища, говори, но Христу и богородице. Пускай раб-от Христов веселится, чтучи! Как умрем,

так он почтет, да помянет пред богом нас. А мы за чтущих и послушающих станем бога молить; наши оне люди будут там у Христа, а мы их[79] во веки веком. Аминь.

Варианты редакций Б и В

[1] *Этим вступительным абзацем начинается редакция В. В автографе (ред. А) вместо него абзац, написанный рукой старца Епифания и заключенный им в круг:* Аввакум протопоп понужен бысть житие свое написати иноком Епифанием, понеже отец ему духовной инок,— да не забвению предано будет дело божие; и сего ради понужен бысть отцем духовным на славу Христу богу нашему. Аминь.

В ред. Б и В эта приписка Епифания приведена в несколько измененной редакции. Вслед за припиской Епифания в ред. В идет выписка из поучения аввы Дорофея о любви и затем обращение Аввакума к некоему «чаду возлюбленному», начинающееся следующими словами:

Вото тебе, чадо мое возлюбленное, книга живота вечнаго; поминай мя в молитвах своих и старца не забывай Епифания. Я писал, а он мне молитвами помогал; над всем же сим благословит тя господь и Марию твою Пиминовну, и чад ваших, и снох, и внучаток, и сродников, и знаемых, и други, и другиня, и вся вас любищие; еще еже да будет всяк благословляяй тя благословен и проклинаяй тя— проклят.

[2] *Слов:* Всесвятая троице... избранными твоими.—*в ред. Б нет.*

[3] *После этих слов в ред. В:* а от рода на шестой десяток идет.

[4] *После этих слов в ред. Б:* Сердитовал на меня за церковную службу: ему хочется скоро, а я пою по уставу, не борзо; так ему было досадно.

[5] *После этих слов в ред. В:* и с братом

[6] *После этих слов в ред. В:* а сами, пошед, запели божественныя песни, еваньгельскую стихеру большим роспевом: «На гору учеником идущим за земное вознесение предста господь и поклонишася ему», всю до конца; а пред нами образ несли. Певцов в дому моем было много; поюще со слезами, на небо взираем; а провождающии жители того места, мужи, и жены, и отрочата, множество народа, с рыданием плачюще и сокрушающе мое сердце, далече нас провожали в поле. Аз же, на обычном

месте став и хвалу богу воздав, поучение прочет и, благословя, насилу в дом их возвратил, а с домашними впредь побрели.

[7] *Вместо:* плясовые медведи—*в ред. Б:* скоморохи с медведьми

[8] *Вместо:* А опосля учинились... своя люди.—*в ред. Б:* Помяни его, господи, во царствии своем, бедниникова! Опосле со мною прощался у царя на сенях, и дети ево, Петр и Матфей Шереметевы, прежде мору добры до меня были.

В ред. В соответствия обоим приведенным местам нет.

[9] *После этих слов в ред. В:* мощи

[10] *После этих слов в ред. В:* Царь его на патриаршество зовет, а он быдто не хочет, мрачил царя и людей, а со Анною по ночам укладывают, как чему быть, и много пружався со дияволом, взошел на патриаршество божиим попущением, укрепя царя своим кознованием и клятвою лукавою.

[11] *После этих слов в ред. В:* Лишо о братиях родных духовнику поговорил, и он их в верху у царевны, а инова при себе жить устроил попом в церкви. А я сам, идеже людие снемлются, там слово божие проповедал, да, при духовникове благословении и Неронова Ивана, тешил над книгами свою грешную душу о Христе Исусе.

12 *Слов:* А напоследок, по многом страдании... яко благ и человеколюбец.—*в ред Б и В нет.*

13 *После этих слов в ред. В:* Тут же и в церкви у них был наш брат подначальной из Хамовников, пьянства ради предан бесом и гораздо бесился, томим от бесов. Аз же сжалихся, грешный, об нем: в обедню стоя на чепи, Христа-света и пресвятую богородицу помолил, чтоб ево избавили от бесов. Господь же ево, беднова, и простил, бесов отгнал. Он же целоумен стал, заплакав, и ко мне поклонился до земли; я ему заказал, чтоб про меня не сказал никому; людие же не догадалися о сем, учали звонить и молебен петь.

14 *После этих слов в ред. В:* его овчеобразный волк

15 *После этих слов в ред. Б:* у него, кланяючись.

16 *После этих слов в ред. В:* Симеон сибирской, —тогда добр был, а ныне учинился отступник,

17 *После этих слов в ред. В:* Княгиня меня в сундук посылала: «я-де, батюшко, над тобой сяду, как-де придут тебя искать к нам». И воевода от них мятежников боялся, лишо плачет, на меня глядя.

18 *Вместо:* Но милостив господь... чаю воскресения мертвым.—*в ред. В:* а опосле и сам, милой, принужден тремя персты крестица.

Таково-то попущено действовать антихристову духу. По господню речению, аще возможно ему прельстити и избранные, и всяк, мняйся стояти, да блюдется, да ся не падет! Што тово много и говорить!

Того ради неослабно ища правды, всяк молися Христу, а не дряхлою душею о вере прилежи; так не покинет бог. Писанное внимай: «се полагаю в Сионе камень претыканию и камень соблазну»; вси бо не сходящиися с нами о нем претыкаются или соблажняются. Разумеешь ли сие: камень—Христос, а Сион—церковь, а блазнящиися похотолюбцы и вси отступницы, временных ради о вечном не бреГут, просто молвить,—дьяволю волю творят, а о Христове повелении не радят. «Но аще кто преткнется о камень сей, сокрушится; а на нем же камень падет, сотрыет его». Внимай-ко гораздо и слушай, что пророк говорит со апостолом, что жорнов дурака в муку перемелет, тогда узнает всяк высокосердечный, как скакать по холмам; перестанет, сиречь от всех сих упразднится. Полно тово.

[19] *После этих слов в ред. Б:* палач бил, *в ред. В:* палач биет,

[20] *После этих слов в ред. В:* коли покормят, коли нет. Есть тово после побой тех хочется, да ведь-су неволя то есть: как пожалуют, дадут. Да бесчинники ругались надо мною:

иногда одново хлебца дадут, а иногда ветчинки одное невареной, иногда масла коровья без хлеба же. Я-таки что собака, так и ем. Не умывался ведь, да и кланятися не смог, лише на крест Христов погляжу, да помолитвую. Караульщики по пяти человек одаль стоят. Щелка на стене была,—собачка ко мне по вся дни приходила, да поглядит на меня; яко Лазаря во гною у вратех богатаго пси облизаху гной его, отраду ему чинили, так и я со своею собачкою поговаривал, а человецы далече окрест меня ходят и поглядеть на тюрьму не смеют.

[21] *После этих слов в ред. В:* У людей собаки в подпряжках, а у меня не было; одинова лишо двух сынов,—маленьки еще были, Иван и Прокопей,—тащили со мною, что кобельки, за волок нарту. Волок—верст со сто: насилу бедные и перебрели. А протопопица муку и младенца за плечами на себе тащила; а дочь Огрофена брела, брела, да на нарту и взвалилась, и братья ея со мною по маленьку тащили. И смех и горе, как помянутся дние оны: робята те изнемогут и на снег повалятся, а мать по кусочку пряничка им даст, и оне, съедши, опять лямку потянут; и кое-как перебилися волок, да под сосною и жить стали, что Авраам у дуба мамврийска. Не пустил нас и в засеку Пашков сперва, дондеже натешился, и мы неделю-другую мерзли под сосною с робяты одны,

кроме людей, на бору, и потом в засеку пустил и указал мне место. Так мы с робяты отгородились, балаганец сделав, огонь курили и как до воды домаялись,

[22] *После этих слов в ред. В:* И без битья насилу человек дышит, с весны по одному мешку солоду дано на десять человек на все лето, да петь работай, никуды на промысл не ходи; и вербы бедной в кашу ущипать сбродит— и за то палкою по лбу: не ходи, мужик, умри на работе! Шестьсот человек было, всех так-то перестроил.

[23] *Слов:* Увы грешной душе!.. житейскими сластьми?—*в ред. В нет.*

[24] *Слов:* Дочь моя, бедная горемыка ...на первое возвратимся.—*в ред. В нет.*

[25] *Слов:* В нашей православной вере... Стану опять про баб говорить.—*в ред. В нет. Вместо них в ред. В:* За што было за то гневатися? Явно в нем бес действовал, наветуя ево спасению, да уж бог ево простит. Постриг я ево и поскимил, к Москве приехав; царь мне ево головою выдал—бог так изволил. Много о том Христу докуки было, да слава о нем богу; давал мне на Москве и денег много, да я не взял; «мне,—реку,—спасение твое тощно надобно, а не деньги; постригись,—реку,—так и бог простит». Видит беду неминучую, прислал ко мне со слезами. Я к нему на двор пришел,

и он пал предо мною, говорит: «волен бог, да ты и со мною». Я, простя ево, с чернцами с чюдовскими постриг ево и поскимил, а бог ему же еще трудов прибавил, потому докуки моей об нем ко Христу было, чтоб ево к себе присвоил. Рука и нога у него же отсохли в Чюдове, из кельи не исходит, да любо мне сильно, чтоб ево бог царствию небесному сподобил; докучаю и ныне об нем, да и надеюся на Христову милость, чаю—помилует нас с ним, бедных! Полно тово, стану паки говорить про даурское бытие.

[26] *После этих слов в ред. Б:* И мне радость; пускай дети мои работают богу!

[27] *После этих слов в ред. Б:* Внучок его любимой был младенец сей, крестил ево сам, так об нем кручинился гораздо.

[28] *После этих слов в ред. Б:* ничево не говоря, Христом запечатлел уста моя Еремей.

[29] *Вместо:* «хотя-де один и поедет, и ево-де убьют иноземцы»—*в ред. В:* умышлял во уме, чаял, меня без него и не вынесет бог, а се и сам я убоялся с ним плыть; на поезде говорил: «здесь-де земля не взяла, на дороге-де вода у меня приберет»; среди моря бы велел с судна пехнуть, а сказал бы, быдто сам ввалился; того ради и сам я с ним не порадел.

[30] *После этих слов в ред. В:* А во иную пору и боялись, человецы бо есмы; да где же стало

детца, однако смерть! Бывало то и на Павла апостола; само себе свидетельствует сице: «внутрь убо страх, а вне убо боязнь»; а в ином месте: «уже бо де не надеяхомся и живи быти, но господь избавил мя есть и избавляет». Так-то и наша бедность: аще не господь помогал бы, в мале вселися во ад душа моя. И Давид глаголет: «яко аще не бы господь в нас, внегда востати человеком на ны, убо живы пожерли быша нас», но господь всяко избавил мя есть и доныне избавляет; мотаюсь, яко плевел посреде пшеницы, посреде добрых людей, а инде по среде волков, яко овечка, или посреде псов, яко заяц, всяко перебиваешься о Христе Исусе; но грызутся еретики, что собаки, а без божии воли проглотити не могут; да воля господня— что бог даст, то и будет. Без смерти и мы не будем; надобно бы что доброе то сделать и с чем бы появиться пред владыку, а то умрем всяко. Полно о сем.

31 *Слов:* Да друга моего выкупил... Полно тово.—*в ред. В нет. В ред. Б вместо них:* Да друга своего ябедника вывез, которой моея головы там искал научением сатаны. Хотели ево после Пашкова войским убить; так я ево отпросил у них; пожаловали, отдали мне, и я ево, кормя, вывез на Русь. Не слаще и он мне, Василей, Пашкова там был; в ыную пору, бьючи меня, на рожен было посадил; да бог

ево простит! Надобе Евангелие помнить реченное: «любите враги ваша и благотворите», и прочая. Я бы и Никона отступника простил, как бы он покаялся о блудни своей ко Христу; ино лиха не та птица: залетела в пустые дебри непроходимые, возвратитися не хощет; питается червьми и змиями и на селах рожцы ядше со свиниями, а ко отцу возвратитися не хощет и не уйдет от руки господни. Пущай ево еще поиграет! Полно тово.

[32] *Слов:* Доброй прикащик... На первое возвратимся.—*в ред. Б и В нет.*

[33] *Слов:* и уразумел о церкви... со дерзновением обличал.—*в ред. Б и В нет.*

[34] *Слов:* Бывал и в ыноземских руках... одново боюсь Христа».—*в ред. Б нет.*

В ред. В нет слов: и жены своя к жене моей привели... медведев я у них накупил, *и* тому, понеже всю Сибирь... одново боюсь Христа».

[35] *Слов:* и, яко ангела божия... обо мне известил.—*в ред. Б и В нет.*

[36] *Слов:* А из кореты высунется... все до меня добры.—*в ред. Б и В нет.*

[37] *Этот абзац в ред. В читается так:* А се мне в Тобольске в тонце сне страшно возвещено было. Ходил в церковь большую и смотрил в олтаре у них действа, как просвиры вынимают: что тараканы, просвиру исщиплют. И я им говорил от писания и ругался их без-

делью. А егда привык ходить, так и говорить перестал,—что жалом ужалило: молчать было захотел. В царевнины имянины, от заутрени пришед, взвалился. Так мне сказано: «аль-де и ты по толиких бедах и напастех соединяешься с ними? блюдися, да не полма растесан будешь!» Я вскочил во ужасе велице и пал пред иконою, говорю: «господи, не стану ходить, где по новому поют!» Да и не пошел к обедни к той церкве. Ко иным ходил церквам, где православное пение, и народы учил, обличая их злобесовное и прелестное мудрование.

[38] *Слов:* Да и в прочии времена... суетнаго века.—*в ред. Б и В нет.*

[39] *Слов:* У света моей... со отступниками ходил.—*в ред. Б и В нет.*

[40] *После этих слов в ред. В:* Я пред царем стою, поклонясь, на него гляжу, ничего не говорю; а царь, мне поклонясь, на меня, стоя, глядит, ничего ж не говорит, да так и розошлись; с тех мест и дружбы только: он на меня за письмо кручинен стал, а я осердился же за то, что Феодора моего под начало послал; да и комнатные на меня ж: «ты не слушаешь царя», да и власти на меня ж: «ты нас оглашаешь царю, и в письме своем бранишь, и людей учишь ко церквам к пению нашему не ходить». Да и опять стали думать в ссылку меня послать.

[41] *Слов:* И с тех мест... Салтыков.—*в ред. В нет.*

После слов: ко мне пришел.—*в ред. В:* Я его отвел к дочери своей духовной, к боярыне к Федосьи Морозовой жить.

[42] *Весь этот абзац в ред. Б значительно сокращен.*

[43] *После этих слов в ред. В:* опять к Москве свезли томнова человека, посадя на старую лошадь; пристав созади—побивай, да побивай; иное вверх ногами лошадь в грязи упадет, а я через голову; и днем одным перемчали девяносто верст, еле жив дотащился до Москвы.

[44] *Вместо:* Чему быть... что у поляка, на лбу.—*в ред. Б:* Дети, чему быть? волки то есть. Коли волк овцы жалеет? Они бы и мясо то мое съели. Да еще то, кажется, цар-ет вдруг не выдаст. А какое царь? Бог до времени снабдевает. Как будет время, так вдруг проглотят. Да буди же воля господня.

[45] *Вместо:* Пускай их, миленьких, мучат... упование наше!—*в ред. Б:* Пускай их, светов моих, мучатся Христа ради. Красные и светлые бояроии в русской земли явились; не токмо славы, но и плоти своей и деток не пощадели, да Христа приобрящут. Пускай Христос своих собирает к себе! Умер же бы Иванушко всяко, а то мученик Христов Морозовых бояр. Исповедал ево-света в темнице, на Москве бывше, и причастил тела Христова, яко непорочного агнца. Добро. Полно тово. Любо мне, что за Христа

умирают, я их тому и учил. Что по них и тужить? Слава богу о всем.

[46] *Вместо:* повезли нас ночью... на первое возвратимся.—*в ред. В:* вывели меня ночью к спальному крыльцу; голова досмотрил и послал в тайнишные водяные ворота; а чаял, в реку посадят, ано от тайных дел шиш антихристов стоит, Дементей Башмаков, дожидается меня, учал мне говорить: «протопоп, велел тебе государь сказать—не бойся ты никого, надейся на меня!» И я ему, поклонясь, а сам говорю: «челом,—реку,—бью на ево жалованье; какая он надежа мне? надежа моя Христос!» Да и повели меня по мосту за реку; я, идучи, говорю: «не надейтеся на князя, на сыны человеческия, в них же несть спасения», и прочая.

Таже полуголова Осип Салов со стрельцами повез меня к Николе на Угрешу в монастырь; посмотрю, ано предо мною и дьякона тащат, везли, а не дорогою, до монастыря, и привезша, в полатку студеную над ледником посадили, и прочих—дьякона и попа Никиту суздальскаго—в полатках во иных посадили, и стрельцов человек с двадцеть с полуголовою стояли. Я сидел семнадцеть недель, а оне, бедные, изнемогли и повинились, сидя пятнадцеть недель; так их в Москву взяли опять, а меня паки в Пафнутьев перевезли и там в полатке, сковав, держали близко с год. А как на Угреше был,

тамо и царь приходил и, посмотря около полатки, вздыхая, а ко мне не вошел; и дорогу было приготовили, насыпали песку, да подумал, подумал, да и не вошел; полуголову взял и с ним, кое-што говоря про меня, да и поехал домой. Кажется, и жаль ему меня, да видит, богу уж то надобно так. Опосле и Воротынский князь Иван в монастырь приезжал и просился ко мне, так не смели пустить; денег, бедной, громаду в листу подавал, и денег не приняли. После, в другое лето, на Пафнутьеве подворье в Москве я скован сидел, так он ехал в корете нароком мимо меня, и благословил я ево, миленькова. И все бояры же добры до меня, да диявол лих. Хованскова князь Ивана и батогами за благочестие били вверху, а дочь же мою духовную, Федосью Морозову, и совсем разорили, и сына ея, Ивана Глебовича, уморили, и сестру ея, княгиню Евдокею Прокопьевну, дочь же мне духовную, с мужем и с детьми, бивше, развели и ныне мучат всех; не велят веровать в старова сына божия спаса Христа, но к новому богу, антихристу, зовут. Послушай их, кому охота жупела и огня, соединись с ними в преисподний ад! Полно тово.

В Никольском же монастыре мне было в полатке в Вознесеньев день божие присещение; в цареве послании писано о том—тамо обрящеши.

[47] *После этих слов в ред. В:* в первом году, а в другой привоз ожесточал горюн, задушил было меня, завалял и окошка и дверь, и дыму негде было итти,—тошнее мне было земляныя тюрьмы: где сижу и ем, тут и ветхая вся срание и ссание; прокурить откутают, да и опять задушат. Доброй человек, дворянин друг, Иваном зовут, Богдановичь Камынин, вкладчик в монастыре, и ко мне зашел, да на келаря покричал, и лубье, и все без указу разломал, так мне с тех мест окошко стало и отдух.

[48] *После этих слов в ред. В:* и посреде людей таяся жить.

[49] *После этих слов в ред. В:* от тяготы зимныя и от побой.

[50] *Вместо:* Псалтырь у него тогда была... и скончался боголепне.—*в ред. В:* Отец у него в Новегороде богат гораздо, сказывал мне, мытоимец-де, Феодором же зовут, а он уроженец мезеньской, и баба у него, и дядя, и вся родня на Мезени. Бог изволил, и удавили его на висилице отступники у родни на Мезени. «А уродствовать тово как обещался богу, да солгал, так морем ездил на ладье к городу с Мезени, и погодою било нас, и не ведаю, как упал в море, а ногами зацепился за петлю и долго висел, голова в воде, а ноги вверху, и на ум взбрело обещание: яко не солгу, аще от потопления мя бог избавит, и не вем, кто силен—выпехнул меня из

воды на полубы; с тех мест стал странствовать». Домой приехав, житие свое девством прошел, бог изволил. Многие борьбы блудныя бывали, да всяко сохранил владыко: слава богу о нем, и умер за христианскую веру! Добро, он уже скончал свой подвиг; как-то еще мы до пристанища доедем? Во глубине еще пловем, берегу не видеть, грести надобе прилежно, чтоб здорово за дружиною в пристанище достигнути. Старец, не станем много спать: дьявол около темниц наших бодро зело ходит, хочется ему нас гораздо, да силен Христос и нас не покинуть. Я дьявола не боюсь, боюсь господа своего, творца и содетеля и владыки; а дьявол— какая диковина? чево ево боятца! Боятца подобает бога и заповеди его соблюдать, так и мы со Христом ладно до пристанища доедем.

[51] *После этих слов в ред. В:* Павел крутицкой за бороду ево драл и по щокам бил своими руками, а он истиха писанием обличал их отступление; таже и плетьми били и, муча всяко, кончали во огне за старую нашу христианскую веру; он же скончался о Христе Исусе, после Феодорова удавления два года спустя. И Лука Лаврентьевичь сын же мне был духовной, что на Мезени вместе с Феодором удавили те же отступники, на висилице повеся; смирен нрав имел покойник: говорил, яко плакал, москвитянин родом, у матери вдовы сын был едино-

чадный, сапожник чином, молод леты—годов в полтретьятцеть, да ум столетен; егда вопроси его Пилат: «как ты, мужик, крестишься?»— он же отвеща: «как батюшко мой, протопоп Аввакум, так и я крещуся». И, много говоря, предаде его в темницу; потом с Москвы указали удавить, так же, что и Феодора, на висилице повеся; он же и скончался о Христе Исусе. Милые мои, сердечные други, помогайте и нам, бедным, молитвами своими, да же бы и нам о Христе подвиг сей мирно скончати. Полно мне про детей тех говорить, стану про себя сказывать.

[52] *Этого абзаца в ред. Б нет.*

[53] *После этих слов в ред. В:* грызлися, что собаки, со мною власти.

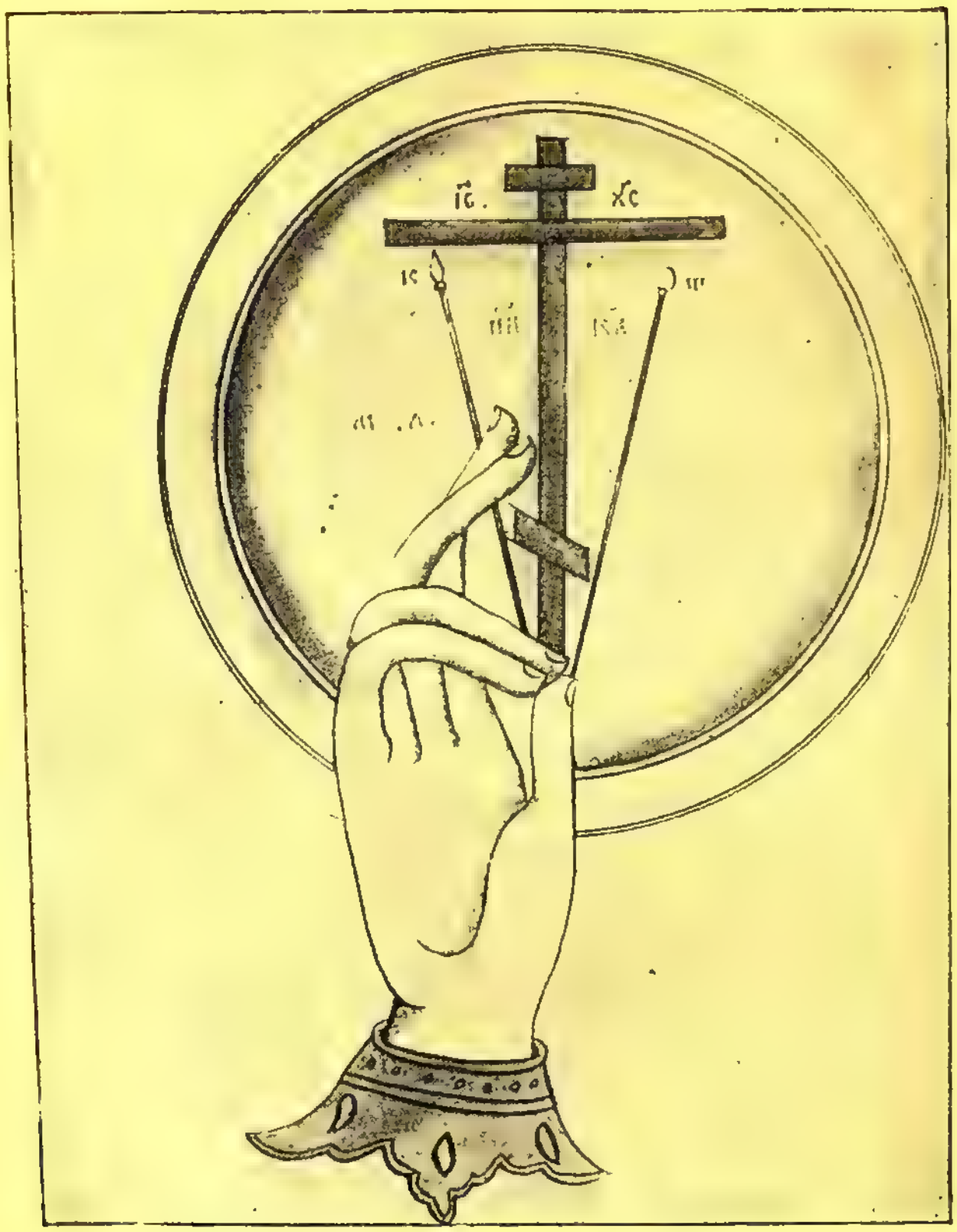
[54] *Вместо этих двух абзацев в ред. В:* Потом полуголову царь прислал со стрельцами, и повезли меня на Воробьевы горы; тут же священника Лазаря и старца Епифания, обруганы и острижены, как и я был прежде. Поставили нас по розным дворам; неотступно 20 человек стрельцов, да полуголова, да сотник над нами стояли,—берегли, жаловали, и по ночам с огнем сидели, и на двор срать провожали. Помилуй их, Христос! прямые добрые стрельцы те люди, и дети таковы не будут, мучатся туды же, с нами возятся; нужица та какова прилучится, и они всяко, миленькие, радеют. Да што много рас-

суждать? У спаса они лутче чернцов тех, которые клабуки те рогатые ставцами теми носят. Полно. Оне, горюны, испивают до пьяна да матерны бранятся, а то бы оне и с мучениками равны были; да што же делать? и так их не покинет бог!

Таже нас перевезли на Ондреевское подворье. Тут приезжал ко мне шпынять от тайных дел Дементей Башмаков; быдто без царева ведома был, а опосле, бывше у меня, сказал: по цареву велению был. Всяко бедные умышляют, как бы им меня прельстить, да бог не выдаст за молитв пречистые богородицы: она меня, помощница, обороняет от них.

А на Воробьевых горах дьяк конюшей Тимофей Марков от царя присылан и у всех был. Много кое-чево говоря, с криком разошлись и со стыдом большим. Я после ево написал послание и с сотником Иваном Лобковым к царю послал; кое о чем многонько поговоря, и благословение ему и царице и детям приписал.

Потом, держав на Воробьевых горах, и на Ондреевском подворье, и в Саввине слободке, к Николе на Угрешу перевезли; тут голову Юрья Лутохина ко мне опять царь присылал и за послание «спаси бог» с поклоном большое сказал, и, благословения себе и царице и детям прося, молитце о себе приказал.



Двухперстное крестное знамение

(Рукопись начала XIX века Всесоюзной публичной библиотеки им. Ленина в Москве)

Трехперстное крестное знамение

(Рукопись начала XIX века Всесоюзной публичной библиотеки им. Ленина в Москве)

В ред. Б соответствующее место сильно сокращено.

[55] *Вместо:* Своево,—реку,—царя потеряли,— *в ред. Б:* Потеряли,—реку,—своево царя латыши; *в ред. В:* Потеряли,—реку,—своево царя латыши безверием своим.

[56] *После этих слов в ред. Б:* На страшном суде пред Христом тогда познано будет, потерпим до тех мест, хотя горько. Тайна царева добро есть таити, а дело божие проповедати преславно есть.

[57] *После этих слов в ред. В:* аще и мучит мя, но царь бо то есть; бывало время, и впрям добр до нас бывал. До Никона злодея, прежде мору, к Казанской пришед, у руки мы были, яйцами нас делил, и сын мой Иван маленек еще был и не прилучился подле меня, а он, государь, знает гораздо ево, послал брата моего роднова сыскивать робенка, а сам долго, стоя, ждал, докамест брат на улице робенка сыскал; руку ему дает целовать, и робенок глуп, не смыслит, видит, что не поп, так не хочет целовать; и государь сам руку губам робенку принес, два яйца ему дал и погладил по голове. Ино-су и сие нам надобе не забывать, не от царя нам мука сия, но, грех ради наших, от бога дьяволу попущено озлобити нас, да же, искусяся ныне, вечного искушения уйдем. Слава богу о всем.

[58] *Вместо:* Таже братию казня... в Пустозерье.—*в ред. В:* Таже братию, Лазаря и старца, казня, вырезав языки, а меня и Никифора протопопа не казня, сослали нас в Пустозерье; а двоих сынов моих, Ивана и Прокопья, оставили на Москве за поруками; и оне, бедные, мучились года с три, уклоняяся от смерти властелинскова навета: где день, где ночь, никто держать не смеет, и кое-как на Мезень к матери прибрели; не пожили и с год, ано и в землю попали. Да пускай! лутче пустые бродни, чем по улицам бродить. Я беспрестанно бога о том молю: «господи, аще хотим, аще и не хотим, спаси нас!» И господь и промышляет о нашем спасении помаленьку; пускай потерпим тако, а то пригодится не в кую пору; тогда слюбится, как время будет.

[59] *Слов:* Лука та московской жилец... и старой так догадался!—*в ред. Б и В нет.*

[60] *После этих слов в ред. В:* «виноваты пред богом и пред великим государем», а неведомо, что своровали.

[61] *Вместо:* Вот вам и без смерти смерть... спасти и помиловати.—*в ред. В:* Да по правилам так оне сделали, спаси бог: того ради, робята, не бойтеся смерти, держите старое благочестие крепко и не поползновенно! А мать за то сидит с ними, чтоб впредь детей подкрепляла Христа ради умирати, и жила бы, не развешав уши;

то баба бывало нищих кормит, сторонных научает, как слагать персты и креститца и творить молитва, а детей своих и забыла подкрепить, чтоб на виселицу пошли и с доброю дружиною умерли за одно Христа ради. Ну, да бог вас простит: не дивно, что так сделали: и Петр апостол некогда убоялся смерти и Христа отрекся и о сем плакася горько; таже помилован и прощен бысть. А и о вас некогда молящу ми ся тощно, и видев вашу пред собой темницу и вас троих на молитве стоящих в вашей темнице, а от вас три столпа огненны к небесем стоят простерты; а с тех мест обрадовался, и легче мне стало, яко покаяние ваше принял бог; слава о сем богу.

[62] *После этих слов в ред. В:* Пилат,

[63] *Вместо:* и, прочет наказ... есть велели.— *в ред. В:* и прочитали наказ: «изволил-де государь, и бояра приговорили тебя, Аввакума, вместо смертные казни учинить струб в землю и, сделав окошко, давать хлеб и воду, а прочим товарищам резать без милости языки и сечь руки». И я, плюнув на землю, говорил: «я,—реку,—плюю на ево кормлю; не едше, умру, а не предам благоверия». И потом повели меня в темницу, и не ел дней с десяток, да братья велели.

В ред. Б весь этот абзац значительно сокращен.

[64] *Вместо:* Дал бог... и отступников порицая.—*в ред. В:* А говорит, яко и прежде, играет надо мною: «щупай, протопоп, забей руку в горло то, не откушу!» И смех с ним и горе! Я говорю: «чево щупать? на улице язык бросили!» Он же сопротив: «собаки они, вражьи дети! пускай мои едят языки». Первой у него легче и у старца на Москве резаны были, а ныне жестоко гораздо. А по двух годах и опять иной язык вырос, чюдно, с первой же величиною, лишо маленько тупенек.

[65] *Вместо:* Посем взяли... четыре перста.—*в ред. В:* Таже взяли соловецкаго пустынника старца Епифания; он же молив Пилата тощне и зело умильне, да же повелит отсещи главу его по плеча веры ради и правости закона. Пилат же отвеща ему, глаголя: «батюшко, тебя упокоить, а самому мне где детца! Не смею, государь, так сделать». И не послушав полуголова старцова моления, не отсече главы его, но повеле язык вырезать весь же. Старец же, перекрестя лице свое, и рече, на небо взирая: «господи, не остави мя, грешного, помози ми!» И в то время божиим промыслом прииде на него некое забвение, яко сон, и не почуял резания языка своего, только в мале, в мале некак ощутил, яко во сне, резание языка своего безболезненно, благодатью Христовою осеняемо. Палач же, пожалея старца, хотя ево руку по

составам резать, да же бы зажило впредь скорее; старец же, ища себе смерти, поперег костей велел отсещи, и отсекоша четыре перста.

[66] *Слов:* Дивна дела господня... Слава ему о всем!—*в ред. Б и В нет. Вместо них в ред. Б:* третей уже от рода его вырос. На Москве у него резали же с Лазарем священником вместе.

[67] *После этих слов в ред. Б:* не милость показуя, но страх на них напал, на бедных, руки задрожали; *в ред. В:* не милость показуя, но руки не послужили: от дрожи и трепета нож из рук вывалился;

[68] *После этих слов в ред. В:* Мы верни суть и без знамения веруем старому Христу Исусу, сыну божию-свету и преданное от святых отец старобытное в церкви держим неизменно; а иже кому недоразумно, тот смотри на знамение и подкрепляйся.

[69] *После этих слов в ред. В:* и у него в другоряд же язык резан. На Москве меньши нынешняго резано было. Пускай никонияна бедные кровию нашею питаются, яко мед испивая.

[70] *Всего этого абзаца в ред. Б и В нет.*

[71] *После этих слов в ред. В:* Вот вы зде с нами же на Лопатищах, а кажется ему подле реки Сундовика. А Сундовик верст с пятнадцеть от нас под Мурашкиным да под Лысковым течет.

[72] *После этих слов в ред. В:* Да и всегда такой я, окаянной, сердит, дратца лихой. Горе мне за сие:

[73] *После этих слов в ред. В:* Бог было исцелил, да я сам погубил.

[74] *После этих слов в ред. В:* окаянный

[75] *Слов:* А назад я едучи... Слава богу о сем!—*в ред. Б и В нет.*

[76] *Слов:* кал свой ели.—*в ред. Б и В нет.*

[77] *После этого абзаца в ред. Б идет следующий абзац:*

А как я был на Мезени, отче Епифаний, при воеводе Алексее Цехановицком,—пан был, верою римского костела; выехав, на Москве крестился, да втайне держал римскую веру. Жена у нево была, Евдокиею звали, вправду она держала нашу веру. И после родин разнемоглася гораздо. А се и беси напали на нея богу попущающу и зело жестоко мучить стали ея. Мало нечто образумясь, захотела мне исповедатися. Егда же аз пришел, а беси и паки учали мучить крепко и жестоко ея. Аз же, грешный, за болящую молебен пел и воду святил и кропил ю; и беси отступиша от нея. С ревностию великою и со слезами исповедалася мне. Грамоте умела, панья разумная была, проклинала зело усердно римскую веру. Мужа браня, говорит: «все для него, батюшко, наказует меня бог: втайне держит римскую веру,

а богу она зело досадна и мерзка; слава Христу, что меня избавил от нея! Показа мне, батюшко, пекл и светлыя места: все-де римские веры люди осуждаются в пекл, еже есть во огонь; а русская вера яко солнце сияет от всех вер, и все християне во свет грядут, я видела сама. Да и у вас за грех в вере разделение бысть. Худы-де затеи новые и мрачны зело: умри ты, за что стоишь, и меня научи, как умереть. Видела я сама, каково будет тебе: перебрел ты уже запинания бесовская вся. Ох, ох, не покинь меня, пастырю добрый мой, и молись о мне, да не отлучюся тебя! А мне уже самой исправитися неколи стало: сказали мне,—ныне или завтра умереть. Причасти меня причастием запасным своим, бога ради! А крещуся я, слагая кресты по-твоему; а три персты отмещу и ненавижу: зле так наши римляне крестятся. Да будут прокляти от вселенских соборов за сие мудрование! И муж мой с ними же проклят. Я видела сама, что им уготовано у Христа. Помилуй же ты меня, отченько мой, не покинь меня в молитвах своих! А я, ей, ей, твоя овца; тут же желаю быть, идеже будешь ты. Помилуй, батенько, сиречь миленькой мой. Дел моих нет; токмо верою уповаю быти при тебе, как верую и держу, и умираю с тем, как проповедуешь и стражешь за что. Иного бога не вем, но токмо того, его же любишь ты и его ради

мучился. Усвой душу мою при своей душе! Слушает тебя бог и любит тебя,—невозможно мне говорить про то; одно говорю: не забудь ты меня! А моя душа скоро разлучается от телеси: вся века сего не вменяю ни во что при тамошнем нечесом маленьким, еже видела». Да и много, старец, она говорила, я уж и не помню иное. Мне и самому стало сором себя: не по делам моим величала меня. Да так и учинилося: в другой день и умерла. После моления тово встала и села на постеле и ухватила меня, к себе плачючи прижимала. А сама паки то же говорит и кланяется мне. Я ея положил: гораздо трудна, трясется вся. И она лежа перстом указует: «отченько мой, вот черти пришли, стужают мне, взять меня хотят; помолись, да отступят от меня!» И я взял кадило и крест, благословил и место все водою покропил; так перекрестилась и молвила: «отступили, отченько, но стужают мне и просят души моей, и я не могла отбыть, отдала им душу свою, сим крючком вытаща». Я, старец, посмотрю в руке у нея—ано булавочка, крючик малехонек! И я отнял у нея, да зашумел на служанок, нешто ей булавку дали. И оне все божатся: никак-де не давали! Ано ей беси дали булавку ту! Видишь ли, как оне прилежат о душах тех? Силою отнимают! Горе, горе! Как уйдешь у них, аще не господь поможет! Потом я от-

брел в дом свой, а без меня пан-от, муж ея, силою напоил вареным пивом с корением и с бедою,—намешено дияволшины. Так ея беси опять стали мучить. Мне сказали. Я прибежал; стал бранить пана тово. Он мне стал противиться. И я, осердясь, со всем домом своим сошел, и протопопицу взял. А ея беси мучат; зело голка велика бысть. Пришел я домой; печально мне и жаль. Опять пан шлет ко мне, прощения просит. Я и опять к ней пришел, и она в кровь избилася вся, а сама кричит: «для мужа беси мучат меня! несть он мне муж безверия ради своего!» Так он больную ея в щоку ударил. А она то же кричит. Сором ему стало. А я ево выслал из избы и молебен отпел; помазал ея маслом и водою покропил; беси паки отступилися от нея, целоумна паки стала, римскую веру проклинает и, персты слагая, крестится истинно. Я ея паки причастил, и, благодаря Христа, чинно и тихо преставилася. Я и погребению предал ея в малой слободке—не у церкви, на брегу погрéб: сама изволила место то, как жива была. Видишь ли? о сложении перстах и мертвая свидетельствует, яко зло треперстная ересь.

[78] *Слов:* Да полно тово говорить... так будет хорошо.—*в ред. В нет. Вместо этого там читается:*

Еще скажу вам о жертве никониянской: седящу ми в темнице, принесоша ми просвиру вынятую со крестом Христовым. Аз же, облазняся, взял ея и хотел потребить на утро, чаял— чистая православная над нею была служба, понеже поп старопоставленной служил над нею, а до тово он, поп, по новым служил книгам и паки стал служить по старому, не покаявся о своей блудне. Положа я просвиру в углу на месте, и кадил в правило в вечер; егда же возлег в нощь ту, и умолкоша уста моя от молитвы, прискочиша ко мне бесов полк, и един щербат чермен взял меня за голову и говорит: «сем ко ты сюды, попал ты в мои руки!»— и завернул мне голову. Аз же, томяся, еле-еле назнаменовал Исусову молитву, и отскочиша и исчезоша беси; аз же, стоня и охая, недоумеюся: за что меня бес мучил? Помоля бога, опять повалился; егда же забыхся, вижу на некоем месте церковь и образ спасов, и крест по-латыне написан, и латынники иным образом, приклякивая, молятся по-латынски. Мне же некто от предстоящих велел крест той поцеловати. Аз же егда поцеловах, нападоша на мя паки бесы и зело меня утрудиша; аз же после их встащился, зело расслаблен и разломан, не могу и сидеть. Уразумел, яко просвиры ради от бесов обруган, выложил ея за окошко, и нощь ту и день препроводил в труде и немощ-

ствуя, рассуждая, что сотворю над просвирою. Егда же прииде нощь другая, по правиле возлегшу ми и, не спя, молитвы говорю. Вскочиша бесов полк в келью мою с домрами и с гудками, и один сел на месте, идеже просвира лежала, и начаша играти в гудки и в домры, а я у них слушаю лежа; меня уж не тронули и исчезоша. Аз, после их востав, моля бога со слезами, обещался сжечь просвиру ту, и прииде на мя благодать духа святаго, яко искры во очию моею блещахуся огня невещественнаго, и сам я в той час оздравел, благодатию духовною,—сердце мое наполнилося радости. Затопя печь и сжегше просвиру, выкинул и пепел за окошко, рекох: «вот, бес, твоя от твоих тебе в глаза бросаю». И на ину нощь един бес в хижу мою вошел, походя и ничево не обрете, токмо четки из рук моих вышиб, и исчезе. Аз же, подняв четки, паки начал молитвы говорити. И во ино время, среди дня, на полу в поддымение лежа, опечалихся креста ради, что на просвире сжег, и от печали запел стих на глас третий: «и печаль мою пред ним возвещу»; а бес в то время на меня вскричал зело жестоко больно, аз же ужасся и паки начав молитвы говорити. Таже во ину нощь забытием ума о кресте том паки опечалихся и уснух, и нападоша на мя беси и паки умучиша мя, яко и прежде; аз же расслаблен и изломан, насилу жив,

с доски сваляся на пол, моля бога и каяся о своем безумии, проклял отступника Никона с никонияны, и книги их еретическия, и жертву их, и всю службу их, и благодать божия паки прииде на мя, и здрав бысть. Виждь, человече, каково лепко бесовское действо християном! А егда бы съел просвиру ту, так бы меня, чаю, и задавили беси. От малаго их никониянскаго священия таковая беда, а от большаго агнца причастяся, что получишь?—разве вечную муку. Лутче умереть, не причастяся, нежели, причастяся, осуждену быти.

Вслед за этим идет небольшая статья: «О причастии святых Христовых непорочных тайн», во многом повторяющая то, что сказано на эту тему выше во всех основных редакциях «Жития». Она представляет собой, видимо, послание Аввакума к одному из своих последователей, лишь позже и притом механически введенное в «Житие». Вместе с предшествующим ей рассказом «О жертве никониянской» она встречается и в самостоятельных списках.

Далее читаем:

Еще тебе скажу, старец, повесть. Как я был в Даурах с Пашковым с Афонасьем на озере Ирьгене, гладны гораздо, а рыбы никто добыть не может, а инова и ничево нет; от глада исчезаем. Помоляся бога, взяв две сети, в протоке перекидал, на утро пришел, ано мне бог дал

шесть язей да две щуки: ино во всех людях дивно, потому никто ничево не может добыть. На другие сутки рыб с десять мне бог дал. Тут же сведав Пашков и исполняся зависти, сбил меня с тово места и свои ловушки на том месте велел поставить, а мне, на смех и ругаясь, указал место на броду, где коровы и козы бродят. Человеку воды по лодыжку,—какая рыба? и лягушек нет! Тут мне зело было горько, а се, подумав, рече: «владыко человеколюбче, не вода дает рыбу,—ты вся промыслом своим, спасе наш, строишь на пользу нашу. Дай мне рыбки той на безводном том месте, посрами дурака тово, прослави имя твое святое, да не рекут невернии, где есть бог их». И помоляся, взяв сети, в воде с детьми бродя, положили сети. Дети, на меня, бедные, кручиняся, говорят: «батюшко, к чему гноить сети-то? Видишь ли, и воды нету, какой быть рыбе?» Аз же, не послушав их совету, на Христа уповая, сделал так, как захотелось. И на утро посылаю детей к сетям. Они же отвещали: «батюшко государь, пошто итти? какая в сетях рыба? благослови нас, и мы по дрова лутче сбродим». Меня же дух подвизает, чаю в сетях рыбу. Огорчась на большова сына Ивана, послал ево одново по дрова, а с меньшим потащился к сетям сам. Гораздо о том Христу докучаю. Егда пришли, ино и чюдно и радостно обрели:

полны сети напехал бог рыбы, свившися клубом, и лежат с рыбою о середке. И сын мой Прокопей закричал: «батюшко государь, рыба, рыба!» И аз ему отвещал: «постой, чадо, не тако подобает, но прежде поклонимся господу богу и тогда пойдем в воду». И, помолясь, вытащили на берег рыбу, хвалу воссылая Христу богу, и, паки построя сети на том же месте, рыбу насилу домой оттащили. На утро пришли опять, столько же рыбы, на третей день паки столько же рыбы; и слезно и чюдно то было время, а на прежнем нашем месте ничево Пашкову не дает бог рыбы. Он же, исполняся зависти, паки послал ночью и велел сети в клочки изорвати. Что петь с дураком делаешь! Мы, собрав рваные сети, починя втай, на ином месте промышляя рыбку, кормились, от нево таяся, и сделали ез. Бог же и там стал рыбу давать, а дьявол ево научил и ез велел втай раскопать. Мы, терпя Христа ради, опять починили, и много тово было. Богу нашему слава ныне и присно и во веки веком.

Терпение убогих не погибнет до конца.

Слушай-ко, старец: еще ходил я на Шакшу озеро к детям по рыбу,—от двора верст с пятнадцеть, там с людьми промышляли,—в то время как лед треснул и меня напоил бог, и у детей накладше рыбы нарту большую, и домой потащил маленьким детям после Рождества Хри-

стова и, егда буду насреди дороги, изнемог, таща по земле рыбы, понеже снегу там не бывает, токмо морозы велики; ни огня, ничево нет, ночь постигла, выбился из силы, вспотел, и ноги не служат. Верст с восмь до двора: рыба покинуть и так побрести—ино лисицы розъедят, и домашние гладны; все стало горе, а тащить не могу; потаща гоны места, ноги задрожат, да и паду в лямке среди пути ниц лицем, что пьяной; и озябше, встав, еще попойду столько ж и паки упаду; бился так много, близко полуночи; скиня с себя мокрое платье, вздел на мокрую рубаху сухую, тонкую тафтяную белую шубу и взлез на вершину древа—уснул, поваляся. Пробудился,—ино все замерзло: и базлуки на ногах замерзли, шубенко тонко, и живот озяб весь; увы, Аввакум, бедная сиротина, яко искра огня, угасает и яко неплодное древо, посекаемо бывает,—только смерть пришла. Взираю на небо и на сияющия звезды, тамо помышляю владыку, а сам и перекрестися не смогу, весь замерз; помышляю лежа: «Христе, свете истинный, аще не ты меня от безгоднаго сего и нечаемаго времени избавишь, нечева мне стало делать; яко червь, исчезаю». А се согреяся сердце мое во мне, ринулся с места паки к нарте и на шею, не помню как, взложил лямку, опять потащил; ино нет силки; еще версты с четыре до двора,—покинул, и нехотя,

все; побрел один, тащился с версту, да и повалился: только не смогу; полежав, еще хощу побрести, ино ноги обмерзли: не смогу подымать, ножа нет, базлуков отрезать от ног нечем; на коленях и на руках полз с версту; колени озябли: не могу владеть, опять лег; уже двор и не само далеко, да не могу попасть, на гузне помаленьку ползу,—кое-как и дополз до своея конуры; у дверей лежу, промолвить не могу, а отворить дверей не могу же. Ко утру уже встали; уразумев, протопопица втащила меня, быдто мертвова, в ызбу; жажда мне велика,—напоила меня водою, разболокши. Два ей горя, бедной, в ызбе стало: я да корова немощная,—только у нас и животов было,—упала на воде под лед; изломався, умирает, в ызбе лежа; в двадцети в пяти рублях сия нам пришла корова, робяткам молочка давала. Царевна Ирина Михайлова ризы мне с Москвы и всю службу в Тоболеск прислала, и Пашков на церковной обиход взяв, мне в то число коровку ту было дал: кормила с робяты год-другой; бывало, и с сосною, и с травою молочка тово хлебнешь, так легче на брюхе. Плакав, жена бедная с робяты зарезала корову и истекшу кровь из коровы дала найму казаку, и он приволок мою с рыбою нарту.

На обеде я, едше, грех ради моих подавился: другая мне смерть, с полчаса не дышал, накло-

нясь, прижав руки, сидя; а не кусом подавился, но крошечку рыбки положа в рот,—вздохнул, воспомянув смерть, яко ничтоже человек в житии сем, а крошка в горло и бросилась, да и задавила. Колотили много в спину, да и покинули; не вижу уж и людей, и памяти не стало; зело горько, горько в то время было; ей, горька смерть грешному человеку! Дочь моя Аграпена,—была не велика,—плакав, на меня глядя, много, и никто ея не учил,—робенок, розбежався, локтишками своими ударилась в мою спину и крови печенье из горла рыгнуло, и дышать стал. Большие промышляли надо мною много и без воли божии не могли ничево сделать, а приказал бог робенку, и он, богом подвизаем, пророка от смерти избавил! Гораздо не велика была, промышляет около меня, быдто большая, яко древняя Июдифь о Израили или яко Есвирь о Мардохее, своем дяде, или Девора мужеумная о Вараце. Чюдно гораздо сие, старец! Промысл божий робенка наставил пророка от смерти избавить! Дни с три у меня зелень горькая из горла текла, не мог ни есть, ни говорить: сие мне наказание за то, чтоб я не величался пред богом совестью своею, что напоил меня среди озера водою. А то смотри, Аввакум, и робенка ты хуже! И дорогою было идучи исчезнул,—не величайся, дурак, тем, что бог сотворит во славу свою чрез тебя какое дело,

прославляя свое пресвятое имя; ему слава подобает, господу нашему богу, а не тебе, бедному худому человеку. Есть писано во пророцех, тако глаголет господь: «славы своея иному не дам». Сие реченно о лжехристах, нарицающихся богом, и на жиды, не исповедающих Христа сыном божиим. А инде писано: «славящие мя прославлю». Сие реченно о святых божиих; его же хощет бог, того прославляет. Вот смотри, безумне, не сам себя величай, но от бога ожидай, как бог хощет, так и строит; а ты-су какой святой? Из моря напился, а крошкою подавился! Только б божиим повелением не робенок от смерти избавил, и ты бы что червь: был, да и нет! А величается грязь худая: я-су бесов изгонял, то, се делал; а себе не мог помощи, только бы не робенок. Ну, помни же себя, что нет тебя ни со што, аще не господь что сотворит по милости своей, ему же слава.

Вслед за этим идет статья «О сложении перст», обстоятельно излагающая, как надо креститься, и заключающая в себе исторические справки о возникновении троеперстия. И эта статья кое в чем повторяет сказанное по этому вопросу во всех редакциях «Жития». Она, видимо, также представляла собой первоначально послание Аввакума к кому-либо из своих последователей, введенное затем автором механически в «Житие». Подобно статье «О причастии...»,

она встречается в самостоятельных списках и также сохранилась в автографе.

[79] *После этих слов в ред. Б:* Да и о том уразумеют, за что нас отступники прокляли и осудили на смерть. Пускай ведома в людех правда и кривда. Посем богу нашему слава ныне и присно и во веки веком. Аминь.

ИЗ «КНИГИ БЕСЕД»

Беседа первая

Повесть о страдавших в России за древлецерковная благочестная предания

лета 7160-го году, июня в 1 день, по попущению божию вкрался на престол патриаршеский бывшей поп Никита Минич, в чернецах Никон, обольстя святую душу протопопа, духовника царева, Стефана, являяся ему яко ангел, а внутрь сый диявол. Протопоп же увеща царя и царицу, да поставят Никона на Иосифово место. И я, окаянной, о благочестивом патриархе к челобитной приписал свою руку. Ано врага выпросили и беду на свою шею. Тогда и я, при духовнике, в тех же палатах шатался, яко в бездне мнозе. Много о том

потонку беседовать, едино рещи: за что мучат мя, тогда и днесь, большо и до исхода души. Егда же бысть патриархом злый вожь, и начат казити правоверие, повелеваяй тремя персты креститися и в пост великий в церкви в пояс творити метания. Мы же со отцы и братиею, не умолчав, почали обличать еретика, предтечу антихристова. Он же нас, муча много, и розослал в ссылки всех. И рассеяны быша, яко от скорби, бывшия при Стефане апостоли. Тако, отец и братию мою, епископа Павла коломенскаго, муча, и в новгородских пределех огнем сожег; Даниила, костромскаго протопопа, муча много, и в Астрахани в земляной тюрьме заморил; тако же стриг, как и мене, в церкви, посреде народа, муромскаго протопопа Логгина,—остригше и муча, в Муром сослал, тут и скончался в мор; Гавриилу, священнику в Нижне, приказал голову отсечь; Михаила, священника, без вести погубил: за Тверскими служил в монастыре Богородичне, перевел к тюрьме, да и не стало вдруг; двух священников, вологжан, безвестно же и где дел; со мною 60 человек у всенощнова взял, муча и бив и проклиная, в тюрьме держал, малии в живых обретошася; а меня в Даурскую землю сослал,—от Москвы, чаю, тысящ будет з двадцеть за Сибирь,—и волоча впредь и взад 12 лет, паки к Москве вытощили, яко непогре-

бенново мертвеца. Зело там употшивали палками по бокам и кнутом по спине 72 удара. А о прочих муках потонку неколи говорить,— всяко на хребте моем делаша грешницы. Егда же выехал на Русь, на старые чепи и беды попал. Видите, видите, яко аз есмь наг, Аввакум протопоп, в землю посажен. Жена моя, протопопица Настасья, с детьми в земли же сидит. И старец Соловецкия пустыни Епифаний наг в земли же сидит; два языка у него никонияна вырезали за исповедание веры, да и руку отсекли, а и паки ему третий язык бог дал. И Лазарь поп наг же сидит в земле, казнен, говорит так же. И диякон Феодор и Киприян, нагой, с нами же мучится. В тюрьме за православие же пытан в прошлом году. А Соловецкой монастырь в осаде 7 лет от никониян сидит. На Мезени из дому моего двух человек удавили никонияна еретики на висилице. На Москве старца Авраамия, духовнаго сына моего, Исаию Салтыкова в костре сожгли. Старца Иону казанца в Колском рассекли на пятеро. На Колмогорах Ивана юродиваго сожгли. В Боровске Полиекта священника и с ним 14 человек сожгли. В Нижнем человека сожгли. В Казани 30 человек. В Киеве стрельца Илариона сожгли. А по Волге той живущих во градех и в селех и в деревеньках тысяща тысящами положено под меч нехотящих принять

печати антихристовы. А иные ревнители закона суть, уразумевше лесть отступления, да не погибнут зле духом своим, собирающеся во дворы с женами и детьми и сожигахуся огнем своею волею. Блажен извол сей о господе! Мы же, оставшии, еще дыщуще, о всех сих поминание творим, жертвою, со слезами, из глубины воздыханьми неизглаголанными воспеваем, радующеся, Христа славяще: «упокой, господи, душа раб своих, всех пострадавших от никониян на всяком месте, и учини их, идеже присещает свет лица твоего, в селех со святыми, избранными твоими, яко благ и человеколюбец». Рабом божиим побиенным вечная память трижды ж. Почивайте, миленькие, до общего воскресения и о нас молитеся, да же и мы ту же чашу испием о господе, которую вы испили и уснули вечным сном. Пряно вино: хорошо умели никонияне употшивать. Да не тужите о здешнем том окаянном житии, но веселитеся и радуйтеся праведнии о господе, понеже прейдоша от злаго во благое и от темнаго в житие светлое. Мы же еще в море, плаваем пучиною, и не видим своего пристанища. Не вемы бо, доколе живот наш протянется, умилосердитлися владыка и даст ли нам та же чаша пить, ея же сам пил, и вас, рабов своих, напоил. Но вемы, яко милостив господь, желает всех нашего спасения. Разумею по писанию, якоже Богослову показано, Апокалип-

сис: «и егда отверзе агнец пятую печать, видех под алтарем душа избиенных за слово божие и за свидетельство, еже имеяху. И возопиша гласом великим, глаголюще: доколе, владыко святый и истинный, не судиши и не мстиши крови нашея от живущих на земли. И даны быша комуждо их ризы белы и речено бысть им: да почиют еще время мало, дондеже скончаются и клеврети их и братия их, хотящия избиенни быти, якоже и тии». Видите, страдающии за слово и за свидетельство старопечатных книг! А то ожидает и нас. Господь избиенных утешает ризами белыми, а нам дает время ко исправлению. Потщимся господа ради, потщимся и неленостно подвигнемся, потецем ныне, яко время есть. Душе моя, душе моя, востани, что спиши! Конец приближается и хощеши молвити. Воспряни убо, да пощадит тя Христос бог, иже везде сый и вся исполняяй. Душе, яже зде—временно, а яже тамо—вечно. Потщися, окаянная, и убудися: уснула сном погибельным, задремала еси в пищах и питии нерадения. Виждь, мотылолюбная, кто при тебе: бояроня Феодосья Прокопьевна Морозова и сестра ея Евдокея Прокопьевна княгиня Урусова, и Даниловых дворянская жена Марья Герасимовна с прочими! Мучатся в Боровске, в землю живы закопаны, по многих муках, и пытках, и домов разорении, алчут и гладуют. Такие столпы

великия, им же не точен мир весь! Жены суть, немощнейшая чадь, а со зверем по человеку борются. Чудо, да только подивитися лише сему! Как так? Осмь тысящ крестьян имела, домовова заводу тысящ больши двух сот было,— дети мне духовныя, ведаю про них,—сына не пощадила, наследника всему, и другая такоже детей имела. А ныне вместо позлащенных одров в земле закопана сидит за старое православие. А ты, душе, много ли имеешь при них? Разве мешок да горшок, а третье лапти на ногах. Безумная, ну-тко опрянися, исповеждь Христа, сына божия явственне, полно укрыватися того. Добро рече некто от святых отцев, яко всем нам един путь предлежит. Иного времени долго такова ждать: само царство небесное валится в рот. А ты откладываешь, говоря: дети малы, жена молода, разориться не хощется, а тово не видишь, какую честь ту бросили бояроне те; да еще жены суть. А ты—мужик, да безумнее баб, не имеешь цела ума: ну, дети переженишь и жену ту утешишь. А затем что? не гроб ли? Та же смерть, да не такова, понеже не Христа ради, но общей всемирной конец. Блаженни умирающеи о господе! Апокалипсис: «блаженни творящие заповеди его, да будет область им на древо животное и враты внидут во град; вне же псы, и чародей, и убийца, и идолослужитель, и всяк любяй и творяй лжу». Вот,

смотри: люди же были—и померли, да не Христа для; плюнуть на них, несть им части со агнцем во граде бога живаго, и на древо животное области не имут. Понеже зде любили ложь и творили ю, и о правде агнче не подвизалися, но, ища здешние сласти и жития отраднова, не радели о будущем и от скорбей Христа ради всяких отклонилися, лицемеришися с миром сим, Христа не послушаше, якоже речено во Евангелии, Иоанн, зачало 54: «рече господь: аминь, аминь глаголю вам, яко восплачитеся вы и возрыдаете, а мир возрадуется; вы же печальны будете, но печаль ваша в радость будет. Жена, егда родит отроча, скорбь имать, яко приспе год ея; егда же родит отроча, к тому не помнит скорби за радость, яко родися человек в мир. И вы же печаль имате ныне, паки же узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашея никтоже возьмет от вас. И в той день мене не вопросите ничесоже». Вот-су, любяй сласти и отраду мира сего, вонми господем реченное: не на одрах слоновых почивати ученикам своим приказал, ниже радостию мира сего веселитися, но скорбию и печалию удовлятися. Яко же и жена беременна пред родинами день и нощь бедная печется, как бы разродитися, ожидает, яко часа смертнаго, а егда родила робенка, так и все забыла. Так-то и християнское терпение Христа ради и мучение скорбно

ныне кажется, а тогда в радости и забудем все. Егда же надежда наша, Христос, явится нам, знаешь ли, тогда, егда животворит мертвенная телеса наша духом святым, что робенок из брюха, вылезем паки из земли, матери нашея; а ныне божиим изволением отходим в матерь свою, в земля и место. Сходящий всяк абие отыдет прияти муки или почести поживших. Так Дамаскин поет в Степенных. Добро, братия моя и любимицы-светы,—помните Христов приказ и апостольское учение и святых отец наказание. Всякаго добра добрейша суть книжное поучение: яко обретается живот вечный и радость оная бесконечная. А ходяй во тьме не весть, камо грядет, сиречь о суетных упражняется, назираяй, где пирове бывают и глумы и неудобныя кличи, якоже писано: «беседы злы тлят обычаи благи». Всякому християнину подобает в молитве и в трудех пребывати, и в книжном почитании, и в милости, и в любви нелицемерной, и в слове истинном, а не льстивом; мира не стыдитися, аще и поносят, аще и укоряют, аще и ненавидят, аще и напаствуют; но побеждай благим злое, сиречь терпи. Поминай господню заповедь, Евангелие от Иоанна, зачало 52: «Рече господь своим учеником: си заповедаю вам, да любите друг друга. Аще мир вас ненавидит, ведите, яко мене прежде вас возненавиде. Аще от мира бысте были, мир

убо свое любил бых; яко же от мира несте, но аз избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир. Поминайте слово, еже аз рех вам: несть раб боли господа своего. Аще мене изгнаша, и вас ижденут; аще слово мое соблюдоша, и ваше соблюдут», и прочая до сего: «сия глаголах вам, да не соблазнитеся. От сонмищ ижденут вы; но приидет час, да всяк, иже убиет вы, мнится службу приносити богу. И сия сотворят, яко не познаша отца, ни мене. Но сия глаголах вам, да егда приидет час, поминайте се, яко рех вам». Ну, господине и брате, хорошо ведь Христос сказал! Так ведь слово в слово: мир своих любит, а Христовых гонит. А миру тому державец диявол; он так научает делать; а Христовых тех людей вяжет, да кует, да мучит, да беды наводит, да и в смерть загонит. Потому что не любит он Христа тово гораздо. Идеже кем заповедь Христова соблюдается, ту благодать духа святого преизобилует, а дьявола тово палит сила божия; так он, что бешеная собака, бросается на человека тово, и так и сяк ищет, как бы развратити от веры и от дел добрых, чтобы благодать та отгнать от человека, так бы ему не тесно. А то-су крест Христов где увидит, бежит оттоле и зрети не может. Того ради научил никониянин низврещи Христов крест трисоставный, а крыж латынский вместо ево вчинил; да и в перстах сложение истинное во Хри-

ста Исуса низвергл и во антихриста устроил. Нас же да избавит от козней ево Христос, ему же слава во веки, аминь.

Спас 1632 г.

(Русский музей в Ленинграде)

АРХАНГЕЛЬСК
ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
КНИЖНОЙ ПАЛАТЫ
Краевая библиотека
ПОЛЬЗОВАТЬСЯ БЕРЕЖНО!

Василий Блаженный XVII века

(Музей храма Василия Блаженного в Москве)

Беседа четвертая

[Об иконном писании]

Паки и паки и еще к вашей любви побеседую: вам во Христе послушати сладостно, а мне глаголати неленостно.

По попущению божию умножися в нашей русской земли иконнаго письма неподобнаго изуграфы. Пишут от чина меньшаго, а велиции власти соблаговоляют им, и вси грядут в пропасть погибели, друг за друга уцепившися, по писанному: слепый слепца водяй, оба в яму впадутся, понеже в нощи неведения шатаются; а ходяй во дне не поткнется, понеже свет мира сего видит, еже есть: просвещенный светом разума опасно зрит коби и кознования еретическая и потонку разумевает вся нововводная,

не увязает в советех, яже умышляют грешнии. Есть же дело настоящее: пишут спасов образ Еммануила, лице одутловато, уста червонная, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надутые, тако же и у ног бедры толстыя, и весь яко немчин брюхат и толст учинен, лишо сабли той при бедре не писано. А то все писано по плотскому умыслу, понеже сами еретицы возлюбиша толстоту плотскую и опровергоша долу горняя. Христос же бог наш тонкостны чювства имея все, якоже и богословцы научают нас. Чти в Маргарите слово Златоустаго на Рожество богородицы; в нем писано подобие Христово и богородичино: ни близко не находило, как ныне еретицы умыслиша. А все то кобель борзой Никон, враг, умыслил, будто живыя писать, устрояет все по фряжскому, сиречь по немецкому. Якоже фрязи пишут образ Благовещения пресвятыя богородицы, чреватую, брюхо на колени висит,—во мгновении ока Христос совершен во чреве обретеся. А у нас в Москве в Жезле книге написано слово в слово против сего: в зачатии-де Христос обретеся совершен человек, яко да родится. А в другом месте: яко человек тридесяти лет. Вот смотрите-су, добрые люди: коли с зубами и с бородою человек родится! На всех на вас шлюся от мала и до велика: бывало ли то от века? Пуще оне фрягов тех напечатали, враги

божии. Мы же, правовернии, тако исповедуем, яко святии научают нас, Иван Дамаскин и прочии: в членах, еже есть в составех, Христос, бог наш, в зачатии совершен обретеся, а плоть его пресвятая по обычаю девятомесячно исполняшеся; и родися младенец, а не совершен муж, яко 30 лет. Вот иконники учнут Христа в рождестве с бородою писать, да и ссылаются на книгу ту: так у них и ладно стало. А богородицу чревату в Благовещение, яко же и фрязи поганыя. А Христа на кресте раздутова: толстехунек миленькой стоит, и ноги те у него, что стульчики. Ох, ох, бедная Русь, чего-то тебе захотелося немецких поступов и обычаев! А Николе чюдотворцу дали имя немецкое: Николай. В немцах немчин был Николай, а при апостолех еретик был Николай; а в святых нет нигде Николая. Только с ними стало. Никола чюдотворец терпит, а мы немощни: хотя бы одному кобелю голову ту назад рожею заворотил, пускай бы по Москве той так ходил. Да что петь делать? Христос им время то попустил, якоже Июда апостол пишет: «яко господь люди от земля Египетския спасл, последи неверовавших погуби. Ангелы же, не соблюдшая своего начальства, но оставльших свое жилище, на суд великаго дне узами вечными под мраком соблюде». Виждь, слышателю, яко терпит им бог, яко и бесом, до суднаго дни. Тогда им весь

указ будет; а ныне пускай их поиграют с бесами теми заодно над Христом, и над Николою, и над всеми святыми с богородицею, светом нашим, да и над нами, бедными, что черти над попами,—пускай возятся! Златоуст Иван и лутче нас был, а как время пришло, так спрятали так же, как и нас. И Филипп митрополит на Москве. Да много того есть. Коли же кто изволил богу служить, о себе ему не подобает тужить. Не токмо за имение святых книг, но и за мирскую правду подобает ему душа своя положить, якоже Златоуст за вдову и за Феогностов сад, а на Москве за опришлину Филипп. Кольми же за церковный извpат,—всяк правоверный много не рассуждай, поиди в огонь: бог благословит, и наше благословение да есть с тобой во веки! Не по што в Персы итти пещи огненныя искать: но бог дал дома Вавилон, в Боровске пещь халдейская, идеже мучатся святии отроцы, херувимом уподоблышеся, трисвятую песнь воссылающе. Право, хорошо учинилося. Лучше дому Новходоносорова, палаты и теремы златоверхими украшены, преграды и стены златом устроены, и пути каменьми драгими намощены, и садовие древеса различные насажены, и птицы воспевающе, и зверие в садах глумящеся, и крины и травы процветающе, благоухание износяще повеваемо. А Новходоносор, раздувшеся, глагола ко господу богу

небесному: «ты царствуешь на небеси, а я подобен тебе здесь, на земли». И егда виде бог гордость его необратную, и претвори Новходоносора сопреди тельцом, а созади львом, и хождаше в дубраве со скоты 7 лет, ядый траву, дондеже покаяся. Так-то господь гордым противится, смиренным же дает благодать. Разумейте, правовернии, как трие отроцы, ради своего страдания в царстве по всей поднебесней величаются, а Новходоносор уничижается. Сие дело предлежит во образ хотящих наследовати спасение. Не покланяйся и ты, рабе божий, неподобным образом, писанным по немецкому преданию, якоже и трие отроки в Вавилоне телу златому, поставленному на поле Дейре. Толсто же телищо то тогда было и велико, что нынешние образы, писанные по немецкому! Да и много же у них изменение тово во иконах тех: власы расчесаны, и ризы изменны, и сложение перстов—Малакса вместо Христова знамения. Малаксу погубную целуй! Знаешь ли, что я говорю? А то руку ту раскорякою тою пишут. Но смотри, не целуй ея: то антихристова печать. Плюнь на нея; привяжется дурная мысль. Буде образа подобна написана не прилучится, и ты на небо, на восток, кланяйся, а таким образом не кланяйся. Посем мир вам от нас и благословение. Я, грешной протопоп Аввакум, со отцы и братиею о Христе Исусе,

вам—светом, всякому верному, попремногу челом бьем. Молитеся о нас, а мы должни о вас. Богу нашему слава о всем, аминь.

Беседа пятая

[О внешней мудрости]

Писано есть: «Погублю премудрость премудрых и разума разумных отвергуся. Где премудр, где книжник, где совопросник века сего? Не обуя ли бог премудрость мира сего? Понеже не разуме мир премудростию бога, благоизволи бог буйством проповеди спасти верующая».

Рассуждение.

Альманашники, и звездочетцы, и вси зодейшики познали бога внешнею хитростию, и не яко бога почтоша и прославиша, но осуетишася своими умышленьми, уподоблятися богу своею мудростию начинающе, якоже первый

блядивый Неврод, и по нем Зевес прелагатай, блудодей, и Ермис пияница, и Артемида любобеица, о них же Гронограф и вси кроники свидетельствуют; таже по них бывше Платон и Пифагор, Аристотель и Диоген, Иппократ и Галин: вси сии мудри быша и во ад угодиша, достигоша с сатаною разумом своим небесных твердей, и звездное течение поразумевше, и оттоле пошествие и движение смотрях небеснаго круга, гадающе к лутшей жизни века сего, настоящей, или тщету или гобзование, и тою мудростию своею уподобляхуся богу, мнящеся вся знати. Якоже древле рече диавол: «поставлю престол мой на небеси и буду подобен вышнему», тако и тии глаголют: мы разумеем небесная и земная, и кто нам подобен! И взимахуся блядины дети выше облак,—слово в слово, яко и сатана древле. Сего ради отверже их бог: благоизволил буйством апостольским спасти хотящих наследовати спасение. Вси христиане от апостол и отец святых научены быша смирению и кротости и любви нелицемерной; с верою непорочною, и постом, и со смиренною мудростию, живуще в трезвости, достизают не мудрости внешния поразумевати и луннаго течения, но на самое небо восходят смирением ко престолу царя славы и со ангелы сподобляются славити бога; души их во благих водворяются, а телеса их на земли нетленни быша и есть.

Виждь, гордоусеци альманашник, где твои Платон и Пифагор: тако их же, яко свиней, вши съели, и память их с шумом погибе, гордости их и уподобления ради к богу. Многи же святии смирения ради и долготерпения от бога прославишася и по смерти обоготворени быша, понеже и телеса их являют в них живущую благодать господню, чюдесьми и знаменьми яко солнце повсюду сияют. Виждь, безумной зодийшик, свою богопротивную гордость, каковы плоды приносите богу и творцу всех, Христу: токмо насыщатися и упиватися и баб блудить ваше дело. Прости,—не судя глаголю, к слову прилучилося. Не ваше то дело, но бесовское научение. Плакати о вас подобает, а не ругати: понеже плоть от плоти нашея и кость от костей наших, тела нашего и уды отчасти. Увы, отцы и братия наша! Увы, чада и друзи! Увы, приятели и сродство! Уже бо разлучишася от святых зде и в будущем веце. Како о вас не плакать? Плачю, рече, яко взял вас живых диавол, и не вем, где положити хощет: яве есть, сводит в преглубокий тартар и огню негасимому снедь устрояет. Посмотри-тко на рожу ту, на брюхо то, никониян окаянный, — толст ведь ты! Как в дверь небесную вместитися хощешь! Узка бо есть, и тесен и прискорбен путь, вводяй в живот. Нужно бо есть царство небесное, и нужницы восхищают е, а не толстобрюхие.

Воззри на святыя иконы и виждь угодившия богу, како добрыя изуграфы подобие их описуют: лице, и руце, и нозе, и вся чювства тончава и изможда́ла от поста, и труда, и всякия им находящия скорби. А вы ныне подобие их переменили, пишите таковых же, якоже вы сами: толстобрюхих, толсторожих, и ноги и руки яко стульцы. И у кажного святаго,—спаси бог-су вас,—выправили вы у них морщины те, у бедных: сами оне в животе своем не догадалися так сделать, как вы их учинили! Помните ли?— на сонмице той лукавой, пред патриархами теми вселенскими, говорите мне Иларион и Павел: «Аввакум милой, не упрямься, что ты на русских святых указываешь, глупы наши святые были и грамоте не умели, чему им верить!» Помните, чаю, не забыли,—как я бранить стал, а вы меня бить стали. Разумныи! Мудрены вы со дьяволом! Нечего рассужать. Да нечева у вас и послушать доброму человеку: все говорите, как продавать, как куповать, как есть, как пить, как баб блудить, как робят в олтаре за афедрон хватать. А иное мне и молвить тово сором, что вы делаете: знаю все ваше злохитрство, собаки, бляди, митрополиты, архиепископы, никонияна, воры, прелагатаи, другия немцы русския. Святых образы изменили и вся церковныя уставы и поступки, да еще бо християном милым не горько было! Он, мой

бедной, мается шесть ту дней на трудах, а в день воскресной прибежит во церковь помолити бога и труды своя освятити, ано и послушать нечево— по-латыне поют, плясавицы скоморошьи! Да еще бы в огонь християнин не шел! Сгорят-су все о Христе Исусе, а вас, собак, не послушают. Да и надобно так правоверным всем: то наша и вечная похвала, что за Христа и святых отец предания сгореть, да и в будущем вечно живи будем, о Христе Исусе, господе нашем ему же слава ныне и присно и во веки веком, аминь.

Начало беседы седьмой

[О старолюбцах и новолюбцах]

Помните ли вы, как Мелхиседек жил в чащине леса того, в горе сей Фаворстей, 7 лет ядый вершие древес и вместо пития росу лизаше? Прямой был священник, не искал ренских, и романеи, и водок, и вин процеженных, и пива с кордомоном, и медов малиновых и вишневых, и белых всяких крепких. Друг мой, Иларион, архиепискуп рязанской! Видиши ли, как Мелхиседек жил? На вороных и в каретах не тешился ездя. Да еще был и царские породы. А ты кто? Воспомяни о себе, Яковлевич, попенок! В карету сядет, растопырится, что пузырь на воде, сидя в карете на подушки, расчесав волосы, что девка, да едет, выставя рожу на

площаде, чтобы черницы-ворухиниянки любили. Ох, ох, бедной! Некому по тебе плакать. Не достоин бо век твой весь Макарьевского монастыря единоя нощи. Помнишь ли, как на комарах тех стаевано на молитве? Явно ослепил тебя диявол. Где ты, мот, девал столько добра? И другов погубил! На Павла та митрополита что глядишь? Тот не живал духовно, блинами все торговал да оладьями. Да как учинился попенком, так по боярским дворам научился блюды лизать. И не видал и не знает духовнаго жития. А ты, милая голова, нарочит бывал и бесов молитвою прогонял. Помнишь, камением в тебя бросали на Лыскове том у мужика тово, как я к тебе приезжал. А ныне уже содружился ты с бесами теми. Мирною вещью в карете с тобою же ездят и в соборную церковь и вверх ко царю под руки тебя водят. Любим бо есть им. Как тебя не любить: столько христиан прижег и погубил злым царя наговором своим, и льстивым и пагубным, и многих неискусных о истинней церкви и о правой вере, приемлющих от вас новомысленныя догматы не по преданию святых отец и теми ложными ученьми последующих вашему отступническому преданию пагубному и льстивней пестрообразной последней нынешней наченшейся прелести...

Конец беседы восьмой

[Об Аврааме]

Апостол: «Тем же, братие, несмы рабынина чада, но свободныя. Свободою, ею же убо Христос свободи, стойте, и не паки под игом работы держитеся». Толкование: Слышите, братие, что апостол Павел приказывает: стойте крепко за Христа. Свободныя мы с вами люди: свободил нас Христос от греховнаго ига, снял с нас кошель сей с червями, пригвоздив е на кресте трисоставном крепко четырьми гвоздьми железными, а не трема, якоже костел римский с никонияны мудрствуют,—ноги прибиты гвоздем одным, на крыже, без подножия. Чему быть? Что велит диявол, то и делают! По Апостолу: под игом работы

держатся. Впряжены в колесницу четвероконну, везут быстро, все розно тащат еретики из церкви той. Апостоли, и седмь соборов святых отец, и пастыри, и учители о святем дусе исполнили святую церковь догматою, украсив ю, яко невесту, кровию своею со Христом запечатав, нам предали; а антихристова чадь и разграбили, зело разорили и крест с маковицы Христов стащили трисоставный и поставили крыж латынской четвероугольный, и из церкви той все выбросали и жертву переменили, молитвы и пение, все на антихристово лице устроили. Чему быть? Дети ево; отцу своему угладили путь. Аще и не пришел он еще последней чорт, но скоро уже будет. Все уготовали предотечи его и печатью людей бедных, слепых перепечатали, трема персты и развращенною малаксою.

Вы же, братия, назидающеся святою верою вашею, стойте крепко, за святую церковь и отеческое предание умирайте; не давайте грабить ворам матери своея, в ней же родихомся духовным порождением.

Я, братия моя, видал антихриста тово, собаку бешаную,—право, видал, да и сказать не знаю как. Некогда мне печальну бывшу и помышляющу, как приидет антихрист, враг последней, и коим образом, да сидя, молитвы говоря, и забылся, понеже не могу стоять на но-

гах,—сидя молюся, окаянный. А се на поле на чистом много множество людей вижу. И подле меня некто стоит. Я ему говорю: «чего людей много в собрании?» Он же отвеща: «антихрист грядет; стой, не ужасайся». Я подперся посохом двоерогим своим, протопопским, стал бодро, ано ведут ко мне два в ризах белых нагова человека,—плоть та у него вся смрад и зело дурна, огнем дышит, изо рта, из ноздрей и из ушей пламя смрадное исходит. За ним царь наш последует и власти со множеством народа. Егда ко мне привели его, я на него закричал и посохом хощу его бить. Он же мне отвещал: «что ты, протопоп, на меня кричишь? Я нехотящих не могу обладать, но волею последующих ми, сих во области держу». Да изговоря, пал предо мной, поклонился на землю. Я плюнул на него, да и очутился, а сам вздрогнул и поклонился господеви. Дурно сильно мне стало, ужасно; да нечево на то глядеть. Знаю я по писанию о Христе и без показания, скоро ему быть. А выблядков тех ево уже много, бешаных собак. Нас же да избавит от них Христос, сын божий, ему же слава ныне и присно и во веки веком. Аминь.

Из беседы девятой

[Толкование на 87—88 зачало Послания к римлянам и 23 зачало Евангелия от Иоанна]

Апостол: «Неточию же, но и хвалимся в скорбех, ведуще, яко скорбь терпение соделовает, терпение же искусство, искусство же упование, упование же не посрамит, яко любы божия излияся в сердца наша духом святым, данным нам». Толкование: Паки реку: ей, хвалимся и радуемся в скорбех своих, мучими от вас, никониян, в темницах, и во оковах, и в смертях многажды от вашева жалованья. Двадесять два лета плаваю и так и сяк, иногда наг, иногда гладен, иногда убит, иногда на дожде, иногда на мразе, иногда на чепи, иногда в железах, иногда в темнице, кроме повседнев-

ных нападений и разлучений жены и детей. «Кто изнемогает, и аз не изнемогаю? Кто соблажняется, и аз не разжизаюся?» Но терплю, бедной, о Христе Исусе упованием будущих благ. А ты, никониян, чем похвалишься? — скажитко! Антихристом своим нагим разве да огнем, да топором, да виселицею? Богаты вы тем! — знаю я. Да кто от святых так делал? Разве Саул царь, сын Киссов. Егда Доик оклеветал архиерея Авимелеха и сына его Авиафара про зятя его Давыда, понеже угостили его и оружие Галияфово отдали ему. Уведав же Саул мерзкий от Доика идумейска и приказал, взбесяся, левит со архиереи тысящи с две и больши убить. Ни пути, ни дела! Так-то и вы ныне: секи да руби, жги, да пали, да вешай! А неведомо, за што. Сами ж соблудили над церковию с Никоном с носатым и с брюхатым, с борзым кобелем, отступником и еретиком, да бросайся на тех, кои правду говорят. Больно-су нам, — мать нашу ограбили, святую церковь, да еще бы мы ж молчали! Не умолчим-су и по смерти своей вашему воровству. Отдайте матери нашея имение все, и а з - от, которой передвигнули на иное место, положите на старом месте, где от святых отец положен был. То малое ли дело, всю невесту Христову разорили. Разорили римляна-воры, блядины дети, разорили, зело обесчестили! Бесятся, играют в церкви той! Кой

что захватил, тот то и потащил: иной за сердце то ухватил, еже есть престол святый четверостолпый переменял и пятой столп в средине учинил и тут мощи положил, а иной вор за голову невесту Христову ухватил и венец богоукрашенный сорвал, еже есть древо жизни и спасения, древо бессмертия, древо разума, древо трилюбезно, нетленно и неизнуряемо, крест трисоставный, честное древо, троица бо носит трисоставныя образ. Сице пишет Григорий Синаит: «радуйся кресте, образе неописанный и многоименитый, древо требогатое, страшное же и всеблаженно, радуйся кресте всесвятый и всесильный, радуйся хранителю жизни нашея, господень кресте многопетый, образом своим бесы низлагая, враги отгоняяй, страсти упражняяй и благословение даруя нам и жизнь и силу содействием святаго духа и честными пречистыя мольбами нам, свет, помогая». А от воров терпи,—пускай тебя бесчестят.

Из беседы десятой

[О нанятых делателях]

В Луке зачало осмьдесят третие: «Нищ же бе некто именем Лазарь, иже лежаше пред враты его гноен, и желаше насытитися от крупиц, падающих от трапезы богатаго. Но и пси, приходяще, облизаху гной его. Бысть же умрети нищему и несену быти на лоно Авраамле. Умре же богатый, и погребоша его, и во аде, возвед очи свои сый в муках, узре Авраама издалеча и Лазаря в недрех его. И той возгласи, рече: «отче Аврааме, помилуй мя и посли Лазаря, яко да омочит конец перста своего в воде и остудит язык мой, яко стражду в пламени сем». Рече же Авраам: «чадо, помяни, яко восприял еси благая твоя в животе твоем, и Лазарь

такожде злая: ныне же зде утешается, ты же страждеши. И над всеми сими между нами и вами пропасть велика утвердися, яко да хотящии прейти отсюду к вам не возмогут, ниже оттуду к нам преходят». Рече же: «молю тя убо, отче, да послеши его в дом отца моего, имам бо пять братия, яко да засвидетельствуют им, да не и тии приидут на место се мучное». Глагола ему Авраам: «имут Моисея и пророки, да послушают их». Он же рече: «ни, отче Аврааме; но аще кто от мертвых идет к ним, покаются». Рече же ему: «аще Моисея и со пророки не послушают, ниже аще кто от мертвых воскреснет, не имут веры». Видите ли, братие, како смири его мука? Преже даже пред очима не видел Лазаря гнойна, а ныне зрит издалеча и мил ся деет ко Аврааму, а Лазарю говорить сором, понеже не сотворил добра ничтоже. Возьми,—пойдет Лазарь в огонь к тебе с водою! Каков сам был милостив! Вот твоему празднеству отдание! Любил вино и мед пить, и жареные лебеди, и гуси, и рафленые куры: вот тебе в то место жару в горло, губитель души своей окаянной! Я не Авраам,—не стану чадом звать: собака ты! За что Христа не слушал, нищих не миловал? Полно-тко, милостивая душа, Авраам-от миленькой, чадом зовет да разговаривает, быдто с добрым человеком. Плюнул бы ему в рожу ту и в брюхо то толстое пнул бы

ногою! Да что тово говорить?—по себе я знаю: хотя много надосадит никониянин, да как пришед с лестию бывало: «ведаю твое чистое и непорочное и богоподражательное житие, помолися о мне, и о жене, и о детях и благослови нас!»—так мне жаль станет, плачю пред богом о нем. Да и ныне ево жаль,—не знаю што. Завел ево собака Никон за мыс, а то он доброй человек был: знаю я ево. Полно тово.

ИЗ «КНИГИ ТОЛКОВАНИЙ»

I

Из толкования псалмов

салом: «Помяну имя твое во всяком роде и роде. Сего ради людие исповедятся тебе в век и в век века». Толк: Зри, и нам поминати имя господне, великим и малым, во всяком роде и апостольски во Христе жити.

Да и есть в нашем роде; на них зря, людие исповедятся богу в век и в век века непрестанно. Наипаче же в нынешнее время в нашей России сами во огнь идут от скорби великия, ревнуя по благочестии, яко древле апостоли; не жалеют себя, но Христа ради и богородицы в смерть идут, да вечно живи будут. А как-су нейти

в огонь християнскому роду? Богородицу согнали со престола никонияне-еретики, воры, блядины дети. Да еще бы не горько християнину! Горько-су будет, не покручинься. У християн только и надежи она, упование, с сыном своим и богом. А еретики с престола сбросили и обесчестили. Ну, поп еретик, с чем о велике дни приидешь на двор ко крестиянину? Ни креста Христова в руках нет, ни образа богородична! По польскому обычаю крыжок из зепи вынявше, и благословлять, смеясь, станешь. Ох, воры, блядины дети! Каковы митрополиты и архиепископы, таковы и попы наставлены. Воли мне нет да силы,—перерезал бы, что Илья пророк студных и мерзких жерцов всех, что собак. А к чему их блюсти! Тушны уже гораздо, упиталися у тряпезы Иезавелины и держаще учение Валаамово, иже учаше Валаака положити соблазн пред сынми Израилевыми ясти жертвы идольския и любы творити. Ей, прямо так; не затеял я: чти книги 4-я Моисеовы, глава 24. Слово в слово так же и ныне. В Ферапонтове монастыре новой Валаам-блудодей царя-тово развратил и выблядков тех наплодил. Знаете ли, вернии? Никон прескверней ший; от него беда та на церковь ту пришла. Как бы доброй царь, повесил бы ево на высокое древо, яко древле Артаксеркс Амана, хотяща погубить Мардохея и род Израилев искоренити. Милень-

кой царь Иван Васильевич скоро бы указ сделал такой собаке. А то чему быть! Ум отнял у милова, у нынешнева, как близь ево был. Я ведь тогда тут был, все ведаю. Всему тому сваха Анна Ртищева со дьяволом. Как ево причастил антидором, так с тех мест возьми, да понеси, да ломай все старое, давай новую веру римскую и протчая ереси клади в книги; а кто обрящется противен, того осуждай в ссылки и в смерти, сажай живых в землю. Разумеете ли, вернии, антидор-от помянул я? Слушайте-ко, я поговорю с вами. Антидор глаголется противный дар, а н т и — противление пишется. Мочно вам и по сему разуметь. Христос, сын божий—спаситель душам, а антихрист—разоритель и наветник душам, противник истинному Христу; того ради предложение ему — а н т и, еже есть противник, потом х р и с т, сиречь царь же будет, поганец, скверною помазан...

...Исперва будет казатися людем кроток, и смирен, и милостив, и человеколюбив: слово в слово как Никон, ближней предтеча его, плакать горазд. Я ево высмотрил, дияволова сына, до мору тово еще,—великой обманщик, блядин сын! Как-то при духовнике том Стефане вздыхает, как-то плачет, овчеобразный волк. В окно из палаты нищим деньги бросает; едучи, по пути нищим золотые мечет! А мир-от слепой хвалит: государь такой-сякой, миленькой, не бывал та-

кой от веку! А бабы молодые,—простите бога ради,—и черницы, в палатах тех у него веременницы, тешат его, великого государя пресквернейшаго. А он их холостит, блядей. У меня жила Максимова попадья, молодая жонка, и не выходила от него: когда-сегда дома побывает воруха; всегда весела с водок да с меду; пришед, песни поет: у святителя государя в ложнице была, водку пила. А иные речи блазнено и говорить. Мочно вам знать и самим, что прилично блуду. Простите же меня за сие. И больши тоя безделицы я ведаю, да плюнуть на все. Слово в слово таков то и антихрист будет... Премолкнем о сем и приимем первое речение о антидоре.

Сию просвиру Никон вынимает сам в обедню перед переносом, а что над нею действует, он знает те стихи,—смолода тому научен в Низовке деревне,—от моей родины та деревня не далеко, верст с пятнадцеть; я знаю, много там таких чародеев. А он детинка-бродяга был, и у Макарья Желтовоцкаго поводился в крылосе,—Никитка Минин. А таки одва не татарка ли ево, Семен, родила,—там ведь татар тех много. Да плюнем на него! Кто ево не родил, однако блядин сын от дел звание приемлет. Блядь пишется ложь. Правда от бога, а ложь от диявола. Сын он дияволь, отцу своему сатане работает, и обедни ему по воли ево строит, над просвирою тою молитву батьке тому своему гово-

рит перед переносом тем. Знаешь, любимой дар среди обедни той счинит, да ково жалует-любит, тех и причащает им, соверша обедню. Да и маслом мажет причастников своей скверны, прибегших к ево милости. Сам государь трудится святитель: как лишитися такой святыни! Да так-то мир-от мажет и сквернит; да такая беда,— ково помажет, тот и изменится умом тем. Явно омрачает. Или антидором тем накормит, так и пошел по нем. Есть протопоп, Ермилом зовут, ярославской, доброй человек и мне друг давной, да ум-от у него не крепок. Поборник был по церкве, да омрачился от мази той и от антидора тово! Некогда пришли мы с ним вместе в соборную церковь, так он бежит к маслу тому, и я ему браню: «пошто ты идешь, Ермил!» И он мне: «да как же, братец! я не могу тово учинить, чтобы мне не помазатися!» Я ево ухватил, чтобы не пустить, и он дрожит, стоя. Я и пехнул: «и ты,—реку,—гори во огне с ними заодно!» Так-то и царя тово враг божий омрачил, да к тому величает, льстя, на переносе: «благочестивейшаго, тишайшаго, самодержавнейшаго государя нашего, такова-сякова, великаго, больше всех святых от века,—да помянет господь бог во царствии своем, всегда, и ныне, и присно, и во веки веков». И в е к о в тех,—и то в Кириллове книге описует ересь: малое-де слово сие, да велику ересь содержит. А цар-ет, петь,

в те поры чается и мнится, будто и впрямь таков, святее ево нет! А где пуще гордости той! Мерзко богу горделиваго и доброе дело, кольми же блудня и слабоумие, истину в неправде содержаще. И бесплотных на небеси не пощадил бог за гордость и неправду, якоже Иезекииль пророк глаголет,—херувим из среды огня извержен бысть, зане обретошася неправда в нем. Кольми же берна человека не пощадит бог за гордость и неправду. Прежде во православной церкви на переносе не так бывало, но ко всему лицу мирскому глагола дьякон и священник: «всех вас да помянет господь бог во царствии своем, всегда, и ныне, и присно, и во веки веком»; а до царя дошед, глаголет: «да помянет господь бог благородие твое во царствии своем», а к патриарху пришед: «да помянет господь бог святительство твое во царствии своем». А не в лице говорили имянем его, посылая во царство небесное: буде он и грешен, ино род его, царев, православен, а в роду и святой обрящется. Тако и патриарх,—аще и согрешит нечто, яко человек, но святительство непорочно. А ныне у них все накось да поперег; жива человека в лице святым называй, коли и пропадет. В Помяннике напечатано сице: «помолимся о державном святом государе царе». Вот как не беда человеку! А во Отечниках писано: «егда-де человека в лице похвалишь, тогда сатане его

словом предаешь». От века несть слыхано, кто бы себя велел в лице святым звать, разве Навходоносор вавилонский! Да досталось ему, безумному! Седмь лет быком походил по дубраве, траву ядше, плачючи. Да хорошо; слава богу о сем. Как простил бог слез тех ради, так потом годе усу тому воля давать; не стал уж раздувать, но и до смерти семеньми питашеся. А то приступу не было: «бог есмь аз! Кто мне равен? Разве небесной! Он владеет на небеси, а я на земли, равен ему!» Так то и ныне близко тово... В коих правилах писано царю церковью владеть, и догматы изменять, и святая кадить? Только ему подобает смотрить и оберегать от волк, губящих ея, а не учить, как вера держать и как персты слагать. Се бо не царево дело, но православных архиереов и истинных пастырей, иже души своя полагают за стадо Христово, а не тех, глаголю, пастырей слушать, иже и так и сяк готовы на одном часу перевернутца. Сии бо волцы, а не пастыри, душегубцы, а не спасители: своими руками готовы неповинных крови пролияти и исповедников православныя веры во огнь всажати. Хороши законоучителие! Да што на них дивить! Таковыя нароком наставлены, яко земския ярыжки,—что им велят, то и творят. Только у них и вытвержено: «а-се, государь, во-се, государь, добро, государь!» Медведя Никон, смеяся, прислал Ионе ростов-

скому на двор, и он челом медведю,—митрополитищо, законоположник! А тут же в сонмице с палестинскими седит, будто знает! А о Павле крутицком мерзко и говорить: тот явной любодей, церковной кровоядец и навадник, убийца и душегубец, Анны Михайловны Ртищевой любимой владыка, подпазушной пес борзой, готов зайцов Христовых ловить и во огнь сажать. Добро-су, други, пришла ваша година и область темная. Творите, еже хощете. Нечево много говорить, не пособить подождать воли господни, аже умилосердится о нас, бедных, и услышит плач вопиющих к нему день и нощь. Надеюся, яко прекратит дние сии за молитв святых отец наших и подаст раном своим отраду и утеху. Да и при Манасии жерцы те так же шурмовали; да как самово выдал бог персам, так и все скуталися и хвосты те, воскрылия риз своих, прижали. А Манасию татаровя в коноб всадили, самово изжарить хотели, как он жарил во Израили глаголющих истину и правду. Видит беду свою неминучую, яко не помогут боги, стоящие на горах высоких, притече душею ко истинному богу, животворящему мертвыя, и возопи, в конобе медяне седя: «господи вседержителю, боже отец наших, Авраамов, и Исааков, и Ияковль», и прочая. Вот пророк Давыд не солгал, рекше: «броздами и уздою челюсти их востягнеши, не приближающихся к тебе». Слава

тебе, господи! Любо и мне; хорошо так, Христе, сыне божий! А то с дураком ладу не было, все переломал на свой лад, и сына божия попрал, и кровь заветную осквернил, а в котле том узнал Авраамова бога. И Авраам отец стал. А до тово глупым звал, как и в московском сонме: глупы-де были русские наши святыя, грамоте не умели! Так и там было. Господь милостив: покаяния ради избави его от смерти,—рассядеся коноб, и ангел восхитя ево и принесе во Иерусалим. Ну же он жерцов тех душить, и живых и мертвых: от вас-де разорение се, и мне была кончина! воры-де, блядины дети, с ума меня свели! А сам где был? А то Исаия говорил. Полно противитца! Сам так захотел: новой закон блядивой положил, а отеческой истиной отрыгнул и обругал. Кто бы тя принудил? Самовластен еси и священная писания измлада умееши, могущая тя умудрити во спасение твое; да не восхотел последовати учению отца истиннаго духовнаго твоего, но приял еси змию вогнездящуюся в сердце твое, еже есть тогда и днесь победители. Кайся вправду, Манасия! Не гляди на Озию, во отчаяние пришедша, дерзнувшаго святая покадити, но зри на богоотца царя и пророка Давыда. Егда изочте Израиля и прогневал тем бога, послан ангел, и уби от полка его в три часа 70 000. Давыд же плакаше и бияше

в перси, глаголя: «аз, пастырь, согреших; аз тя, господи, прогневах; а сие овцы ничтоже о сем разумеют; меня казни и дом мой, а сих помилуй!» И умилосердися господь покаяния ради царева, повеле ангелу престати от пагубы людцкой. Виждь, начальных согрешения какову беду миру наносит, тогда, и ныне, и во веки. А в нашей России в 20 в 3 лета, отнележе враг развратил церковь, и внесены быша еретическия уставы, много пагубы бывало: мор на всю землю, и сеча, и междоусобие, и кровь беспрестанно льется, за начальных игрушки. А еретики ему блазнят и лагодят, глаголя: яко на кроткова, государь, Давыда, напасти и беды на тебя и на царство твое бывают. А не молвят так, что-де, государь, войны те и смущение во царстве том, яко при Сауле царе, сыне Киссове; несть ли де и во твоей души таковаго смущения, якоже и в ево, Саулове, мерзкой; осмотрися-де, государь, и прибегни с покаянием к богу, да милостив будет той зде и в будущем веце, яко Манасии; умилосердися-де, государь, яко Ахав, развративше Израиля; прибегни, яко блудница; возопи, яко хананея; припади, яко мытарь, бия в перси, и, яко разбойник, возопи: «помяни мя, господи, егда придеши во царстви си», да милостив будет ти господь бог, не ревнуй лукавнующим, ниже завиди творящим беззаконие, з а н е, я к о т р а в а, с к о р о

исшут и яко зелие злака, скоро отпадут. Престани-де, государь, проливати крови неповинных; пролей в то место слезы; угаси пещь, палящую рабов Христовых в Боровске и в Казани; с воздыханием из глубины сердца расторгни узы седящих в темницах и изведи живых закопанных в землю; припади к коленома их с покаянием, да умолят о тебе бога, яко о Феофиле иконоборце Мефодий. Древле также был миленькой Мефоди-ет с двема разбойникома закопан в землю, яко и бояроня Морозова Феодосья в Боровске с прочими, в земле сидя, яко кокушка кокует. Кокуй, бедная, не бойся ничего, венцы мнози над тобою! И Евдокия княгиня кокуй! И Марья Даниловых кокуй! И прочии. «Елицы во Христа крестишася, в смерть его крестихомся, спогребохомся убо ему крещением в смерть. Да якоже воста от мертвых славою отчею, так и мы во обновлении жизни вечныя станем с ним в веселии и радости жити». Забудем вся сия наветы, потерпим еще благодушне господа ради, дондеже совершится тайна. Тайна сия от века и от родов в бозе самом сокровенна, вашего страдания и братския скорби, якоже Златоустый пишет «О вочеловечении» слово: усмотрил бог Петра во Адаме, усмотрил и Павла; Павлу проповедующу учения слово, Петр вверяемый ключи небеснаго царства; и не радуется бог так о Адаме,

кормимем в породе, якоже о Петре и Павле, о двух камыках и жемчугах чудных. Право, было так. Да и ныне, Прокофьевна, не мало веселие богу, как вы кокуете, сидя закопаны в земли той. Пострижена ты уж нынеча, иноконя-схимница Феодора, миленькая моя! Как-то человеку тому, душка та коему больна, всяко домышляется, еже бы не тщету жизнь изнуряти! Хороша ты и так милостию божиею была и без чернечества тово. А ныне и давно добро, кстае плакать сильно ладно. Так же бы нам надобно царя тово Алексея Михайловича постричь, беднова, да пускай поплачет хотя небольшее время. Накудесил много, горюн, в жизни сей, яко козел скача по холмам, ветр гоня, облетая по аеру, яко пернат, ища станы святых, како бы их поглотить и во ад с собой свести. Но спаси его, господи, ими же веси судьбами своими, Христе, за молитв кокушок тех бедных, седящих в земле. Аще ли не належит покаяние ему,—ты веси! буди воля твоя, а не моя! «Аз есмь червь, а не человек». Дерзаю паче человека, выше меры моея, угнетаем болезнию по души заблудшей его, желая и ища от тебя, всемилостива спаса, исправления его. Несть дивно, еже праведника спасти, но преславно, иже грешника помиловати и в разум истинный привести. Ты еси бог наш, иже водою и духом обновивый обветшавшее грехом естество наше.

«Ты еси бог наш, иже водой потопивый при Нои грех. Ты еси бог наш, иже морем свободивый от работы фараоня Моисеом род еврейский. Ты еси бог наш, разразивый камень в пустыни, и потекоша воды, и потоцы наводнишася, и жаждущия люди своя насытивый. Ты еси бог наш, иже водой и огнем при Илии пременивый Израиля от прелести Вааловы». Сам и ныне, владыко, премени от прелести царя Алексея беднова, от новаго Ваала, злодея Никона со дияволом, и даждь ему очищение и освящение и душевное прозрение. Просвети светом разума к познанию твоея истины; вдохни благая в сердце его, да познает тя, сына божия, и прибегнет под кров покаяния; устави смущение души его, яко воды морския, колеблющияся ветры зельными; приими жертву его слезную паче, нежели Авелеву; приклони ухо твое к молению нашему и возглаголи благая в сердца наша, отец наших и братий, о нем, к тебе, богу и спасу всех, яко милостив еси и щедр, боже наш, и тебе славу воссылаем в троице славимому богу, отцу и сыну и святому духу, ныне и присно и во веки веком. Аминь.

О царю Алексее! Покажу ли ти путь к покаянию и исправлению твоему? Воззри на царя Давыда, что сотвори, внегда вниде к Вирсавии, жене Уриеве, сиречь у живова мужа отнял жену

и на постелю к себе взял. Таже вниде к нему Нафан пророк, и глагола пророк пророку со дерзновением: «царю Давыде! даждь ми суд праведен на сильнаго, имущаго у себя сто овец, и едина бысть овца у некоего, он же, восхитя, и ту к себе привлече. Да судиши праведне обидящаго со обидимым!» Давыд же отвеща: «сотворивый неправду повинен смертному осуждению». И глагола ему Нафан: «царю Давыде! ты сию неправду сотворил: понеже имаши триста жен и семьсот наложниц, не удоволився ими, убив боярина своего Урию, и жену его Вирсавию к себе же на ложе привлече. По суду своему повинен еси смерти». Давыд же рече: «о, Нафане, что сотворю? Согреших, неправду сотворих». И глагола ему Нафан: «воззри вспять и виждь осуждение твое». Обозревжеся Давыд, виде над собою ангела,—оружие наго держа, хотя его за беззаконие посещи. И возопи Давыд ко господу: «Помилуй мя, боже, по велицей милости твоей, и по многим щедротам твоим очисти беззакония моя», и прочая псалма того, весь до конца. И плакався о гресе том непрестанно и до смерти своей. Вот, царю! коли тебя притрапезники те твои Давыдом зовут, сотвори и ты Давыдски к богу покаяние о себе и не гневайся на мя, правду свидетельствующу ти, якоже и на Нафана Давыд, но послушай совета моего болезненнаго к себе. Ей, тебе истину гово-

рю,—время покаятися. Рцы по вышереченному, якоже Давыд, каяся, рече: «аз, пастырь, согреших; аз, господи, прогневах тя, а овца моя ничтоже имут к тебе». И паки другаго падения его псалом: «Помилуй мя, боже, по велицей милости твоей, по многим щедротом твоим очисти беззакония моя; наипаче омый мя от беззакония моего и от греха моего очисти мя; яко беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть выну; тебе единому согреших и лукавое пред тобою сотворих». Да, плачючи, псалом-от и до конца говори. Любя, я тебе, право, сие сказал; а иной тебе так не скажет, но вси лижут тебя,—да уж слизали и душу твою! А ты аще умеешь грамоте-той, но и нонеча хмельненек от Никонова тово напоения; не помнишь Давыдова тово покаяния. Ведаю разум твой; умеешь многи языки говорить, да што в том прибыли? С сим веком останется здесь, а во грядущем ничимже пользует тя. Воздохни-тко по старому, как при Стефане, бывало, добренько, и рцы по русскому языку: «господи, помилуй мя, грешнаго!» А кирелеисон-от оставь; так елленя говорят; плюнь на них! Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком; не уничижай ево и в церкви, и в дому, и в пословицах. Как нас Христос научил, так и подобает говорить. Любит нас бог не меньше греков; предал нам

и грамоту нашим языком Кириллом святым и братом его. Чево же нам еще хощется лутче тово? Разве языка ангельска? Да нет, ныне не дадут, до общаго воскресения. «Да аще бы и ангельски говорили,—Павел рече,—любве же не имам, бых яко медь звенящи или яко барабаны ваши!» Никоея пользы в них несть. «Любы не превозносится, не бесчинствует, любы не завидит, ни гордится, не раздражается, не ищет своя си, не вменяет злое, не радуется о неправде, радуетжеся о истине, вся любит». А ты, миленькой, посмотри-тко в пазуху ту у себя, царь християнской! Всех ли християн тех любишь? Несть большо, отбеже любы, и вселися злоба. Еретиков никониян токмо любишь, а нас, православных християн, мучишь, правду о церкве божия глаголющих ти. Перестань-ко ты нас мучить тово! Возьми еретиков тех, погубивших душу твою, и пережги их, скверных собак, латынников и жидов, а нас распусти, природных своих. Право, будет хорошо. Меня хотя и не замай в земле той до смерти моей; иных тех распусти. Потому что меня жалуют люди те, знают гораздо везде: так мне надобе себя поупасти́, чтобы в гордость не войти. Писано: «отрада на душу гонение велико живет». И ты, пожалуй, распусти иных тех при себе, а я и так хорош. Сын твой после тебя распустит же о Христе всех страждущих и верных по старым книгам

Птица Сирин

Роспись сундука XVII века (Государственный Исторический музей в Москве)

Притча о богатом и Лазаре

Из Синодика XVII века

в господа нашего Исуса Христа. На шестом соборе бысть же сие,—Констянтин Брадатый проклявше мучителя, отца своего еретика, и всем верным и страждущим по Христе живот дарова. Тако глаголет дух святый мною, грешным, рабом своим: и здесь то же будет после тебя! И ты послушай меня, сделай доброе при себе, дондеже еси в животе. Егда приидет хищник и восхитит тя, не успеешь тогда: понеже суд бывает без милости несотворшим милости. Ведь мы у тебя не отнимаем царства тово здесь, ниже иных взущаем на тебя; но за веру свою стоим, боля о законе своем, преданнем от святых отец. Что ти успеет во грядущий век? Грабишь нас напрасно и обнажаешь от Христа. Время и тебе покаятися, понеже любит господь бог покаяние...

2

Из толкования на Книги Притчей и Премудрости Соломоновых

...Виждь, никониянин, что глаголет Павел: дух святый во едино собрал лики святых, а ты рассек девятию частьми, тело церковное на уды раздробил, собака; беду сделал—разрезал на части миленьких святых; яко волк, разорвал все тело. Да больши тово как мне уж тебе говорить то,—ведаешь ты. Коли взбесился, не унять тебя. Ну и церковь ту под гору со всем! Разделай костел римской и опреснок учини, яко папа, еретик римской, после причастья в олтаре птицы рафленыя заедать на золотых блюдах с похмелья! Как быть хорошо! прикусны! лутче

просвир! мясцо птичье брюшка не пыщит! Воры, воры, блядины дети! Как вам себя не сором! Июдейская вся возлюбили, яко и они древле похотеша желанию в пустыни и искусиша бога в безводне: и даст им прошение их, посла сытость в душа их. Но потекла им по пятам сия сытость! Поражени бо быша в пустыне, и от змей погибоша, и из ноздрей черви потекоша, и многоразлично казни неблагодарнии прияша; наконец же всех кости падоша,—не вниде ни един в обетованную землю, токмо Исус Наввин, чад их обрезав; а старые те черти все падоша в пустыни. Такие же, как и вы, сластолюбцы были. Манну ядят, а о чесноке египетском тужат. Да помяните себе, что я говорю: пропасть и вам за собак места! Ждет вас бог на обращение; не узнаетеся враги креста Христова, сластолюбцы, блудодеи, осквернившие ризу крещения, убийцы и прелюбодеи, пьяницы и непрестаемаго греха желатели. Горе вам, насыщеннии, яко взалчете! Горе вам, смеющимся, яко восплачете и возрыдаете! Дайте только срок, собаки, не уйдете у меня: надеются на Христа, яко будете у меня в руках! выдавлю я из вас сок то! Ну, да полно тово! яжьте, пейте, веселитеся, разоряйте церковь ту! не соромьтеся,—делайте костел-от! пришла ваша година и область темная. А мы с православными

християны за святую церковь о Христе Исусе помрем от вас, не изменим отеческое ничтоже. Слушайте, раби Христовы,—станем говорить о просвирах тех еще, а на собак плюнем...

С у щ е е: «Взыщите премудрость, да поживете и исправите в ведении разум». Т о л к: Кую премудрость, глаголет, взыщите? Ту ли, ея же любит Павел митрополит и прочии ево товарищи, зодийщики? Со мною он, Павел безумной, стязаяся, глаголющи: «велено-де, протопоп, научитися премудрости альманашной и звездочетию, писано-де: «взыщите премудрость, да поживете». Не знает писания, дурак, ни малехонько! Чему быть,—на них, яко на ослах, еретики те едут на владыках тех! Писание глаголет: «взыщите премудрость, да поживете, и исправите в ведении разум, еже есть божия премудрость»,—любы, милость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание, вся сия исправляти в ведении и разуме духовнем и не примешивати блудень и похотей внешних к духовному жительству; мнози бо суть в мире любят любящия их и милуют милующих, и сия бо любовь грешнича и языческа, якоже господь рече, Лука, зачало 26: «аще любите любящия вы, кая вам благодать есть; ибо и грешницы любящая их любят; и аще благотворите благотворящим вам, кая вам благодать есть, ибо и грешницы тожде творят.

Обаче любите враги ваша и благотворите и взаим давайте, ничесоже чающе, и будет мзда ваша многа, и будете сынове вышнего вси». Рассуждай глагол Христов: своего врага люби, а не божия, сиречь еретика и наветника душевнаго уклоняйся и ненавиди, отрицайся его и душею и телом; а аще кто не богоборец и не еретик досаждает ти, таковаго любити подобает по господни заповеди. Тому же подобно и мирное поставление. С еретиком какой мир? Бранися с ним и до смерти и не повинуйся ево уму развращенному...

С у щ е е: «Сопротив станет им дух силы и, яко вихорь, развеет я и опустит всю землю беззакония и злодеяния, превратит престолы сильных». Т о л к: Супротив станет Христос с праведными на воров тех. Он им, надежа, силу ту подает, а то бы беззаконники те тотчас праведных тех перевертели; да Христос воли ти и им вовсе не даст. Утешает своих тех владыка бедненьких всяко. Собаки те огрызут нашему брату бедному руку или язык или иную кую пакость сотворят, а Христос и исцелит, а ворам тем горько, да не знают, как извести праведника тово. А которова Христос изволит венчать и к себе взять и отдаст его им, делателям спасения нашего, так они, что волки, с сердца тово в клочье изорвут раба тово Христова, изжегше, и кости те иссекут бердышами, да и

опять дров наваляют. Да потом, собрався, на радостях пировать станут: перевели обличителя, не мешает тот! Слава богу седмиглавому, помог милостию своею, из бездны пришед, раба Христова скончал! Да и сядет диявол-от посреде их на пиру том с ними же, научает еще на инова Христова раба. А Христос-те терпит, свет, попускает им, да же соберет своих повсюду, яко кокош под крыле птенцы своя...

3

Из толкования на Книгу пророка Исаии

Сущее: «И ту будет вселение птицам, и водворение сирином, и тростие, и стеблие». Толк: Много птиц поющих по пустыни сей. Птичье житие проходят многие святые отцы и, яко сирины, со умилением и со слезами песнь богу поют. Сирин бо есть птица красно-песнивая,—писано во Алфавите о ней,—обретается к востоку близ рая, во аравитских странах, в райских селениях живет и, егда излетает из рая, поет песни красные, и зело неизреченны, и не вместимыи человечю уму; егда же обрящет ея человек и она узрит его, тогда и паче прилагает сладость пения своего. Человек же,

слышавше, забывает от радости вся видимая и настоящая века сего и вне бывает себя; мнози же и умирают, слушавше, шествуя по ней, понеже красно и сладко пение; и есть не захочет горюн от желания своего. Было так же и при Христе, бозе нашем, якоже и Евангелие повествует о сем: егда хождаше в пустыни Исус, а за ним народа пять тысящ и паки 4 с бабами и с робяты волочатся, слушавше, яко сирина, песнь его, и не ядше, бедные, приседят,—сладки гораздо песни. Он же, умилосердився о них, и хлебом чюдесным и рыбою их накормил после учения пречистаго своего. Да плуты люди те сия забыли все, и песни и чюдеса, идоша вспять от него. Кто их похвалит, дураки! Начали, а не совершили. Претерпевый до конца, той спасен будет, не начный блажен, но скончавый. Тако и ныне: кто сиринов тех, светов, слушает, сиречь учения святых отец, и тщится делом совершить, блажен будет и треблажен; понеже, яко июдей, не отступает вспять от Христа, но и умереть за истину готов, уповая на господа, яко трость вкоренен крепко и яко стебль у кореня Христа прицепился неотлучно.

4

[Как нужно жить в вере]

...Братия и чада моя о господе, богатии и убозии, мали и велицы, смиренныя и нищия, сирыя и вдовицы! Дондеже имамы время, попецемся о единородных своих душах и о домашних своих: муж о жене, жена о муже; отец о сыне, сын о отце; мати о дщери, дщи о матери; брат о сестре, сестра о брате. Не во тлю, молю вы, попечение творим, якоже неверни попечение творят, о брашнех и о ризах и о чести настоящаго века сего: како сына ризами украсить, како дщерь веном, сиречь приданым, довольно наделить, или пиршество ясно и светло сотворить, или в дому храмы красныя и пова-

пленныя возградить. Ни, ни, чада моя о господе!—се бо языческо есть, в вас же, Христовых учениках, не тако да буди, но пещися вам подобает: како сына и дщерь во благоразумие привести, како к любви божии привлещи, в православной вере утвердить, на милость и любовь к человеком научить, молитве и посту и иным добродетелем вразумить. Се бо есть благоприятно и любезно богу.

Еще же муж жене и жена мужу своему да воздают должную любовь о господе. И пейте от своих студенец источника, еже есть в чюжия кладези не ходите, но свою воду пийте. Просто рещи—друг от друга не соблудите и не желайте красоты чюжия. Во всяком кладезе единака вода и не разнствует ничем же друга друзей. Тако и совокупление мужа и жены, токмо красота чюжая греху ходатайственна, а сладость смешению одна. Якоже в раи красен бе и добр в снедь иже Адама уморивый плод, озоба и наг бысть от славы своея, тако и здесь чюжая красота нага благодати святаго крещения сотворит. Так что стал еси? О, муж или жена, бес—не бес, человек—не человек! Как на тебя Христос поглядит, как пречистая богородица позрит? Как явишися на страшнем и нелицемерном суде наг красоты и одеяния светло блещащихся риз? Скрыся под древо со Еввою Адам и прикрыста листвием смоковичным свою

наготу. Тогда богу ходящу в раи и глаголящу: «Адаме, Адаме, где бе?» Спрятался бедной под куст, как подъявитца наг? О, окаянный Адам, куды от бога бежишь? Со дияволом любил пировать и воровать, а к зиждителю повинутца не захотел. Так же бывает и здесь: мотрошит окаянной прелюбодей, яко Адам, листвием закрывает срамоту, сиречь в бане парится и измывается начисто, яко селезень, сблудя с чюжею, или блудница с чюжим, рубаху белую воздевает, к церкве пришед, молитвы у попа просит, будто и всегда доброй человек—праведник. А совесть та замучила злодея, да тут же идет ко кресту и к прочим святыням касается.

Ох, ох, безумия! не зрит внутрь души своея наготы и срамоты, яко вместо риз благодатных сквернавыми ризы оболчен и помазан блудною тиною и вонею злосмрадною повит. И бес блудной в души на шее сидит, кудри, бедной, расчесывает и ус расправливает посреде народа. Сильно хорош, и плюнуть не на ково. А прелюбодейца белилами, румянами умазалася, брови и очи подсурмила, уста багряноносна, поклоны низки, словеса гладки, вопросы тихи, ответы мягки, приветы сладки, взгляды благочинны, шествие по пути изрядно, рубаха белая, ризы красныя, сапоги сафьянныя. Как быть хороша—вторая египтяныня Петерфийна жена, или Самсонова Диалида-блядь. Посмотри-

тко, дурка, на душу свою, какова она красна. И ты, кудрявец, чосанная голова! Я отселе вижу в вас: гной и червие в душах ваших кипят; беси же вас злосмрадною водою кропят и ликовствуют в вас, яко в адовых темных жилищах, веселящеся. Вы же не чюете в себе зверей таковых, яко снедают вас ради беззаконныя сласти сея.

Молю вы: престанете от беззакония сего; сотворите себя храм божий и обитель Христу, сыну божию, со духом святым; исправитеся покаянием и слезами и припадите к богу с верою, прямо животворящему мертвыя. Милостив бо есть, иже праведники любя и грешных милуя, прибегших к нему. Воззрите на вышереченное ниневитцкое покаяние и Манасиино. Сладость греховную загладите горестию, сиречь постом и слезами со воздыханием. И прочих заповедей божиих будите причастницы. Кая потреба времянно усладитися грехом, а вечно мучитися? Немощи ради нашия дан нам бысть закон. Безгрешно и чисто законное ложе по согласию ко времяни, еже есть время глаголет Апостол: понедельник, вторник, четверток, аще праздника несть, среда же и пяток, суббота и неделя да хранима бывает; и праздники во весь год, и великий пост весь, и Пасха до Фомины недели. Поститися и молитися тогда подобает, а не сластем прилежати. Глаголю

же и во вся дни, во весь год в молитве пребывати, но указныя дни от жен нас правила не возбраняют ко времени. В беседах апостольских святый Златоуст рассуждает, поучая к нощной молитве, сице глаголет: «егда в нощи стоишь на молитве, и воспалиттися похотения пламень,— остави дело молитвы и угаси палящее, шед к жене своей на ложе, и, очистився, паки да совершиши дело молитвы». Вонми реченному: по словеси господню—«слушая вас—мене слушает». Слушай же, что я о Христе стану говорить.

Не лежи в скверне, быв с женою своею. Аще и писано—честен брак и ложе не скверно, но не к тому глаголет Апостол, еже не очищатися,—скверна бо есть от Адама и до сего дни и во веки. Еретицы восхитивше слово се апостольское без рассуждения, в сквернах ходят и не омываются; и обедни попы, не омывшися, поют. Со мною стязавшеся, говорили: «Апостол-де нас так научает». Аз же им о господе рекох: Апостол писал разгордевшимся коринфяном и евреом, понеже изветом благоверия жены своя оставляху и потом к чюжим коснутся. Павел же, уведав, восписует им в брацех со женами своими жити и глаголет: «честен брак и ложе не скверно».

А с чюжими не честно и скверно, сиречь греховно. А еретики-поганцы по-своему строят,

правовернии же чистоту да соблюдают. С Павлом глаголю: «не призва бо нас бог на нечистоту, но на святбу»,—не омывся, не касатися святыне. Но в кое время смешение сотворил, в то время и очистися. Аще и дважды одною ночью — дважды и очищайся, а лености ради в скверне не валяйся. Тако же и бесовское мечтание очищай, идеже семя падает, и порты измывай, и правильце по мечтании сотвори, или 50 или 100 поклонцов. Аще, не измывся по мечтании, со женою своею падешь и зачнет во утробе детище, таковое детище или бесно родится, или безумно, или инако развращенно и недостаточно. Егда же кая жена к мужу своему стропотствует ложю его, есть писано в Палее, у таковых рождаются дети не благообразны: или косы, или брыласты, или немы. Аще вином упивается жена, у таковых рождаются плешаты. Сего ради не бывайте, жены, противны мужам своим, якоже Апостол рече: «муж телом своим не владеет, но жена, такоже и жена своим телом не владеет, но муж». Видите ли, како покорил бог во единство друг другу, да спряжение непорочно будет. И в другой главизне пишет: «несте к тому два, но плоть едина. Еже бог сочета, человек да не разлучает». Аще стропотства ради женьня падет муж в прелюбодеяние, о сем отвещати жена перед богом будет. Такоже и «муж жене своей должную любовь

да воздает», Апостол рече. Аще муж волею своею в прелюбодеяние впадает, да престанет и да смирится со женою своею; аще жена в прелюбодеяние впадает, всячески да разлучится от мужа своего, не подобает с нею, с прелюбодейцею, мужу жити. В правилах пишет: «горще мужня падение женне». Сего ради писание повелевает повиноватися женам к мужам своим и не перековати им, но послушливым быти, понеже послушливым бог подает честь и славу, а непослушливым—горькую муку. Подобает жене пред мужем тихой, кроткой, веселой быти, обычай имети кроток, понеже глава есть жене муж. Якоже глава крест на церкве, тако глава муж жене; якоже повинуется церковь Христу, тако достоит повиноватися женам к мужем своим. Разумеешь ли, како церковь повинуется Христу? Вонми! Приклони ухо твое мне и услыши глаголы моя...

...Не ищите риторики и философии, ни красноречия, но, здравым истинным глаголом последующе, поживите. Понеже ритор и философ не может быти християнин. Григорий Ниский пишет, и Златоуст тому же согласует, сице глаголя, яко ни на праг церковный ритор и философ достоин внити. А Павел апостол глаголет: «приидох бо не по превосходному словеси разума человеча, но в показании духа и силы». И в другой главизне пишет: «погублю

премудрость премудрых и разума разумных отвергуся». Да и вси святии нас научают, яко риторство и философство—внешняя блядь, свойственная огню негасимому. От того бо раждается гордость, мати пагубе. И несть ми о сем радения. Аз есмь ни ритор, ни философ, дидаскалства и логофетства неискусен, простец человек и зело исполнен неведения. Сказать ли, кому я подобен? Подобен я нищему человеку, ходящу по улицам и по окошкам милостыню просящу. День той скончав и препитав домашних своих, на утро паки поволокся. Тако и аз, по вся дни волочась, сбираю и вам, питомником церковным, предлагаю: пускай, ядше, веселимся и живи будем. У богатова человека, царя Христа, из Евангелия ломоть хлеба выпрошу; у Павла апостола, у богатова гостя, из полатей его хлеба крому выпрошу; у Златоуста, у торговова человека, кусок словес его получю; у Давыда царя и у Исаи пророков, у посадцких людей, по четвертине хлеба выпросил. Набрав кошел, да и вам даю, жителям в дому бога моего. Ну, ешьте на здоровье, питайтеся, не мрите с голоду. Я опять побреду сбирать по окошкам, еще мне надают, добры до меня люди те, помогают моей нищете. А я и паки вам, бедненьким, поделюсь, сколько бог дает. Не подобает скрывати данного нам таланта, да же не осудимся, яко и оный, обертев во убрус сребро господина своего и

Риторика

Миниатюра из рукописи XVII века (Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде)

Диалектика

Миниатюра из рукописи XVII века
(Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде)

скрых в землю; за сие ввержен бысть во тьму кромешную, идеже плач и скрежет зубом, и зело прягут во огни негасимом. Не ленись того для, собака!

Ох, ох, горе мне! како и аз с ним не осужден буду за леность мою! Боюся, братие, онаго огня, и зело трепещет ми душа, яко горек есть и неугасаем есть...

Престаньте, молю вы господа ради, и покайтеся. Хощете ли—аз вам образ покаяния предложу из Евангелия, выпросил я у Христа целая коврига мягкова хлеба. Есть что кушать, милостию божиею. У него, света, нескудно: ту съедим, и другую подаст; не скуп и не завестлив владыка,—всех желает, всех спасения ищет: старых и младых, всякаго на всяк час собирает в небесное царство. Потщимся, не обленимся и мы причастницы быти со святыми.

...Помяните, чада, богатаго онаго, о нем же спас рече, како яко лев ревет за блудни своя, жгом негасимым огнем. Изо ада ко Аврааму рече: «отче Аврааме, помилуй мя! Посли Лазаря, да омочит конец перста своего в воде и ухладит язык мой, яко стражю во пламени сем». Видите ли, како смири его мука? Издалеча Авраама и Лазаря видит! А прежде, у врат лежаща, пред глазы, не видал! Недосуг больше

чесать кудрей стало! Так же здесь дурил, как и вы ныне дурите, забывше смерть. Кто молвит о добре, так и слушать не хотел,—заревет да закричит: «не указывай,—не тебе за меня отвечать! знай ты себя! не слушаю говори твоея! Как хощу, так живу!» А мазаное то лице защекочет, будто и всегда добрая жена: «бог судит!—напрасно оглашаешь! Я за тем не хожю, право, и не знаю тово!» Ох, бесчинница! Ворует, да и запирается! Беду на беду творит! А как бы: «согрешила, прости, впред престану!»—ино бы и бог простит, да и жила бы чинненько, плакався о первой той глупости. Ино диавол претит, а своя слабость престать не велит. Да еще огрызается, что сука, пред добрым человеком. Ох, горе мне,—не хощется говорить, да нужда влечет. Как вора не обличить, коли не кается! Я, окаянный, в Сибири зашел сам со огнем: в храмине прелюбодей на прелюбодеице лежит. Вскочили. И я говорю: «что се творите? не по правилом грех содеваете!» И оне сопротиво мне: «не осужай!» И аз паки им: «не осужаю, а не потакаю». Прелюбодей мил ся деет и кланяется мне, еже бы отпустил. А женщина та беду говорит: «напраслину-де ты на меня наводишь, протопоп, и затеваешь небылицу; брат-де он мне, и я-де с ним кое-што говорю». А сама портки подвязывает,—блудницы те там портки носят. И я говорю: «враг божий!—а то вещи обличают».

И она смеется. Так мне горько стало,—согрешает, да еще не кается! Свел их в приказ воеводы. Те к тому делу милостивы,—смехом делают: мужика, постегав маленько, и отпустил, а ея мне ж под начал и отдал, смеючись. Прислал. Я под пол ея спрятал. Дни с три во тьме сидела на холоду,—заревела: «государь, батюшко, Петрович! Согрешила пред богом и пред тобою! Виновата,—не буду так впредь делать! Прости меня, грешную!» Кричит ночью в правило, мешает говорить. Я-су перестал правило говорить, велел ея вынять и говорю ей: «хочешь ли вина и пива?» И она дрожит и говорит: «нет, государь, не до вина стало! Дай, пожалуй, кусочик хлебца». И я ей говорю: «разумей, чадо,—похотение то блудное пища и питие рождает в человеке, и ума недостаток, и к богу презорство и бесстрашие: наедшися и напився пьяна, скачешь, яко юница, быков желаешь и, яко кошка, котов ищешь, смерть забывше». Потом дал ей чотки в руки, велел класть пред богом поклоны. Кланялася, кланялася—да и упала. Я пономарю шелепом приказал. Где-петь детца? Чорт плотной на шею навязался! И плачю пред богом, а мучю. Помню, в правилех пишет: «прелюбодей и на Пасху без милости мучится». Началя много, да и отпустил. Она и паки за тот же промысл, сосуд сатанин!

Из «Слова на безобразника и отступника неосвященнаго»

...Ох, дети собаки, надсадили мою голову! Что-то я не Филипп апостол,—провел бы сквозь землю, яко и он архиерея, да пускай богохульник спит под землею!

Да что-су вы, добрые люди, говорите: батько-де сердито делает. У Николы тово и не мое смирение было, да не мог претерпеть: единако Ария, собаку, по зубам брязнул. Ревнив был миленькой покойник. Не мог претерпеть хулы на святую троицу. Собором стащили с него и чин весь: неправильне-де творишь, архиепископ. Да ему даром дали пестрыя те ризы Христос да богородица. И опять ево нарядили, а он себе никово не боясь. Проклят блядин сын

Арий да буди,—не называй тварию творца, сына божия—света. За што-то меня в те поры не было! Никола бы вора по щоке, а я бы по другой, блядина сына.

Надобе мне до Телятниковы бороды додратца. Да дай токо срок, коли-нибудь взыду и поставлю престол мой к северу, на горах высоких, и закричю к востоку прямо: милостив буди ми, господи! Телятник и никонияня жертву осквернишa, пророки твоя избиша, олтаря твоя раскопаша и ищут душу мою изъятию. Доколе не мстиши им, праведный владыко? Посли серп твой и жни, яко созреша грозды горькаго винограда, вложи их в точило стебленно и отомсти кровь сынов своих и дщерей. Воздаждь им, якоже и они твоим воздаша, по глаголющему пророку: «Яко чаша в руках твоих вина нерастворенна, исполнь растворения и уклони от сея в сию. Обаче дрождие твои неискидашеся, испиют вси грешнии земли. Аз же возрадуюся в век, пою богу Иаковлю и вся роги грешных сломлю, и вознеси рог праведнаго». Да затем лбом о землю, да Телятника взашей: ну, к чорту, первенец сатанин! Не подобает ти, мерзость запустения, сидети на месте святе. Поыди к чертям, своей братье: М. А. М., и оне вси в омуту том своем возятся, что черти. Ужли ты не пьян от хмелю? Терпи, борте! Где же стало детца?

Собака, безобразная та ересь, и в никониянях во многих лежит, такова же, что и в Федоре. Не смыслиша разумети! Предаст их бог в неискусен ум творити неподобная и лаяти на святая бесстрашно. Безобразники, жиды, единоличники...

Ох, блядин сын, собака косая, дурак, страдник! Коли не знаешь в книгах силы, и ты вопроси бабы поселянки: «заблудил-де от гордости, государыня матушка, на водах пустыни, и не знаю праваго пути к богу. А со отцем-де своим духовным дьявол спроситца претит ми, и от него-де за воровство свое учинился проклят. Помози-де, матушка, моему сиротству, исправь мою душу косую, и весь-де мой орган по души катится косо, с трудом великим, не путем еду. Скажи-де, государыня, о святей троице: троица-де что есть?» Так она тебе скажет и отвещает: троица есть неизреченнаго существа, треми имены, три лица, трисвятая, триприсносущая, трисодетельная, триедиенственная, трипрестольная. Едино существо во трех составех. И троица составми единственна: единству троица. Не ино ино, ни ино паче иного, ни инем ино, ни и ино во ином, ни от иного ино, но то же в себе и у себе собою, то же и единство и троицу, неразместно имущу совокупление и равенство неразлучно. Неотлучно единство есть по словеси существу, троица же речется, занеже едино трие и трое едино.

Федор, ну, лбом, блядин сын, поселянки той о землю. Таки-су и мне, грешному, диво: каково хорошо старуха та отвещала. Гордоус, алгмей, собака! Бог тебя навел на жену ту...

Еще ли имаши, Федор, ум мрачен и душу темну и сердце окамененно? Помышляю, яко не имеешь рассудительны силы, того ради и заблуждаешь на водах пустыни. По письменным тетрадкам и по никониянским блядивым книгам не уразумеешь правды о святей троице.

Припади, брате, к старине той гонимой всем сердцем и всею душею! Тут лежит живот наш, весь сокровен в бозе, а ты их лаешь, блядин сын, глаголя изумленныя глаголы: подобает-де и старыя книги править, не делом-де напечатано образы в троичнах: бог-де имать един образ, а не три равных, и лица нераздельны, и отнюдь нерасстояща, и нерассекомы; сын-де внутрь отца и дух тож-де собства своего и образа, подобна отцу, не имать.

Тако ты, Федор, написал во своих бляцких письмах, их же бог дал мне в руки, а ты их шишом хотел выслать, рабом божиим на смуту и на погибель. Да Христос-от не солгал, рекше: «Аз есмь пастырь добрый», и прочая. Небось, глядит и караулит воровство ваше, а нам, бедным, открывает по силе нашей. Дай токо срок, о Христе будут у меня и никонияня,

твои возлюбленные, в руках, такие же, что и ты, прелагатаи, блядины дети, всех вас развешаю по дубю.

Ну вас к чорту, ненадобны вы святей троицы, поганцы, ни к чему не годны...

Адам и Ева

Из рукописи Косьмы Индикоплова XVI века

Адам и Ева

Из рукописного сборника XVI века (Государственный Исторический музей в Москве)

Из статьи «Списание и собрание о божестве и о твари и како созда бог человека»

...Паки Бытию рцем: и «приведе господь ко Адаму звери, и скоти, и птицы небесныя, и поклонишася ему, видя ево во славне образе сияюща, Адам же нарече им всем имена». И поживе Адам в раю, по Филону, сто лет, а инии глаголют три годы, и инии—шесть часов, яко царь над всею тварию. Вся ему покорна, вся повинна, лютые звери пред ним трепетаху и бояхуся Адама, и сам бог беседоваше с Адамом. И позавиде диявол чести и славе Адамли, восхоте у бога украсти. Вниде во змию, лучшаго зверя, и оболга бога ко Адаму, рече: «завистлив бог, Адаме, не хощет вас быти таковых, яко же сам. Аще вкусите от древа, от него же вам

заповеда, будете яко бози». Адам же отказал, помня заповедь зиждителеву. Змия же, отклоняся от Адама, прииде ко Евве; ноги у нее были, и крылье было. Хорошой зверь была, красной, докаместь не своровала. И рече Евве те же глаголы, что и Адаму. Она же, послушав змии, приступи ко древу, взем грезнь и озоба его и Адаму даде, понеже древо красно видением и добро в снедь, смоковь красная, ягоды сладкие, слова междо собою льстивые: оне упиваются, а дьявол смеется в то время. Увы невоздержания, увы небрежения господни заповеди! Оттоле и доднесь творится так же лесть в слабоумных человеках. Потчивают друг друга зелием нерастворенным, сиречь зеленым вином процеженным и прочиими питии и сладкими брашны. А опосле и посмехают друг друга, упившагося до пьяна,—слово в слово, что в раю бывает при дьяволе и при Адаме.

Бытия паки: «и вкусиста Адам и Евва от древа, от него же бог заповеда, и обнажистася». О, миленькие! одеть стало некому; ввел дьявол в беду, а сам и в сторону. Лукавой хозяин накормил и напоил, да и с двора спехнул. Пьяной валяется на улице, ограблен, а никто не помилует. Увы безумия и тогдашнева и нынешнева!

Паки Библея: Адам же и Евва «сшиста себе листвие смоковничное от древа», от него же вкусиста, прикрыста срамоту свою и скрыстася,

под древо возлегоста. Проспалися, бедные, с похмелья, ано и самим себя сором: борода и ус в блевотине, а от гузна весь и до ног в говнех, со здоровных чаш голова кругом идет.

Паки Бытия: и ходящу богу в раи, глаголющу: «Адаме, Адаме, где бе?» Он же отвеща: «господи, гласа твоего слышу, а видети тя не могу». Господь же, наруга ему, рече: «се Адам, яко един от нас». И паки рече господь: «что се сотворил еси». Он же отвеща: «жена, еже ми сотворил еси». Просто молыть: на што-де мне дуру такую сделал. Сам неправ, да на бога же пеняет. И ныне похмельные, тоже шпыняя, говорят: «на што бог и сотворил хмель-ет, весь-де до нага пропился, и есть нечева, да меня ж де избили всево»; а иной говорит: «бог-де ево судит, упоил до пьяна»; правится, бедной, быдто от неволи так сделалось. А беспрестанно тово ищет и желает; на людей переводит, а сам где был? Что, Адам, на Евву переводишь? А сам от дьявола и прежде поущение слышал. Ино было, уразумев навет дьявольской, и жена укрепить к соблюдению заповеди. Так в те поры не так было: небрежем о заповеди зиждителеве: ешь, да пей, да веселися. А топеря: «жена, еже ми даде». Чем было рещи: согрешил, господи, прости мя. Ино стыдно так молыть, лукавая совесть не велит, коварством хощет грех загладить, да на людей переводит.

«Жена, еже ми даде». Господь же рече ко Евве: «Евва, что се сотворила еси?» Она же отвеща: «змия прельсти мя». Вот хорошо: каков муж, такова и жена; оба бражники, а у детей и давно добра нечева спрашивать, волочатся ни сыты, ни голодны.

Бытия: змия же отвеща: «дьявол научил мя». Бедные! все правы, и виноватова нет. А то и корень воровству сыскался. Чем еще поправитеся? Все за одно, с вором стакався, воровали: чем дело вершить? Да нечем переменить. Кнутом бить, да впредь не воруют...

ЧЕЛОБИТНЫЕ, ПИСЬМА И ПОСЛАНИЯ

Челобитные царю Алексею Михайловичу

Первая челобитная

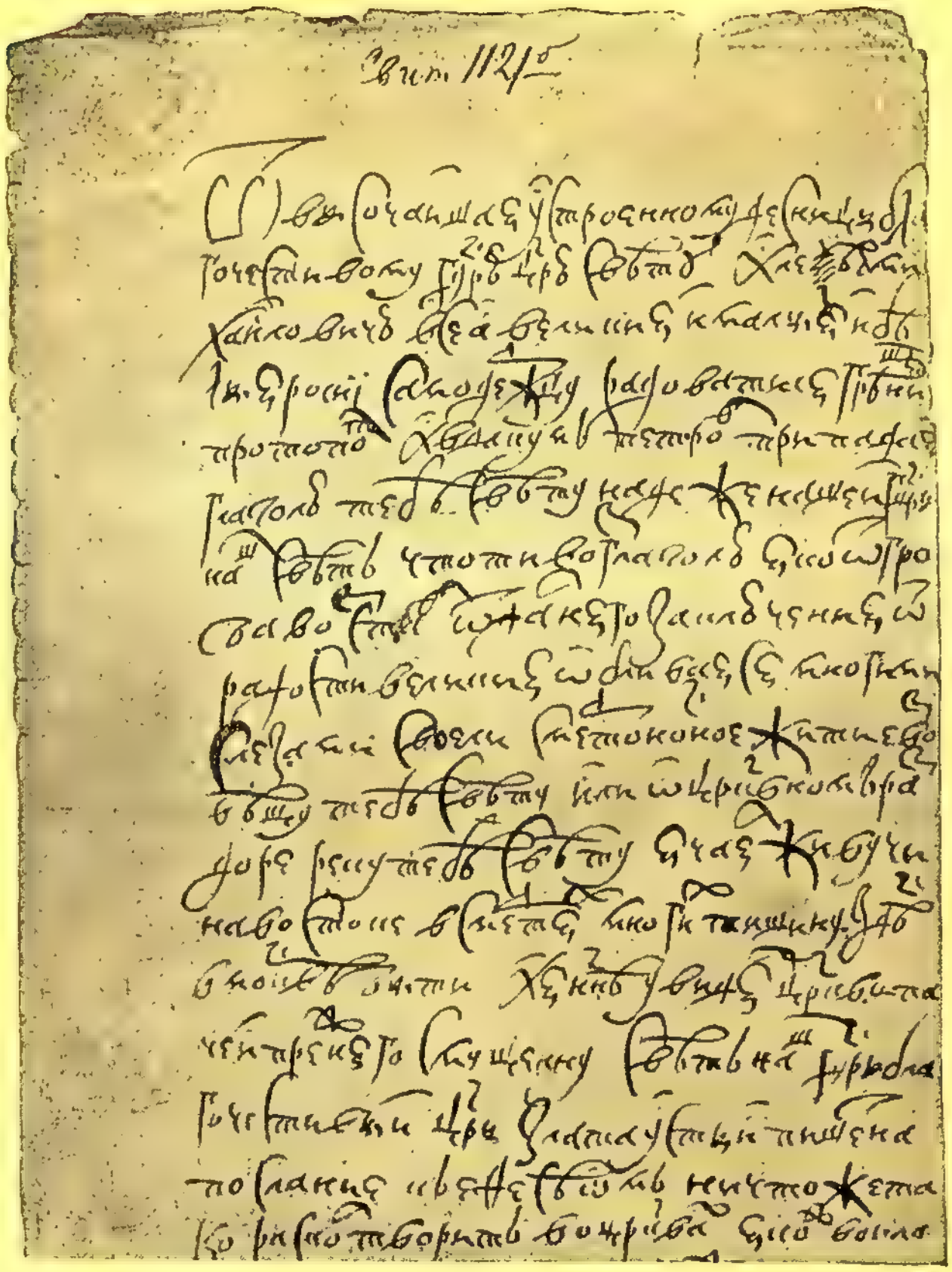
от высочайшая устроенному десницы, благочестивому государю, царю-свету Алексею Михайловичу, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцу, радоватися. Грешный протопоп Аввакум Петров, припадая, глаголю тебе, свету, надеже нашей. Государь наш свет! что ти возглаголю, яко от гроба восстав, от дальняго заключения, от радости великия обливаяся многими слезами,—свое ли смертоносное житие возвещу тебе, свету, или о церковном раздоре реку тебе, свету?

Я чаял, живучи на Востоке в смертях многих, тишину здесь в Москве быти; а я ныне увидял

церковь паче и прежняго смущенну. Свет наш государь, благочестивый царь! Златоустый пишет на послание к ефесеом: «ничтоже тако раскол творит во церквах, якож во властех любоначалие, и ничтож тако прогневает бога, якоже раздор церковной». Воистинно, государь, смущенна церковь.

Ныне летом, в Преображениев день, чюдо преславно и ужасу достойно в Тобольске показал бог: в соборной большой церкви служил литоргию ключарь тоя церкви Иван, Михаилов сын, с протодьяконом Мефодием, и егда возгласиша: «Двери, двери мудростию вонмем», тогда у священника со главы взяся воздýх и повергло на землю; и егда исповедание веры начали говорить, и в то время звезда на дискосе над агнцем на все четыре поставления преступала и до возглашения «Победныя песни»; и егда приспе время протодьякону к дискосу притыкати, приподнялася мало и стала на своем месте на дискосе просто. А служба у них в церкви по новым служебникам, по приказу архиепископлю. И мне, государь, мнится, яко и тварь рыдает, своего владыку видя бесчестна, яко неистинна глаголют духа святаго быти и Христа, сына божия, на небеси не царя быти во исповедании своея веры.

Да не одно, государь, то, но и моровое поветрие не мало нам знамение было от Никоновых затеек, и агарянской меч стоит десять лет бес-



Начало первой челобитной протопопа Аввакума
царю Алексею Михайловичу

(Столбец Государственного Исторического музея в Москве)

престани, отнележе разодрал он церковь. Добро было при протопопе Стефане, яко все быша тихо и немятежно ради его слез, и рыдания, и негордаго учения: понеже не губил Стефан никого до смерти, якоже Никон, ниже поощрял на убиение. Тебе, свету, самому житие ево вестно. Увы души моей бедной! Лучши бы мне в пустыни Даурской, со зверьми живучи, конец прияти, нежели ныне слышу во церквах Христâ моего глаголющи невоскресша.

Вем, яко скорбно тебе, государю, от докуки нашей. Государь-свет, православной царь! Не сладко и нам, егда ребра наша ломают и, развязав, нас кнутьем мучат и томят на морозе гладом. А все церкви ради божия стражем. Изволишь, государь, с долготерпением послушать, и я тебе, свету, о своих бедах и напастех возвещу немного.

Егда я был в попех в Нижегороцком уезде, ради церкви божия был удавлен и три часа лежал, яко бездушен, руки мои и ноги были избиты, и имение мое не в одну пору бысть в разграблении, и сие мне яко у м е т ы, д а Х р и с т а м о е г о п р и о б р я щ у.

И егда устроил мя бог протопопом в Юрьевце-Повольском, бит ослопием, и топтан злых человек ногами, и дран за власы руками: отнял меня Дионис Крюков еле жива. И о сем молихся, да простит им бог зде и в будущем веце.

А Никон меня, патриарх бывшей, на Москве по ногам бив, мучил недели с три по вся дни, от перваго часа до девятаго. И о сих всех благодарю бога.

Да он же, Никон, егда меня взял от всенощнаго с двора протопопа Иоанна Неронова, по его патриархову веленью, Борис Нелединской со стрельцами, ризы на мне изодрал и святое Евангелие, с налоя сбив, затоптали; и посадя на телегу с чепью, по улицам, ростяня мои руки, не в одну пору возили. И уж то, государь, так попустил бог им.

И потом во Андроньеве монастыре посадил под полату пустую в землю и три дни и три нощи на чепи держал без пищи. И о сих всех благодарю, государь, бога. Прости, государь,— тут мне пищу принесе ангел за молитв святаго отца протопопа Стефана. Не скучно ли тебе, государю-свету?

И сибирския беды хощу воспомянути, колико во одиннадцеть лет на хребте моем делаша язв беззаконнии за имя Христово. Не челобитьем тебе, государю, ниже похвалою глаголю, да не буду безумен, истину бо, по апостолу, реку. Яко ты наш государь, благочестивый царь, а мы твои богомольцы: некому нам возвещать, како строится во твоей державе.

Егда патриарх бывшей Никон послал меня в смертоносное место, в Дауры, тогда на пути

постигоша мя вся злая. По лицу грешному воевода бил своими руками, из главы волосы мои одрал, и по хребту моему бил чеканом, и семьдесят два удара кнутом по той же спине, и скована в тюрьме держал пят недель, тридцеть и седмь недель морозил на морозе, через день дая пищу, и два лета против воды заставил меня тянуть лямку. От водяного наводнения и от зноби осенния распух живот мой и ноги, и от пухоты расседалася на ногах моих кожа, и кровь течаше беспрестанно.

А инии твои, государевы-световы, казаки, тружающиися в водах, в то время многие помирали от тоя воеводския налоги и муки.

И как мы дошли до места, тамо нас и совершенное зло постигло: ел я с казаками не по естеству пищу, вербу, и сосну, и траву, и корение, и мертвыя мяса зверины, а по напраснству и по прилучаю и кобылие. И тово было ядения шесть лет. А казаки бедные всякую мертвечину, иные волки и лисицы, иные человеческую лайну. И от той нужды человек с пятьсот померло; а осталось немного—человек ныне с сорок. А иных он, воевода Афонасей Пашков, пережег огнем и перебил кнутьем до смерти, якоже и меня мучил. А что, государь, у меня было из Енисейска везено с собою в запас хлебца на предыдущая лета, и тот хлеб он, Афонасей, у меня отнял после кнутнова биения

и продавал мне на платьишко мое и на книги свою рожь немолотую дорогою ценою, по два рубли пуд вещей и больши. И я из первых лет ел рожь немолотую вареную, покамест чево было. А он, Афонасей, и до съезду жил в покое, потому, государь, что завезено у него всего было много казачьими трудами.

У меня же, грешника, в той нужде умерли два сына,—не могли претерпеть тоя гладныя нужды; а прочих, государь, детей моих снабдевала от смерти жена ево, Афонасьева, и другая—сноха ево—втайне: егда от нас кто начнет с голоду умирати, тогда присылали нужную пищу. Понеже жены милостивы быша, яко древняя серафтяныни.

И не то, государь-свет, надежда наша, едино; но в десеть лет много тово было: беды в реках и в мори, и потопление ми многое было. Первое с челедию своею гладен, потом без обуви и без одежи, яко во иное время берестами вместо одеяния одевался и по горам великим каменным бос ходяще, нужную пищу собираху от травы и корения, яко дивии звери; иногда младенцы мои о острое камение ноги свои до крови розбиваху и сердце мое зле уязвляху, рыдающе горькими слезами; а во иное время сам и подружие мое шесть недель шли по голому льду, убивающеся о лед, волокли на волоченыках малых детей своих, в пустых Даурских местех мерзли все на морозе.

И о сих всех, государь-свет, благодарим бога, яко первые мы в тех странах с женою моею и детьми учинились от патриарха в такой пагубной, паче же хорошей, ссылке. Упоил нас чашею вина нерастворенна. Да не поставит ему бог в грех здесь и в будущем веце!

Не прогневайся, государь-свет, на меня, что много глаголю: не тогда мне говорить, как издохну! А близ исход души моей, чаю: понеже время належит. То не отеческой у патриарха вымысл, но древняго отступника Иулияна и египтенина Феофила, патриарха Александрова града, и прочих еретик и убииц, яко християн погубляти. Мне мнится, и дух пытливой таков же Никон имать, яко и Феофил: понеже всех устрашает. Многие ево боятся, а протопоп Аввакум, уповая на бога, ево не боится. Твоя, государева-светова, воля, аще и паки попустишь ему меня озлобить: за помощию божиею готов и дух свой предать. Аще не ныне, умрем же всяко и житию должная послужим; смерть мужу покой есть; смерть греху опона.

А душа моя прияти ево новых законов беззаконных не хощет. И во откровении ми от бога бысть се, яко мерзок он пред богом, Никон. Аще и льстит тебе, государю-свету, яко Арий древнему Констянтину, но погубил твои в Руси все государевы люди душею и телом, и хотящии ево законы новыя прияти на страшнем суде

будут слыть никонияне, яко древнии ариане. Христа он, Никон, не исповедует в плоть пришедша; Христа не исповедует ныне царя быти и воскресение ево, яко июдеи, скрывает; он же глаголет неистинна духа святаго, и сложение креста в перстех разрушает, и истинное метание в поклонех отсекает, и многих ересей люди божия и твоя наполнил; инде напечатано: «духу лукавому молимся». Ох, души моей и горе! Говорить много не смею, тебя бы, света, не опечалить; а время отложить служебники новые и все ево, Никоновы, затейки дурные! Воистинно, государь, заблудил во всем, яко Фармос древней. Потщися, государь, исторгнути злое и пагубное учение, дондеже конечная пагуба на нас не прииде и огнь с небесе или мор древний и прочая злая нас не постигло. А егда сие злое корение исторгнем, тогда нам будет вся благая: и кротко и тихо все царство твое будет, яко и прежде Никонова патриаршества было; и агарянской меч бог уставит и сподобит нас получити вечная благая.

О патриархе престану, государь, тебе, свету, извещати, но молю тебя, государя, о воеводе, которой был с нами в Даурах, Афонасей Пашков,—спаси ево душу, якож ты, государь, веси. А время ему и пострищись, да же впред не губит, на воеводствах живучи, християнства. Ей, государь, не помнит бога: или поп, наш брат,

или инок—всех равно губит и мучит, огнем жжет и погубляет. Токмо, государь, за мою досаду не вели ему мстити. И паки тебе, государю, припадая, глаголю, слезы от очию моею испущая: не вели ему мстити! Не должни суть чада родителем имения снискати, но собирают родители чадом. Аще и стропотное, но мое он чадо, Афонасей Пашков, и чадо мое и брат мне по благодати: едина купель всех нас породила, едина мати всем нам церковь, един покров—небо, едино светило—солнце. Аще и досаждают, но любовию их нам примати.

Помилуй, государь, царь православной, не оскорби бедную мою душу: не вели, государь, ему, Афонасью, мстити своим праведным гневом царским, но взыщи ево, яко Христос заблудшее овча, Адама. Твое бо, света, миловати и спасати всегда, и ныне, и присно, и до кончины.

Свет-государь! Пред человеки не могу тебе ничтож проговорити, но желаю наедине светлоносное лице твое зрети и священнолепных уст твоих глагол некий слышать мне на пользу, как мне жити.

Третья челобитная

Христолюбивому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцу, бьет челом богомолец твой, в Даурех мученной протопоп, Аввакум Петров.

Прогневал, грешной, благоутробие твое от болезни сердца неудержанием моим; а иное тебе, свету-государю, и солгали на меня, им же да не вменит господь во грех.

Помилуй мя, равноапостольный государь-царь, робятишек ради моих умилосердися ко мне!

С великою нуждею доволокся до Колмогор; а в Пустозерской острог до Христова Рождества не возможно стало ехать, потому что путь

нужной, на оленех ездят. И смущаюся, грешник, чтоб робятишка на пути не примерли с нужи.

Милосердый государь, царь и великий князь Алексей Михайловичь, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец! Пожалуй меня, богомольца своего, хотя зде, на Колмогорах, изволь мне быть, или как твоя государева воля, потому что безответен пред царским твоим величеством.

Свет-государь, православной царь! Умилися к странству моему, помилуй изнемогшаго в напастех и всячески уже сокрушенна: болезнь бо чад моих на всяк час слез душу мою исполняет. И в Даурской стране у меня два сына от нужд умерли. Царь-государь, смилуйся.

Четвертая челобитная

Государь-царь, державный свет, протопоп Аввакум не стужаю ти много, но токмо глаголю ти—радоватися и здравствовати о Христе хощу, и благоволит душа моя, да благословит тя господь, и света мою государыню-царицу, и детишек ваших, и всех твоих да благословит их дух и душа моя во веки.

Помню твой приказ с Дементьем: приказывал памятовати о себе,—нет, государь, не забуду. Якож зрит господь сердце мое, не притворяя, говорю: аще получю дерзновение и в будущем веце, и там о тебе хощу припасти ко всех владыце, не токма зде, в темнице. Протопоп Аввакум не помнит тово ничево, благодатиею божиею, что над ним делается. Одново желаю—

пред богом стати вам непостыдным. Да и много столько мне, грешному,—забыти ваше благородие! Один ты у нас царь на сем свете. Да и надеюся, яко силен бог спасти нас с вами. Ну, государь, моли ж ся и за мя, грешнаго, и в чем перед тобой погрешил, прости мя; а тебя тако ж да простит господь бог и да помянет любовь твою ко мне, нищему, во царствии своем, егда приидет воздати комуждо по делом его.

Да и заплутаев тех бог простит, кои меня проклинали и стригли: рабу господню не подобает сваритися, но кроткку быти ко всем. Не оне меня томят и мучат, но диявол наветом своим строил; а оне тово не знают и сами, что творят. Да уж, государь, пускай быти тому так! Положь то дело за игрушку! Мне то не досадно. Посем паки благословит тя третицею господь и дух мой здесь и в будущем веце.

Прости ж, государь, уже рыдаю и сотерзаюся страхом и недоумением содержим есмь; помышляю моя деяния и будущаго судища ужас. Брат наш, синбирской протопоп Никифор, сего суетнаго света отыде; посем та же чаша и меня ждет. Ох, увы мне, окаянному, и горе! Како отвещаю бессмертному судии, царю всех и богу? Токмо надеюся на его праведныя щедроты, понеж любящим его вся поспешествуют во бла-

гое. Подобает, государь, и во всем нам помышляти смерть, ад, небо и отца нашего, протопопа Стефана, учение помнить. Паки тя, государь, благословляю и, опрятне став, поклоняюся тебе, самодержавному, честне.

А корму твоего, государь, дают нам в вес— муки по одному пуду на месяц; да о том слава богу. Хорошо бы, государь, и побольши для нищие братии за ваше спасение.

Изволь, самодержавне, с Москвы отпустить двух сынов моих к матери их на Мезень, да, тут живучи вместе, за ваше спасение бога молят; и не умори их с голоду, господи ради. А обо мне, якож богу и тебе годе: достоин я, окаянный, грехов ради своих, темнице пустозерской. Умилися, святая душа, о жене моей и о детех.

Вторая половина пятой челобитной

...Прости, Михайлович-свет, либо потом умру, да же бы тебе ведомо было, да никак не лгу, ниж притворяяся говорю: в темнице мне, яко во гробу, сидящу, что надобна? Разве смерть? Ей, тако.

Некогда мне молящюся о тебе с горькими слезами от вечера и до полунощи и зело стужающу божеству, да же бы тебе исцелитися душею своею и живу быти пред ним, а от труда своего аз, многогрешный, падох на лицы своем, плакахся и рыдая горько, и от туги великия забыхся, лежа на земли, и видех тя пред собою или ангела твоего умиленна стояща, подпершися под лице правою рукою. Аз же возрадовахся, начах тя лобызати и обымати со умиленными

глаголы. И увидех на брюхе твоем язву зело велику, исполненна гноя многа, и, убояхся, вострепетах душею, положих тя взнак на войлок свой, на нем же молитвы и поклоны творю, и начах язву на брюхе твоем, слезами моими покропляя, руками сводити, и бысть брюхо твое цело и здорово, яко николи же боле. Душа ж моя возрадовалася о господе и о здравии твоем зело.

И паки поворотив тя вверх спиною твоею, видех спину твою сгнившу паче брюха, и язва больши первыя явихся. Мне ж, тако же плакавшуся, руками сводящу язву твою спинную, и мало-мало посошлася и не вся исцеле.

И очютихся от видения того, не исцелих тя всего здрава до конца. Нет, государь, большо покинуть мне плакать о тебе, вижу, не исцелеть. Ну, прости ж, господа ради, дондеж увидимся с тобою.

Якож присылал ко мне Юрия Лутохина и рекл он Юрье усты твоими мне на Угреше: «рассудит де, протопоп, мене с тобою праведный судия Христос». И я на том же положил: буди тако по воли твоей. Коли тебе, государь, тако годе, ино и мне так любо: ты царствуй многа лета, а я мучюся многа лета, и пойдем вместе в домы своя вечныя, еда бог изволит. Ну, государь, да хотя меня и собакам приказал выкинуть, да еще благословляю тя благосло-

вением последним, а потом прости, уж тово чаю только.

Царь-государь Алексей Михайлович, любим бо еси мне, исповемся тебе всем сердцем моим и повем ти вся чюдеса господня. Ей, не лгу— буди мне с сею ложью стати на страшнем суде с тобою пред лицем господним. Того ради хощу тебе сказать, яко мнит ми ся, не коснит господь о кончине моей, и помышляет ми ся, будет скоро отложение телеси моему, яко утомил мя еси зело, еще ж мне и самому о жизни сей нерадящу. Послушай, державне, побеседаю ти, яко лицем к лицу.

Нынешня 177 году, в великий пост, на первой неделе, по обычаю моему, хлеба не ядох в понедельник, також и во вторник, и в среду не ядох, еще ж и в четверг не ядше пребых; в пяток же прежде часов начах келейное правило, псалмы Давыдовы пети, прииде на мя озноба зело люта, и на печи зубы моя разбило с дрожи. Мне же, и лежа на печи, умом моим глаголящу псалмы, понеж от бога дана Псалтырь и наизусть глаголати мне—прости, царю, за невежество мое,—от дрожи тоя нападе на мя мыт; и толико изнемог, яко отчаявшу ми ся и жизни сея, уже всех дней не ядшу ми дней с десять и больши. И лежащу ми на одре моем и зазирающу себе, яко в таковыя великия дни правила не имею, но токмо по чоткам молитвы считаю, и божиим

благоволением в нощи вторыя недели, против пятка, распространился язык мой и бысть велик зело, потом и зубы быша велики, а се и руки быша и ноги велики, потом и весь широк и пространен под небесем по всей земли распространился, а потом бог вместил в меня небо, и землю, и всю тварь. Мне же, молитвы беспрестанно творящу и лествицу перебирающу в то время, и бысть того времени на полчаса и больши, и потом восставши ми от одра легко и поклонившуся до земля господеви, и после сего присещения господня начах хлеб ясти во славу богу.

Видишь ли, самодержавне? Ты владеешь на свободе одною русскою землею, а мне сын божий покорил за темничное сидение и небо и землю; ты, от здешняго своего царства в вечный свой дом пошедше, только возьмешь гроб и саван, аз же, присуждением вашим, не сподоблюся савана и гроба, но наги кости мои псами и птицами небесными растерзаны будут и по земле влачимы; так добро и любезно мне не земле лежати и светом одеянну и небом прикрыту быти; небо мое, земля моя, свет мой и вся тварь—бог мне дал, якож выше того рекох. Да не первому мне показано сице; чти, державный, книгу Палею: егда ангел великий Альтез древле восхитил Авраама выспрь, сиречь на высоту к небу, и показа ему от века сотворен-

Портрет Алексея Михайловича

Из Титулярника 1672 г.

Портрет Никона

Из Титулярника 1672 г.

ная вся, богу тако извольшу. А ныне, чаешь, изнемог бог? Несть, несть, той же бог всегда и ныне, и присно, и во веки веком. Аминь.

Хвалити ми ся не подобает, токмо о немощах моих, да вселится в мя сила Христова—не только тово божия присещения. Егда мне темныя твоя власти волосы и бороду остригли и, проклявше, за твоим караулом на Угреше в темнице держали,—о, горе мне, не хочется говорить, да нужда влечет,—тогда нападе на мя печаль, и зело отяготихся от кручины и размышлях в себе, что се бысть, яко древле и еретиков так не ругали, якоже меня ныне: волосы и бороду остригли, и прокляли, и в темнице затворили никонияня, пуще отца своего Никона надо мною, бедным, сотворили. И о том стужах божеству, да явит ми, не туне ли мое бедное страдание. И в полунощи во всенощное чтущу ми наизусть святое Евангелие утреннее, над ледником на соломке стоя, в одной рубашке и без пояса, в день Вознесения господня, бысть в дусе весь, и ста близ меня по праву руку ангел мой хранитель, улыскаяся, и приклоняяся ко мне, и мил ся мне дея; мне же чтущу святое Евангелие не скоро и ко ангелу радость имущу, а се потом изо облака госпожа богородица яви ми ся, потом и Христос с силами многими и рече ми: «не бойся, аз есм с тобою». Мне же к тому прочетше к концу святое Евангелие и рекшу:

«слава тебе, господи», и падшу на земли, лежащу на мног час, и, егда отъиде слава господня, восстах и начах утреннюю кончати. Бысть же ми радость неизреченна, ея же невозможно исповедати ныне. За любовь тебе господню, Михайлович, сказано сие, понеже хощу умереть. Молю тя именем господним, не поведай врагом моим, никониянам, тайны сея, да не поругают Христа Исуса, сына божия и бога: глупы ведь оне, дураки, блюют и на самого бога нечестивые глаголы; горе им, бедным, будет.

Посем, государь, мир ти и паки благословение, аще снабдиши, о нем же молю твою царскую душу; аще ли же ни, буди воля твоя, яко ж хощеши. Не хотелось было мне в тебе некрепкодушия тово—ведь то всячески всяко будем вместе; не ныне, ино тамо увидимся, бог изволит.

Челобитная царю Федору Алексеевичу

Благаго и преблагаго и всеблагаго бога нашего благодатному устроению, блаженному и треблаженному и всеблаженному государю нашему, свету-светику, русскому царю и великому князю Федору Алексеевичу, не смею нарещися богомолец твой, но яко некий изверг, и непричастен ногам твоим, издалеча вопию, яко мытарь: «милостив буди, господи!», подстилаю главу и весь орган тела моего со гласом: «милостив буди мне, господи!», яко Серафинисса, жена еллинска, к сыну божию: ибо и псы ядят от крупиц, падающих на землю от трапезы господей своих. Ей, пес есмь аз; но желаю крупицы твоея милости. Помилуй мя, страннаго, устраньшагося грехми бога и человек, помилуй мя, Алексеевич,

дитятко красное, церковное! Тобою хощет весь мир просветитися, о тебе люди божии расточенныя радуются, яко бог нам дал державу крепкую и незыблему. Отради ми, свет мой, отради ми, отрасль царская, отради ми и не погуби меня со беззаконными моими, ниже, в век враждовав, соблюдеши зол моих. Зане ты еси царь мой, и аз раб твой; ты помазан елеом радости, а аз обложен узами железными; ты, государь, царствуешь, а аз во юдоли плачевной плачуся.

Увы мне! Кого мя роди мати! Проклят день, в онь же родихся, и нощь она будитьма, еже изведе из чрева матери моея! Помилуй меня, сыне Давыдов, помилуй мя, услыши моление мое, внуши молитву мою не во устнах льстивых! Глаголю ти: разрежь чрево мое и посмотри сердце мое, яко с трепетом молю и мил ся делаю, припадаю,—приклони ухо твое и внуши глаголы моя, из болезненны души, царю, послушав. От лют мя избави: один бо еси ты нашему спасению повинен. Аще не ты по господе бозе, кто нам поможет? Столпи поколебашася наветом сатаны, патриархи изнемогоша, святители падоша, и все священство еле живо—бог весть!—если не умроша. Увы, погибе благоговейный от земли, и несть исправляющаго в человецех!

Спаси, спаси, спаси их, господи, ими ж веси судьбами! Излей на них вино или масло, да в разум приидут!

А что, государь-царь, как бы ты мне дал волю, я бы их, что Илия пророк, всех перепластал во един день. Не осквернил бы рук своих, но и освятил, чаю. Да воевода бы мне крепкой, умной—князь Юрий Алексеевич Долгорукой! Перво бы Никона того, собаку, рассекли бы начетверо, а потом бы никониян тех. Князь Юрий Алексеевич! не согрешим, не бойся, но и венцы небесные примем! Помнишь, ты мне жаловал-говорил: «если-де что, протопоп Аввакум, на соборе том говорить, и я тебе сопротив безответно реку». Государь, видно, так ты, да инде и слава богу. А после и не так у них стало.

Бог судит между мной и царем Алексеем: в муках он сидит,—слышал я от спаса: то ему за свою правду. Иноземцы те что знают? Что велено им, то и творят. Своего царя Константина, потеряв безверием, предали турку, да и моего Алексея в безумии поддержали, костельники и шиши антихристовы, прелагатаи, богоборцы!

Князь Юрий Алексеевич! здрав буди, и благословение мое на главе твоей. Помнишь, и дважды благословил тя; да и ныне так же. Прости и моли о мне бога, да не разлучит нас во царствии своем в день века. Мои вы все, князи и бояре;

отступником до вас нет дела. Говорите Иоакиму тому патриарху—престал бы от римских законов: дурно затеяли, право! Простой человек Яким-ат: тайные те шиши, кои приехали из Рима, те его надувают аспидовым ядом. Прости, батюшка Якимушка! Спаси бог за квас, егда напоил мя жаждуща, егда аз с кобелями теми грызся, яко гончая собака с борзыми, с Павлом и Ларионом.

Чюдо! Чюдо! заслепил диявол: отеческое откиня, им же отцы наши, уставом, до небес достигоша, да странное богоборство возлюбиша, извратишася. Не я своим умыслом, скверной, затеваю: ни, никакож; но время открывает, яко чаша в руце господни вина нерастворенна исполнь растворения, и уклони от сию в сия, обаче и дрождие его не искидашася. Псалмопевец глагола: «и дрождей не кинет даром, но испиют е грешнии земли». Рече господь: «имеяй уши слышати, да слышит».

Прости, прости, прости, державне. Пад, поклоняюся. Прости, господа ради, в чем согрубил тебе, свету. Благословение тебе от всемогущия десницы и от меня, грешнаго Аввакума протопопа. Аминь.

Письма к боярыне Ф. П. Морозовой

I

Прежде сих грамоток за четыре месеца понудил мя дух святый—сыну нашему восхотел написать благословение к брачному совокуплению: в нощи сжалися дух мой о нем и возгореся душа моя, да благословен будет к женитьбе. И стрельцу у бердыша и топорище велел ящичек сделать, и заклеил своима бедныма рукама то посланейце в бердыш, и дал с себя ему шубу и денег близко полтины, и поклонился ему низко, да отнесет богом храним до рук сына моего, света; а ящичек стрельцу делал старец Епифаний; а посланейце я никому не показал, писал ево и без твоего прошения: у меня он благословен будет богом.

Да пишешь ты ко мне в сих грамотах на Федора, сына моего духовнаго, чтоб мне ему запретить от святых тайн по твоему велению, и ты, будто патриарх, указываешь мне, как вас, детей духовных, управлять ко царству небесному. Ох, увы, горе! бедная, бедная моя духовная власть! Уж мне баба указывает, как мне пасти Христово стадо! Сама вся в грязи, а иных очищает; сама слепа, а зрячим путь указывает! Образумься! Ведь ты не ведаешь, что клусишь! Я ведь знаю, что меж вами с Феодором сделалось. Писал тебе преж сего в грамотке—пора прощатца; петь худо будет; та язва будет на тебе, которую ты Феодору смышляешь. Никак не по человеку стану судить. Хотя мне тысячу литр злата давай, не обольстишь, не блюдись, яко и Епифания. Евдоксия, дочь ты мне духовная,—не идешь у меня ни на небо, ни в бездну. Тяжело тебе от меня будет. Да уж приходит к тому. Чем было плакать, что нас не слушала, делала по своему хотению—и привел боло диавол на совершенное падение. Да еще надежа моя, упование мое, пресвятая богородица заступила от диавольскаго осквернения и не дала диаволу осквернить душу мою бедную, но союз той злый расторгла и разлучила вас, окаянных, к богу и человеком поганую вашу любовь разорвала, да в совершенное осквернение не впадаете. Глупая, безумная, безобразная, выколи

глазища те свои челноком, что и Мастридия; оно лутче со единым оком внити в живот, нежели, двои оце имуще, ввержену быть в геену. Да не носи себе треухов тех; сделай шапку, чтоб и рожу ту закрыла, а то беда на меня твои треухи те.

Ну, дружи со мной, не сердитуй же! Правду тебе говорю. Кто ково любит, тот о том печется и о нем промышляет пред богом и человеки. А вы мне все больны—и ты и Федор. Не кручинься на Марковну: она ничево сего не знает; простая баба, право.

2

Господь грядет грешники мучити, праведники же спасти. Плачемся и воздыхаем и приимем чювство онаго дне, в онь же безвестная и тайная открывый человеком отдаст по достоянию. Страшен судия приидет: и кто против станет его? Не обленимся потрудитися в нынешнем веце, предварим и восплачемся прежде суда онаго, егда небеса погибнут, и звезды спадут, и вся земля поколеблется, да милостива обрящем тогда бога нашего.

Свет моя, государыня! Люблю я правило нощное и старое пение. А буде обленишься на нощное правило, тот день окаянной плоти и есть не давай. Не игрушка душа, что плотским покоем

ея подавлять! Да переставай ты и медок попивать. Нам иногда случается и воды в честь, да живем же. Али ты нас тем лутчи, что боярыня? Да единако нам бог распростре небо, еще же луна и солнце всем сияет равно, такожде земля, и воды, и вся прозябающая по повелению владычню служит тебе не больши и мне не меньши. А честь прелетает. Един честен—тот, кто ночью востает на молитву да медок перестанет, в квас примешивая, пить. Еще ли, государыня, браниться?

Мне мнится, обленилася ты на ночную молитву: того ради тебе так говорю с веселием. Евангелие воспоминаю: «егда поносят вам и изженут вы, возрадуйтеся в той день и взыграйте: се бо мзда ваша многа на небесех». Аще и радостию тебе глаголю, не радуйся о глаголех сих. Дние наши не радости, но плача суть. Воспомяни,—егда ты родилася, не взыграла, но заплакала, от утробы исшед матерни. И всякой младенец тако творит, прознаменуя плачевное сие житие: яко дние плача суть, а не праздника, якоже мне, грешнику, на земли и праздника несть, развее святым и праведным, кои веселятся законы божиими и заповедьми его соблюдающе. Тако и ты, государыня, плачи суетнаго жития своего и грехов своих, понеже призвал тя бог в домовое строение и рассуждение; но и возвеселися, егда, в нощи востав, совершиши

300 поклонов и седмьсот молитв веселием и радости духовныя. И меня, грешнаго, помяни тут, надежда моя, к богу, и жену мою, и дети мои.

Еще же реку ти: егда молишися, вниди в клеть свою, затвори двери своя, сиречь все помыслы злыя отринь и единому богу гори душою, воздохни со восклицанием и рцы: Господи! согрешила, окаянная, прости! несть достойна нарещися дщерь твоя, сотвори мя, яко едину от наемниц твоих! Еще же глаголю: аще и все добродетели сотворишь, рцы души своей: «ничтоже благо сотворих, ниже начав добро творити». Нощию воставай,—не людем себя приказуй будить, но сама воспряни от сна без лености и припади и поклонися сотворшему тя. А в вечеру меру помни сидеть. Поклоны: еда метание на колену твориши, тогда главу свою впрямь держи; егда же великий прилучится, тогда главою до земли. А нощию триста метаний на колену твори. Еда совершиши сто молитв стоя, тогда: «Слава» и «Ныне», «Аллилуия», и тут три поклоны великия бывают. Також и на «Достойне» всегда поклон великий. На святую Пасху и во всю Пятьдесятницу и нощию в пояс. И промеж Рожества и Крещения в пояс. И во всякую субботу, и неделю, и в праздники в пояс; разве в Великую субботу, против Великаго дни, то метание на колену.

Блюдися ты, государыня, лестьцов чернцов, и попов, и черниц, еже бы не развратили душу твою, и всех злых человек уклоняйся, а с добрыми беседуй. Не презирай живова мертвеца.

Письмо к боярыне Ф. П. Морозовой, княгине Е. П. Урусовой и М. Г. Даниловой

Книга иноке Феодоре, а по-мирски боярыне, с сестрами

Херувимом подобящеся, отроцы в пещи ликовствоваху, вопиюще: благословен еси, боже, яко истинною и судом навел еси сый вся грех ради наших, препетый и превозносимый во веки вся.

Молитвами святых отец наших, господи Исусе Христе, сыне божий, помилуй нас. Аминь.

Херувимы многоочитыя, серафими шестокрыльни, воеводы огнепальныя, воинство небесных сил, тричисленная единица трисостав-

наго божества, раби вернии: Феодора в Евдокеи, Евдокея в Феодоре и Мария в Феодоре и Евдокеи! Чюдной состав по образу святыя троицы, яко вселенстии учителие—Василий, Григорий и Иоанн Златоустый! Феодора—огненный ум Афанасия Александрийскаго, православия насаждь учения, злославия терние иссекла еси, умножила семя веры одождением духа, преподобная по троицы поборница великая. Княгиня Евдокея Прокопьевна, свет трисиянный, вселивыйся в душу твою, сосуд избран показа тя, преблаженная, светло проповеда троицу пресущную и безначальную. Лоза преподобия и стебль страдания, цвет священия и плод богоданен, верным присно цветущая даровася, но яко мучеником сликовна, Мария Герасимовна, со страждущими с тобою взываше: ты еси, Христе, мучеником светлое радование.

Старец, раб вашего преподобия, поклоняюся главою грешною за посещение, яко простросте беседу довольную и напоили мя водою животекущею. Зело, зело углубили кладезь учения своего о господе, а ужа моя кратка досягнути,—немощно, присенно и прикровенно во ином месте течения воды.

Принуждаете мя молитися, чтобы дал бог терпение и любовь и покорение, беззлобие и воздержание, безгневие, и терпение, и послушание. И я о сем в души своей колеблюся: нет

ли в вас между собою ропоту?—боюся и трепещу навета дияволя. Евдокея Прокопьевна! худо, свет моя, неблагодарение. Мария Герасимовна! чево у вас не бывало прежде сего, ныне ли чести искать или о нужной пищи ропотить? В мимошедшее времена и рабичища слаще тово ели у вас, чем вы ныне питаетеся; а в пустошном сем только ропот и бессоветие.

Увы мне, грешному! Ей, слезам достойно есть: у меня здесь диявол от десных ссору положил,—в догматах считалися, да и разбилися. Молодой щенок, Федор дьякон, сын духовной мне, учал блудить над старыми книгами и о святей троице преткнулся и о Христове во ад сошествии и о иных, догматствуя по-никониянски, нелепотно. В книге моей написано и послано к вам о господе. Аз же, не утерпев безумию его, и слышати не мог хулы на господа бога моего, отрезал его от себя и положил под клятвою, не ради внешних досад,—ни, никакоже,—но ради бесстудства его на бога и хулы на старых книг. Буди он проклят, враг божий!

А у вас, светы мои, какое догматство между собою? Женской быт одно говори: как в старопечатных книгах напечатано, так я держю и верую, с тем и умираю. Да молитву Исусову грызи, да и все тут. А о пищи и питии и о чести века сего что роптать? Бросили вы сие: плюньте уже на все! Наудачю ведь говорю. Аль и нет

у вас тово, милостию Христа бога моего и заступлением пречистыя владычицы нашея богородицы, помощницы нашея, света?

А ты, друг мой головной, пожалуй, господа ради, на себе притирай. Ты уже мертвец, отреклася всего; а оне еще, горемыки, имут сердца своя к супружеству и ко птенцам. Мочно нам знать, яко скорбь их томит. Я и мужик, а всяко живет. У меня в домишку девка рабичища робенка родила. Иныя говорят: Прокопей, сын мой, привалял; а Прокопей божится и запирается. В летах детина, недивно и ему привалять! Да сие мне скорбно, яко покаяния не могу получить. В ыную пору совесть рассвирепеет, хощу анафеме предать и молить владыку, да послет беса и умучит его, яко древле в Коринфах соблудившаго с мачехою; и паки посужу, как бы самому в напасть не впасть: аще только не он, так горе мне будет тогда: мученика казни предам!

Увы, Феодора Прокопьевна, мати моя! Утеснися душа моя отвсюду грех ради моих. Молися, молися, крепко молися, господа ради, о мне! А я уже и не знаю, как живу в горести ума моего; не помню иное в печалех, как день, как нощь преходят у меня. Ох, ох, ох души отовсюду утеснившейся моей! Евдокея да Марья оханье прислали ко мне, а у меня и своего много! Глядел, глядел в ваше рукописание то: огор-

Церковные обряды XVII века

(Фреска церкви Иоанна Предтечи в Ярославле)

чилася утроба, я ударился о землю: «владыко! соблюди,—реку,—их во имя твое, и меня, грешнаго, за молитв их спаси! Кому помощи, аще не ты?» А ты говоришь иную суторщину: взойду ль де я тебе на ум-от когда? большо-де ты меня забыл! Я тебя избранил в те поры,—прости бога ради! Вот, реку, она во сне брусит, и слушать нечево! Разве, реку, сама забываешь меня! А что петь о Иване то больно сокрушаешься? Главы, главы не сохранил! Полно-су плюскать то, Христа для! Главы не сохранил! Как порассудить то дело твое, ино ужас возьмет. Как-то надежа-свет Христос изволил! То бы по-твоему добро, как бы на лошадях тех без тебя ездить стал, да баб тех воровать?—Привели бы оне на вся, ругаяся тебе,—и Христа бы отрекся, как и оне ж! А то другое дело—по-новому робенка причастили! Великая беда, куды! Он и не знает, ни ведает в печалех в то время, что над ним кудисили, блядины оне дети, и со всем умыслом своим; у спаса-света правда будет на суде. Только бы он ево, надежа-свет, не возлюбил, и он бы ево в такую нужную пору не взял к себе. Я благодарю бога о нем,—причастил я ево, помню: довлеет ему сие во веки веком! Не истлела в нем благодать. Я на твое плюсканье не гляжу. Тебе бы таки всяк исповедник! Ох, матка божия,—не по Федосьину хотению делается! Плачь-ко ты о себе больши,

а о нем слава Христу и без твоих возгрей! А што? Горе уж от безумия твоего стало мне! Есть о нем плачющих тех. Иной и один воздохнет, ино адом потрясет; хотя бы и впрямь осужден был: ино выпустят. А то за что ево осудить? В муках скончался робя. Григорий о Трояне, о мучители, помолился, ино отдали. Сказал же ему Христос: «опять-де не моли мне о таковых, не стужай», а однако таки отдал милостивый бог. А Иван не мучитель был, сам, покойник, мучился и света не видал вся дни жития своего. Да собаки опоганили при смерти, так у матушки и брюхо заболело: охти мне, сына опоганили! во ад угодил! Не угодил, не суетися! Для тебя так попущено, чтоб ты не вознеслась. Блюдися себевозношения, инока-схимница! Дорога ты, что в черницы те попала, грязь худая? А хто ты,—не Феодосья ли девица преподобномученица? Еще не дошла до тое версты! Ну, полно браниться. Прости,—согрешил. Не кручинься о Иване, так и бранить не стану.

На тебя глядя, и Евдокея кручинится о своих робятах. Да мòлоть ли правда? Евдокеи-то миленькой тяжко: то-су и есть мужеское и девическое дело, чтобы в грехи не ввалились без приятеля. А батюшко по-за воротами охочь!—знаю я ево. Да что ж делать, Прокопьевна миленькая? Положим упование на Христа и пре-

чистую богородицу-света. Она детей наших не покинет. Евдокея Прокопьевна! Авось бы ты умерла: ведь бы им жить же без тебя? Ну, да станем Христу докучать: он управит их к себе, создатель наш.

Марья Герасимовна! Не пререкуйте же вы пред старицею тою с Евдокиею: она ведь ангельский чин содержит, а вы простые бабы,— грех вам пред нею перековать. Да, чаю то, у вас и нет тово о Христе; надеюся на господа, яко даст вам бог терпение, и долгодушство, и кротость, и повиновение, и любовь. А что ты о Акинфье печалуешься? Вели ему постриться, да и ты постригися, да прямою дорогою ко Христу побредете неоглядкою! А затем как вас Христос наставит. Мир ему и благословение, свету моему Ивановичю, и всем благословение любящим вас.

Евдокея Прокопьевна! Чаю, уж великоньки детушки те у тебя, светы мои? Да что ж делать? Небольно кручинься о них! Бог о всяком человеке промышляет.

Ну, простите же, светы мои, сердечныя друзья,—простите, государыни мои, простите же бога для! Господи Исусе Христе, сыне божий, помилуй нас.

Мати честная и преподобная Феодора! Прости мя, грешнаго, елика согреших словом и делом и помышлением,—прости же, оскорбил тебя,—

прости, государыня моя! Ну, прости же, старица! Тово для не кручинься о Иване: еще и не так стану бранить, будет не перестанешь сетовать. А она сама кручинится!

А Меланью ту твою ведь я знаю, что она доброй человек; да пускай не развешивает ушей: стадо то Христово крепко пасет, как побраню. Ведь я не сердит на нея,—чаю, знаешь ты меня. Оне мне и малины прислали, радеют миленькие: а мне петь-су своих как покинуть! Надобе друг друга журить, как бы лутчи. Я браню ея, а она благословения просит. Видишь ли?—совесть та в ней хороша какова! Полно уж мне ея искушать. Попроси у ней мне благословения: прощается-де пред тобою протопоп! Да вели ей ко мне отписать рукою своею что-нибудь. Ну, прости же и ты меня и молися бога для о мне. Я ведь надеюся на молитвы те ваши.

Посем мир вам и благословение и по поклонцу рядом всем. И Устине старице с побратимом мир и благословение. Терпите, светы мои, о Христе.

Многогрешный инок Епифаний, милости у Христа бога прося, а ваши святыя молитвы в помощь себе призывая, благословение вам Христово приписал. Не забывайте нас, светы, новые исповедницы, во святых своих молитвах.

Письмо к боярыне Ф. П. Морозовой и княгине Е. П. Урусовой

Увы, измолче гортань мой и исчезосте очи мои! Благоволи, господи, избавити мя. Господи, помощи ми потщися. Скоро да предварят ны щедроты твоя, господи, яко обнищахом зело. Помози нам, боже, спасителю наш.

Свет моя! Еще ли ты дышишь? Друг мой сердечной! Еще ли дышишь, или сожгли, или удавили тебя?

Не вем и не слышу; не ведаю—жива, не ведаю—скончали!

Чадо церковное, чадо мое драгое, Феодосия Прокопьевна!

Провещай мне, старцу грешну, един глагол: жива ли ты?

Увы, Феодосия! увы, Евдокея! Два супруга нераспряженная, две ластовицы сладкоглаголивыя, две маслины и два свещника, пред богом на земли стояще! Воистину подобни есте Еноху и Илии. Женскую немощь отложьше, мужескую мудрость восприявше, диявола победиша и мучителей посрамиша, вопиюще и глаголяще: «приидите телеса наша мечи ссеците и огнем сожгите, мы бо радуяся идем к жениху своему Христу».

О, светила великия, солнца и луна русския земли, Феодосия и Евдокея, и чада ваша, яко звезды сияющия пред господем богом! О, две зари, освещающия весь мир на поднебесней! Воистину красота есте церкви и сияние присносущныя славы господни по благодати! Вы забрала церковная и стражи дома господня, возбраняете волком вход во святая. Вы два пастыря,—пасете овчее стадо Христово на пажитех духовных, ограждающе всех молитвами своими от волков губящих. Вы руководство заблудшим в райския двери и вшедшим древа животнаго наслаждение! Вы похвала мучеником и радость праведным и святителем веселие! Вы ангелом собеседницы и всем святым сопричастницы и преподобным украшение! Вы и моей дряхлости жезл, и подпора, и крепость, и утверждение! И что много говорю?—всем вся бысте ко исправлению и утверждению во Христа Исуса.

Как вас нареку? Вертоград едемский именую и Ноев славный ковчег, спасший мир от потопления! Древле говаривал и ныне то же говорю: киот священия, скрижали завета, жезл Ааронов прозябший, два херувима одушевленная! Не ведаю, как назвать! Язык мой короток, не досяжет вашея доброты и красоты; ум мой не обымет подвига вашего и страдания. Подумаю, да лише руками возмахну! Как так, государыни, изволили с такия высокия степени ступить и в бесчестие вринутися? Воистину подобни сыну божию: от небес ступил, в нищету нашу облечеся и волею пострадал. Тому ж и здесь прилично о вас мне рассудить.

Недивно, яко 20 лет и единое лето мучат мя: на се бо зван есмь, да отрясу бремя греховное; и се человек нищий, непородной и неразумной, от человек беззаступной, одеяния и злата и сребра не имею, священническа рода, протопоп чином, скорбей и печалей преисполнен пред господем богом. Но чюдно и пречюдно о вашей честности! Помыслить род ваш,—Борис Иванович Морозов сему царю был дядька, и пестун, и кормилец, болел об нем и скорбел паче души своей, день и нощь покоя не имуще: он сопротив тово племянника ево родного, Ивана Глебовича Морозова, опалою и гневом смерти напрасной предал,—твоего сына и моего света.

Увы, чадо драгое! Увы, мой свете, утроба

наша возлюбленная,—твой сын плотской, а мой духовной! Яко трава посечена бысть, яко лоза виноградная с плодом, к земле приклонился и отыде в вечная блаженства со ангелы ликовствовати и с лики праведных предстоит святей троицы. Уже к тому не печется о суетной многострастной плоти, и тебе уже некоево чотками стегать и не на ково поглядеть, как на лошадки поедет, и по головки некоево погладить,—помнишь ли, как бывало? Миленькой мой государь! В последнее увиделся с ним, егда причастил ево. Да пускай, богу надобно так! И ты небольно о нем кручинься: хорошо, право, Христос изволил. Явно разумеем, яко царствию небесному достоин. Хотя бы и всех нас побрал, гораздо бы изрядно! С Феодором там себе у Христа ликовствуют,—сподобил их бог! А мы еще невемы, как до берега доберемся.

Поминаешь ли Феодора? не сердитуешь ли на него? Поминай-су бога для,—не сердитуй! Он не больно пред вами виноват был,—обо всем мне пред смертию, покойник, писал: стала-де ты скупа быть, не стала милостыни творить и им-де на дорогу ничево не дала, и с Москвы от твоей изгони съехал и кое-што сказывал. Да уж бог вас простит! Нечево старова поминать: меня не слушала, как я говорил; а после пеняешь мне. Да што на тебя и дивить! У бабы волосы долги, а ум короток.

Ну, прости ж меня, а тебя бог простит во всем. Мучтеся за Христа хорошенько, не оглядывайтеся назад.

Спаси бог!—денег ты жене моей и кое-што послала. Да мужик ничево не отдал, ни полушки: перед ним! Пускай ево! Не до денег нам ныне. У тебя и больши нашева заводов было, да отняли же. Да добро так! Благодарите же бога, миленькие светы мои,—не тужите о безделицах века сего.

Ну, и тово полно,—побоярила: надобе попасть в небесное боярство.

Мир вам, Евдокее и Феодоре, и всем благословение. Заплатите же сему за труды принесшему.

Многогрешный инок Епифаний, пустынник честныя обители Соловецкия, в темнице, яко во гробе, седя, бога моля, благословения приписал. О, свети мои, новые исповедницы Христовы! Потерпим мало, да великая восприимем.

Письма к семье

1

Ивану с матерью, и с женою, и с дочерью, и Прокопью с братом, и с сестрами, и с домашними, и Феодору с Лукою, всем без разбору—благословение; Марковну бог простит.

Пришли с Машигиным ваши все посылки. Я Огрофене холстинку послал, да неведомо: до нея дошла, неведомо—нет; уж-то ей, бедной, некому о том грамотки написать? уж-то она бранится з братиею? А я сетую: не весть—дошла, не ведомо—нет. А о рубашках,—я с Тимофеем писал,—про холстинку и про него, что он сплутал, нам посылку с Москвы не привез. И он уж-то то и отодрал? Три рубахи пришлите. Да и рубахи надобно: часто наг хожу. Да и

башмачков нет, какие бы нибудь. Да и ферезишков нет. Да и деньженец нет. Грамотки, Иван, бояроне в столпчик запечатай да пошли.

Послал ныне богоявленской воды боченку, а летом—августовы; а нынешнюю и первую сам святил. О мире преж сего писал я вам. Феодор, что об одном деле двожды говорить? В первые, реку, лета быша православнии епископи, аще и при Никоне священо.

И Маремьяне попадье я грамотку с Иваном Архиповым послал—велю жить с попом; что она плутает? Апостол глаголет: «святит бо ся муж неверен о жене верней». Многонько там писано, а ныне с Стефаном...[1] послал с сестрою, неколи много писать, надобе боло итить.

В Соловки те Феодор хотя бы подъехал; письма те спрятав, в монастырь вошел как мочно тайно бы, письма те дал, и буде нельзя, ино бы и опять назад совсем. И как весною приедете, тогда и Орину привезите; а у вас бы жила смирно, не плутала; а буде станет плутать, и вы ее смиряйте.

Хто тебя научил указывать тово мне, чтоб я Феодосье той запретил? Плутаешь иное и ты много. Ведаю ведь я и твое высокое житье, как, у нея живучи, кутил ты! Горе, бешь, те мне с вами стало.

[1] *В рукописи здесь одно или два слова стерлись.*

2

Возлюблении, молю вы, яко странники и пришельцы, отгребатися от плотских похотей, яже воюют на душю нашю.

Воистину, по пророку, вся суета суете, и все суетие. О нужных заповедано промышлять, но излишняя отсекать. Аще о внешнем всегда будем пещися, а о души когда будем промышлять? Тогда, егда умрем? Мертвый не делает; мертвому тайны не открываются. Когда от века слышать, еже бы мертвый что доброе сотворил? Токмо видим воню от гроба злосмрадну исходящу и червьми тело растлеваемо, понявою повиваемо и землею покрываемо. Увы, красный уныл и ясен померк! Где благолепие лица? Где светлейши очи? Где юность и зрак наш? Все исше, яко цвет, яко трава подсечена бысть! Воистину вся увяди смерть. Уже к тому не печется о суетной многострастной плоти. Где ныне род и друзи? Се бо разлучаемся. Воистину суета человеческая.

Ну, Марковна, али не так говорю? Ей, так. Чего для печешься о излишних и о плотских скорбишь? Глаголете ми: не знаем-де как до конца доживать! Имеюще пищу и одежду, сим довольни будем, а о прочих возложим на бога. Али бог забыл нас? Ни, ни.

«Аще и забудет мати не помиловати рожения своего, но аз не забуду», рече господь. «Не пять ли птиц ценятся единому пенязю: и ни едина от них падет без воли отца моего. Вас же и власы главныя изочтены суть. Не убойтися убо, мнозех птиц лутше есте вы». Имеши ли речению сему веры? Поверь,—неложно. Рече господь: «небо и земля мимо идут, а словеса моя не имут прейти». Разве неверен и невежда не имет сему веры. Аз верую богу моему, ему же и служу всею совестию от чиста сердца, яко будет так и есть, еже рече господь. А егда обнажихся во имя его пресвятое и от труда повалился в темнице, молитву говорю лежа, псалом: «Внуши, боже, молитву мою и не презри моления моего», и прочая. Егда доидох речи: «умякнуша словеса их паче елея, и та суть стрелы», примрачило ум мой о том месте. И речено ми надо мною от образа: «возверзи на господа печаль свою, и той тя препитает, не даст в век молвы праведнику». И вскочил и поклонихся господеви. А сам говорю: «Ты же, боже, низведеши их в студенец истления», и прочая. Потому и рубашку с себя скинул и поверг неимущим. Наг оттоле и доныне,—уже три года будет,—да бог питает мя, и согревает, и вся благая подает ми изобильно. Слава о всех сих творцу и содетелю всех Христу и богу и богородице-свету со бесплотными и со всеми святыми!

И ты, Марковна, положися всею крепостию душевною на Христа и богоматерь: она, надежда наша, не оставит нас погружатися в неверствии и бури. Вем до конца, яко попреизлиха о нас печется она и промышляет, все упование наше, и покрывает нас кровом крылу своею и от враг ограждает же. Надолго ли бы мы жили, аще бы не она защищала? Ведайте, каково диявол на нас огненно дышит со угодники своими,— в Даурах и повсюду,—живых проглатити ищет! Да бог не выдаст,—уповаю нань крепко. Помните,—зверь даурский всяко роспопу беднова, еже есть меня, протопопа, умышлял погубить: а не явно ли божия милость? На Москве в руки мне бог его выдал,—растеняся, лежит предо мною, что мертвой! Помнишь, жена, как он мне говорит: «ты волен и со мною что хощешь, то и сотворишь!» А я постриг его и посхимил по воле божия и по докуки своей к нему, свету. Помнишь ли, в Даурах казаком на поезде говорил, и в Енисейске Ржевскому, и везде по городам: мне, реку, Пашкова постричь надобно! Да бог мне тово и дал. А то вы не ведаете, как о том докучал богу.

А нынешнюю зиму потерпите только маленько: силен бог,—уже собак тех, перепутав огненным ужем, отдаст нам в руки. Тогда умей спасать их. А что им попущено от нас умерщвлять, и то добро так. По господню речению сбывается:

«и умертвят от вас, и будете ненавидимы всеми имени моего ради и власть главы вашея не погибнет. В терпении вашем стяжите душа ваша». Ну, да полно тово.

Спаси бог, Афанасьюшко Аввакумович, голубчик мой!—утешил ты меня. Сказывал воевода здешней, похваляя тебе: были-де у него вы и он-де спросил тебя: «как-де ты, Афанасей, персты слагаешь?» И ты-де показал ему, воеводе: «вот-де я слагаю». А он-де тебе молвил: «уже-де, где отец и мати, там же будешь!» И ты-де супротив рек: «силен-де бог, не боюся!»

Воистину, господь силен: не боюся никого! Упование нам на него—владыку. Яко лев рычи, живучи, обличая их многообразную прелесть.

А учителя твоего, Григорья, что не слышать? Жив ли он, бедниньком? А девок тех, свет, учи—Марию да Окулину; а сам у братей учися. Не гнушайся их, что оне некогда смалодушничали, на висилицу Христа ради не пошли: уж то моего ради согрешения попущено изнеможение. Что же делать? И Петр апостол некогда так сделал, слез ради прощен бысть. А он так же богу кающихся прощает и припадающих к нему приемлет. Разговаривай братии: не сетуйте-де о падении своем выше меры,—простит вас. Да и батюшко-де по воле божии вас прощает и разрешает, дает прощение в сий век и в будущий. Впредь не падайте, стойте;

задняя забывающе, на предняя простирающеся, живите. Един бог без греха и без извpат; а человечество немощно, падает, яко глина, и встает, яко ангел. Се тому не работает греху, но присносущному богу Христу, сыну божию, свету, со отцем и со святым духом, ныне, и присно, и во веки веком.

Бог простит всех смалодушствующих и паки возвращайся на первое достояние! Аминь, аминь!

Письма к Симеону

I

Чадо Симеоне! На горе я родился. В Тобольске граде прииде ко мне в дом искуситель, чернец пьяной, и кричит: «учителю, учителю, дай мне скоро царство небесное!» Часу в пятом или в шестом нощи аз с домочадцы кануны говорю; кричит чернец неотступно. Подумаю: беда моя, что сотворю? Покинул правило говорить, взял ево в ызбу и рекох ему: чесо просиши? Он же отвещав: хощу царства небеснаго, скоро скоро! Аз же глаголю ему: «можеши ли пити чашу, ея же ти поднесу?» Он же рече: «могу!—давай в сий час, не закосня». Аз же приказал пономарю стул посреде избы поставить и топор мясной

на стул положить—вершить черньца хощу. Еще же канатной толстой шелеп приказал сделать. Взявши книгу, отходную стал ему говорить и со всеми прощаться. Он же задумался. Таже на стул велел ему главу возложити и шелепом пономарь на шее. Он же закричал: «государь, виноват,—пощади, помилуй!» И пиянство отскочило. Ослабили ему. Пал предо мною. Аз же дал ему чотки в руки, полтораста поклонов пред богом за епитимию велел класть. Поставил его пономарь в одной свитке,—мантию и клобук снял и на гвоздь повесил. Я, став предо образ господень, вслух Исусову молитву говоря, на колени поклоняюся; а он последуя, стоя за мною также на колени; а пономарь шелепом по спине. Да уже насилу дышать стал: так ево упочивал пономарь-ет! Вижю я, яко довлеет благодати господни: в сени ево отпустили отдохнуть, и дверь не затворили. Бросился он из сеней, да и чрез забор, да и бегом. Пономарь кричит вослед: «отче, отче! мантию и клобук возьми!» Он же отвеща: «горите вы и со всем! Не до манатьи». С месяц времяни минув, пришел в день ко окошку: молитву искусно творит, и чинно. А я чту книгу Библею. «Пойди,—реку,—Библею слушать в ызбу». И он: «не смею-де, государь, и глядеть на тебя,—прости, согрешил!» Я простил ево со Христом и велел манатью отдать. Потом издали мне в землю кланяется.

И архимарита и братию стал почитать; и воеводы мне ж бьют челом. А до тово никто с ним не смел говорить.

Отраднее, чадо, Лоту в Содоме и Гоморе житие бысть, нежели мне в волокитах тех. Беспрестанно душевное плавание и неусыпныя наветы и беды, яко со зверьми, по человеку, со искусители брахся. Вне убо страх, а внутри такожде боязнь. И во церковь иду, а тово и гляжу, как нападут. А в церкве стою, паки внутренняя беда: бесчинства в ней не могу претерпеть. Беспрестанно ратуюся с попами пьяными, и с крылошаны, и с прихожаны. Малая чадь, робята, в церкви играют, и те душу мою возмущают. Иное хошу и промолчать, ино невозможное дело,—горит во утробе моей, яко пламя палит. И плачу, и ратуюся. А егда в литоргею нищия по церкви бродят и не могу их унять, и я им кланяюся и денег посулю, велю на одном месте стоять, а после обедни и заплачю. А которые бродят и мятежат людьми, не послушают совета моего, с теми ратуюся, понеже совесть нудит, претерпеть не могу. Еще же и Златоустом реченное вспоминаю души моей. Есть писано в Беседах апостольских, во нравоучении, вселенныя учитель рече: «аще бы-де варвар или скиф, в церковь вшед, начат во алтаре престол разорять и тряпезу опроверг, наругав святая святых, еже есть святый сокромент

долу опроверг (тело Христово), не вси ли бы прилучившиися тут руце свои возложили на него, и уязвльше, яко бешенаго пса, далече отгнавше, восплакали и возрыдали погибели его». Зде же не тряпезу разоряют, ниже святая опровергают, но самый дух святый оскорбляют и досаждают богу, паче, нежели оный разоритель тряпезы. Вошед в церковь, ов смеется, ин празднословит и плищь счиняет во время соборнаго моления, и ин же, разгордевся, устав церковный пременяет; а ин иная непотребства; стоящии же в церкве яко изумлени и немы, и глуси и слепи, слышавше не слышат и видевши не разумеют, ни болезнуют о разрушении церковнаго устава; вси бегуны, вси потаковники, вси своя си ищут, а не яже суть божия. Аз же глаголю и повелеваю на мятежника церковнаго всем верным руки возложити и далече от церкви отгнати паче онаго варвара; и дондеже в покаяние придет, ни на праг церковный не попущу таковому вступити. Церковь бо есть небо, церковь духу святому жилище; херувимом владыка возлежит на престоле; господь серафимом почивает на дискосе. Егда восступил еси на праг церковный, помышляй, яко на небо взыде равно со ангелы послужити богу, богу живому истинному, богу животворящему мертвыя и разрешающему от греховныя смерти к вечной нестареющейся жизни, ея же да улучим вси о Христе Исусе.

Слышал ли еси, чадо Симеоне, Златоустово учение и поболение о церкви? Непоследок же и душу свою предаде по церкве святый, яко храбрый и непобедимый воин царя небеснаго, света. Читал ли ты, чадо Симеоне, житие то ево твердо и внятно? Честнаго отца сын, воеводы именем Секунда, матери Анфисы. Бе единочаден. От юности возлюбив бога и работая Христу всем сердцем и всею душею, Мелетием в чтецы поставлен, а Флавиян в той же Антохии совершил во освященство, напоследок же с честию царь Аркадий и Евдоксия царица в Царь-град взяша на престол патреаршеский, и пять лет святый церковь правил. Ядый хлеб токмо ячменный и родостаму, еже есть вареную воду, пияше. Возрастом мал бе, главу имея велику. Языком златословесен, милости источник, кипящая во устех его благодать духа святаго, яко река, изливашеся повсюду, на гордыя высок, к кающимся милостив, заблуждшия обращая, непокоривыя обличая и потязая, гладныя питая, обидимыя заступая, всем вся бых, да вся приобрете. Егда же исполнися время и прииде кончина, рыкнул Иркан к царице: «возьми да понеси, собирай собор на извержение Иваново! Надоело житие святое,—понуждает на всякое благочестие; а в царских надобно прокладно: пить, есть, поиграть в дудки, сиповщики с трубками, детей потешить, самим повеселиться!

Иван мешает!» Слово в слово изначала у нас бысть так же. При духовнике протопопе Стефане Алексеюшко то с Марьюшкою добры до нас были и гораздо, яко Аркадий и Евдоксия ко Иоанну. Егда же огорчило житие святое, яко и мед ядущим много: возьми да понеси, рассылай в сылки, стриги, проклинай, новый Феофил, александриский епископ, имея дух пытливый, Никон! Златоуста в Куксы арменския, потом в Каманы—Аввакума протопопа в Сибирь, в Тоболеск, потом в Дауры! Прочих же отец и братий наших бесчисленно губи и души, возьми таковых от земли; неподобает им жити! И оттоле двадесяте три лета и пол-лета и месяц по се время беспрестани жгут и вешают исповедников Христовых. Оне, миленькие, ради пресветлыя, и честныя, и вседетельныя, пренеисчетныя и страшныя троица несытно пуще в глаза лезут, слово в слово яко комары или мушицы. Елико их больши подавляют, тогда больши пищат и в глаза лезут; так же и русаки бедные, пускай глупы, рады мучителя дождались,—полками во огнь дерзают за Христа сына божия, света. Мудры блядины дети греки, да с варваром турским с одново блюда патриархи кушают рафленыя курки. Русачки же миленькия не так,—во огнь лезет, а благоверия не предает! В Казани никонияня тридесять человек сожгли, в Сибире столько же, в Володимере шестеро,

в Боровске четыренадесять человек; а в Нижнем преславно бысть: овых еретики пожигают, а инии, распальшеся любовию и плакав о благоверии, не дождався еретического осуждения, сами во огнь дерзнувше, да цело и непорочно соблюдут правоверие, и сожегши своя телеса, душа же в руце божия предаше, ликовствуют со Христом во веки веком, самовольны мученички, Христовы рабы. Вечная им память во веки веком! Добро дело содеяли, чадо Симеоне,— надобно так. Рассуждали мы между собое, и блажим кончину их. Аминь.

2

Чадо богоприимче! Разумееши ли кончину арапа онаго, иже по вселенной и всея русския державы летал, яко жюк мотыльный из говна прилетел и паки в кал залетел, Паисей, александрейский епископ? Распял-де ево Измаил на кресте, еже есть турской! Я помыслил: ано достойно и праведно! Помнишь, во Апокалепсисе пишет: «аще кто в пленение ведет, в пленение да идет, и аще кто мечем убиет, подобает ему оружием убиену быти». Распяли оне Христа в русской земле, мздою исполнь десницы своя: правильне варвар над ними творит. Яко Теверий древле Пилата и Каияфу, первых распинателей,

а нынешних других—Салтан Мегметович. Подай, господи! Подай, господи! Не смейся, враг, новый жидовин, распенше Христа! Еще надеюся Тита втораго Иусписияновича на весь Новый Иерусалим, идеже течет Истра река, и с пригородком, в нем же Неглинна течет. Чаю, подвигнет бог того же турка на отмщение кровей мученических. Пускай любодеицу ту потрясет, хмел-ет выгонит из блядки! Пияна кровьми святых на красном звере ездит, рассвирепев, имущи чашу злату в руце своей, полну мерзости и скверн любодеяния ея,—сиречь из трех перстов подносит хотящим пряннова пьянова пития и без ума всех творит, испивших из кукиша десныя руки. Ей, бога свидетеля сему поставляю,—всяк, крестивыйся тремя персты, изумлен бывает, аще некогда и пятию персты начнет знаменоватися. А без покаяния чистаго не может на первое достояние прийти: тяжела-су просыпка та пившему чашу сию, триперстную блядь! А к тому еще малакса на чело поп наложит, так и вовсе спи, не просняся и до суднаго дни! Малаксу тово знаешь ли ты, Симеон? А то каракуля та! Беда-су миру бедному от сего пития! И нехотящих поят, силою на лоб воротит поп, выблядков сын. А человечество немощно и ползко, по писанию: «семя тли во всяком лежит». И нехотя иной омрачится и уступит спа-

сения своего, подклонит главу свою к печати сей, ов страха ради, а ин зазрения. Как не принять! Царица в золотой чаше подносит! Сиречь патриарх или митрополит уставит каракулю ту, да еще и царь тут же глядит или воевода на городе присматривают! Беда миру бедному пришла: не пить чаша—в огонь посадят и кости пережгут, а пить чаша скверная сия—в негасимый огнь ввержену быть и в век нескончаемый в плачь. Ну, как же христианам нам быть? Приклони-тко ухо то ко мне и услыши глаголы моя,—право, не солгу. Чево себе ищу, тово ж желаю и тебе. Аще не хошещь в стень сию итти господа ради своего, а в существо пойдешь же. Сиречь: стень—огнь сей онаго огня, иже хощет поясти сопротивныя: сей огнь плоти снедает, души же не коснется; оный же обоя язвит в неистление. Писано есть: восшумит же удоль плачевная страшным скрежетанием, вся видящии согрешившия вечнующим мукам судом праведным божиим отпущаемы. А прежде возгласят трубы, и истощатся гробы, и воскреснет человеческое трепеща естество все: иже добрая содеявше, в радости радуются, согрешившии же трепещут, плачуще и люте восклицающе, в муку посылаеми и от избранных разлучаеми во тьму кромешную, во огнь вечный, в пропасть глубокую, в черви лютыя, в скрежет зубовный и неусыпный, в болезни беспрестанныя. Страшно

бо судище, брате мой, на нем же вся обнаженни станем. Несть помощника тогда и несть предстателя, ни отец сыну, ни сын отцу, ни мати дщери, ни друг другу, несть помогающаго, койждо от дел прославится или осудится. Сотвори же, брате, дело сие о Христе и не пей пития тово и из чаши той скверныя вышереченныя! Воистинно будет добро и впредь слюбится. А хотя и бить станут или жечь, ино и слава господу богу о сем! Достоин бо есть делатель мзды своея. На се бо изыдохом из чрева матери своея. На что лутче сего? С мученики в чин, со апостолы в полк, со святители в лик, победный венец, сообщник Христу, святей троице престолу предстоя со ангелы и архангелы и со всеми бесплотными, с предивными роды вчинен! А во огне том здесь небольшее время потерпеть,—аки оком мгнуть, так душа и выступит! Разве тебе не разумно? Боишися пещи той? Дерзай, плюнь на нея, небось! До пещи той страх-от; а егда в нея вошел, тогда и забыл вся. Егда же загорится, а ты и увидишь Христа и ангельския силы с ним, емлют души те от телес, да и приносят ко Христу, а он, надежа, благословляет и силу ей подает божественную, не уже к тому бывает тяжка, но яко восперенна, туды же со ангелы летает, равно яко птичыка попархивает,—рада, из темницы той вылетела! Вот пела до того, плачюще: Изведи из

темницы душу мою, исповедатися имяни твоему. Мене ждут праведницы дондже воздаси мне. Ну, а то выплакала! Темница горит в пещи; а душа, яко бисер и яко злато чисто, взимается со ангелы выспрь в славу богу и отцу. Сын божий и святый дух возносят ю в высоту. А темницу никонияне бердышами секут во огне. Да уже не слышит, не чует ничево: персть бо есть, яко камень горит или земля. Аще и не горит, ино таков ж до восстаннаго дни, нечювственна и несмысленна персть. Аще святых телеса и нетленна суть, не силою естественною содержими бывают, но благодатию духа святаго укрепляемы не истлевают, и действует благодать духа святаго в бездушном телеси. Еще живу ему сущу, вселися в него бог ради веры и добродетелей его, и по смерти телеси его не оставляет бог. Душа же праведных в руце божии, амо же он весть, во всеобъятии его, якоже и Христос, распятся на кресте, душу свою в руце отцу предаде, плоть же его три дни во гробе лежа, не истле без души. Понеже бог слово в ней бесстрастно пребысть, им же Христова содержима плоть. Егда посла бог отец душу к телеси, паки душею оживе, и пожерто бысть мертвенное животом. Сниде во ад, плени адова сокровища. Таже явися учеником, потом взыде на небеса и седе одесную отца, к тому уже не умрет,

смерть нань к тому не обладает. Тако и о святых телесех разумей: до восстаннаго дни лежат благодатию содержими. В день же последний душами подымутся, и грешничи мертвенна телеса ожитворятся тем же духом святым. Во трубах глас божий будет. Егда первая труба вострубит, тогда отверзутся гробы. Егда же вторая труба вострубит, тогда потечет кость к кости, состав к составу своему. Так-то созидати дух святый прах телес наших будет. Таже вострубит третия труба, крепко, громко неизреченно, и слышавше души повеление господне, потекут каяждо к своему телеси и подымут своя телеса страшно и дивно. Беседует Златоуст: тогда дивно и преславно позорище будет: тамо зрим прах земной на высоту возметающь, онамо так же человецы восставают, река же огненная потечет, огнь искусный коегождо дела искусит, и погнани будут вои небесными, и егоже дело пребудет, спасется и просветится, а егоже дело сгорит, отщетится, сам же спасется, тако же, яко же огнем. И Павел апостол так же пишет. Сиречь: каков почернел в огне том,—грехи те в нем и о нем горят,—таков уж и стал темнообразен, валяется на земли, нет силы крохи. Вот дурак, сластей тех ради земных что над собою сделал! Пропал, погиб, некому пособить! А уж-жо еще тебе же будет указ. Сей же огнь искусит небо, и землю, и всю тварь, солнце,

и луну, и звезды: будут небо ново и земля нова, бела, яко хартия, и моря не будет к тому. Ядовит бо сей огнь, понеже потечет от престола господня и пояст соблазны вся. Таже праведныцы просветятся и взяты будут на облацех по воздуху на встретение господне. Златоустый пишет: тогда бо плоть святых легка будет, яко восперенна; носитися по воздуху начнет, яко птичья; полетим, братия, тогда надежу своего встречать с великою радостию и веселием и с ним воцаримся во веки веком. А никонияня валяются на земли, и валяются яко огорелыя главни. Таже сядет господь на престоле славы своея судити праведным и грешным и воздаст комуждо по делом его. Ну, вот дожили, дал бог, до краю: не кручиньтеся, наши православные християне! Право, будет конец, скоро будет. Ей, не замедлит, потерпите, сидя в темницах тех, господа ради бога и святаго Израилева, не поскучьте-су, пожалуйте! И я с вами же, грешник, должен. Никола чюдотворец и лутче меня, со крестьяны сидел пять лет в темнице от Максимияна мучителя; да то горькое время пережили, миленькие, а ныне радуются радостию неизглаголанною и прославленною со Христом. А мучитель ревет в жюпеле огня. На-вось тебе столовые, долгие и бесконечные пироги и меды сладкие, и водка процеженная с зеленым вином! А есть ли под тобой, Максимиян, перина

пуховая и возглавие? И евнухи опахивают твое здоровье, чтобы мухи не кусали великаго государя? А как там срать тово ходишь, спальники робята подтирают ли гузно то у тебя в жупеле том огненном? Сказал мне дух святый: нет-де там уж у вас робят тех,—все здесь остались, да уж-де ты и не серешь кушанья тово, намале самого кушают черви, великого государя. Бедной, бедной, безумное царишко! Что ты над собой сделал? Ну, где ныне светлоблещающиися ризы и уряжение коней? Где златоверхие полаты? Где строение сел любимых? Где сады и преграды? Где багряноносная порфира и венец царской, бисером и камением драгим устроен? Где жезл и меч, имже содержал царствия державу? Где светлообразная рынды, яко ангели, пред тобою оруженосцы попархивали в блещащихся ризах? Где все затеи и заводы пустошного сего века, о них же упражнялся невостягновенно, оставя бога, яко идолом бездушным служаше? Сего ради и сам отриновен еси от лица господня во ад кромешной. Ну, сквозь землю пропадай, блядин сын! Полно християн тех мучить! Давно тебя ждет матица огня! Воспоем, християня, господу богу песнь Моисеову, раба божия: славно бо прославися господь бог наш, яко судил любодеице и отмстил крови наша, всех соженных и в темницах сидящих! Паисия, александрий-

скаго патриарха, распял турок, а Макар антиохийский забежал в Грузи, яко пес от волка в подворотню нырнул, да под лесницу спрятался. А здешним любодеям тоже будет от Христа бога и спаса нашего. А нас Христос бог наш десницею своею покроет и сохранит, якоже он весть, ему же слава с отцем и со святым духом, ныне, и присно, и во веки веком, аминь.

Бог вас благословит всех чтущих и послушающих. Писано моею грешною рукою. Сколько бог дал, лутче тово не умею. Глуп ведь я гораздо. Так, человеченко ничему негодной. Ворчю от болезни сердца своего. А бог всех правит о Христе Исусе.

Чадо Симеоне! Бог благословит тя сею книгою. Поминай мя в молитвах своих и неослабно господа зови, да милостив будет ми за молитв твоих, ныне, и присно, и во веки веком. Аминь.

3

Ну, Сименушко, вот тебе вести. Однако ты приказываешь: «батюшко, отпиши что-нибудь!»

Я ведь не богослов,—что на ум попало, я тебе то и говорю. Горазд я, Симеон, есть да спать, да как ветхая та испражнять: покой большой

и у меня, и у старца, милостию божиею,—где пьем и едим, тут прости бога ради, и лайно испраждняем, да складше на лопату, да и в окошко! Хотя воевода тут приходит, да нам даром. Мне видится, и у царя того, Алексея Михайловича, нет такова покоя. Еретики, собаки! Как то их диявол научил: жива человека закопай в землю! Хлебом кормят, а срать не пускают!

Как-то бедная бояраня-то мучится с сестрами! Так же ведь нешто? О, миленькая моя! Не твое бы дело то. Ездила, ездила в коретах, да и в свинарник попала. Друг мой милой! Кормят, кормят, да в лоб палкой, да и на огонь жарить! А что ты, Прокопьевна, не боишься ли смерти той? Небось, голубка,—плюнь на них, мужествуй крепко о Христе Исусе! Сладка ведь смерть та за Христа тово, света. Я бы умер, да и опять бы ожил; да и опять бы умер по Христе бозе нашем! Сладок ведь Исус-от. В каноне пишет: «Исусе сладкий, Исусе пресладкий, Исусе многомилостивый». Да и много тово: Исусе пресладкий, Исусе сладкий, а нет тово, чтоб горький. Ну, государыня, пойди ж ты со сладким тем Исусом в огонь! Подле нево и тебе сладко будет. Да помнишь ли? Три отроки в пещи огненной в Вавилоне. Навходоносор глядит он, ано сын божий четвертой с ними! В пещи гуляют отроки, сам четверт, с богом!

Вавилонская блудница

(Церковь Иоанна Предтечи в Ярославле)

Танец Иродиады

(Фреска церкви Иоанна Предтечи в Ярославле)

Небось,—не покинет и вас сын божий. Дерзайте всенадежным упованием. Таки размахав, да и в пламя! На-вось, диявол, еже мое тело,—до души моей дела тебе нет! Аз есмь раба бога живаго и сына его единороднаго света, его же положи наследника всем, им же и веки сотвори. Иже сый сияние славы отча и образ ипостаси его носяше, всяческия глаголом силы своея, собою очищение сотворив грехов наших, седе одесную престола величествия на высоких. Толико лучши быв ангел, елико преславнее их наследствова имя. И паки пойте, в пещь идуще, огнем горяще: благословен еси, господи, боже отец наших, хвально и прославленно имя твое во веки, и прочая до конца.

Ну, голубки, там три отрока, а вас здесь трое же и весь собор православных с вами же! Не предстоящу пророку Даниилу со отроки в пещи, но духом купно с ними: тако и я,—аще и отдален от вас, но с вами горю купно о Христе Исусе, господе нашем.

Рабом божиим всем пожженным вечная память трижды большая.

Бог вас благословит всех чтущих и послушающих.

Писано моею грешною рукою сколько бог дал; лучше тово не умею. Глуп ведь я гораздо,— так, человеченко ни к чему не годно: ворчю от болезни сердца своего. А бог всех нас правит о Христе Исусе.

Письмо к Маремьяне Федоровне

Маремьяна Федоровна, свет моя! Еще ли ты жива, голубка,—яко голубица посреде крагуев ныряешь, и так и сяк, изрядное, избранное дитятко церковное и мое, грешнаго?

Ну, свет, бог тебя благословит! Перебивайся и так и сяк, аще господь и отрадит нам бедным! Спаси бог тебя, что не забываешь протопопицы с детьми! Посажена, горюша, так же в землю, что и мы с Иваном и Прокопием; а прочие горе мычют. Да пускай их терпят!

Как там братия наша? Еще ли живы, али вси сожжени? Бог их, свет, благословит, в живых и мертвых! Вси бо живы Христу, хотя и сожжены и повешены. Тии и лучшая приобрели.

Не остави и нас, владыко, и не отлучи от дружины нашея и собери нас под крыло свое воедино всех наших! Удержи диявола, да не поглотит наших ни единаго никого же. Ты бо еси бог наш, судия живым и мертвым.

Голубка, скажи всем благословение от меня, грешна старца, да молятся о мне отцы и братия. И отпиши от меня благословение всем, страждущим Христа ради, их же знаю и не знаю, их же вем и не вем, стоящим право душами своими в вере Христове,—всех их бог благословит, и жены их, и детки, и вся сродники, отцы их, и братию, и сестер, всякаго чина, в православии пребывающих, за не же стражем и умираем.

Потерпите, светы мои, господа ради, потерпите и не унывайте душами своими, но, уповающе на бога и пречистую его богаматерь, в молитвах и молениях да пребудем! Время жития сего суетнаго сокращенно: яко дым исчезает, тако и вся сия минует; доброродие, и слава века сего, и богатство—все ничтожно. Едино спасение души сей всего нужнее. Безверы нам невозможно угодити богу. Веровати же подобает право, како от отец приях. Не учити вас о том—и сами вы ведаете путь господень, его же ради и стражете. А еще коего и сшибет диявол с ног православия, муками и томлением отречется: и он бы не лежал отчаянием, но паки бы к первому право-

славию с покаянием прицепился. Милостив господь и праведен, ведает немощь естества нашего человеческаго, простит и помилует кающагося. Горе же тому будет, иже отчается, упадше, возненавидит перваго света и ко тьме прилепится. Лутче бы не родился человек той, яко Июда, по писанию.

Зело богу гнусно нынешное пение. Грешному мне человек добрый из церкви принес просвиру, и со крестом Христовым, а поп той, является, по старому поет: а до того пел по новому; и я чаял, что он покаялся и перестал: ажно внутрь ево поган. И я взял просвиру, поцеловал и положил в уголку, покадил, хотел по причастии потребить.

В нощи той, егда умолкоша уста от молитвы, и прискочиша беси,—мне же лежащу,—и един мне завернул голову, рек мне: «сем-ко ты сюды!» Только издыхания стало. Едва-едва умом моим молитву Исусову сотворил, и бес отскочил от меня. Аз же охаю и стону: кости разломал и встати не могу. И кое-как восстал; молитвуя довольно, и взвалился и мало заснул.

Вижу у церкви некия образы и крест, и Христос на нем распят по-латыне, неподобно, и латынники молятся и приклякивают по-польски. И мне некто велел той крест поцеловать. Егда аз поцеловал, паки нападоша на мя беси и утрудиша мя зело и покинуша. Аз же без

сна ночь ту проводих, плачючи. Уразумех, яко просвиры ради стражу, и выложил ея за окошко.

Не знаю, что над нею делать, понеже крест на ней истинной. И лежала день. В другую ночь не смею спать, но лежа молитвы говорю. И прискочиша множество бесов, и един бес сел с домрою в углу, на месте, где до того просвира лежала, и прочии начаша играти в домры и в гудки. А я слушаю. И зело мне груско, да уж не замали меня и исчезли. Аз же, восстав, плакався пред владыкою, обещался сожечь просвиру. И бысть в той час здрав, и кости перестали болеть, и во очию моею яко искры огненны от святаго духа являхуся. И в день сжег просвиру и пепел за окошко кинул, рек же: «вот, бес, жертва твоя! мне не надобна». И в другую нощь, лежа, по четкам молитвовал. Вошел бес в келию мою и ходил около меня,—ничево мне не сделал, лишо из рук чотки вышиб. И я, подняв, опять стал молитвы говорить. И паки в день с печалию стих лежа пою: «Молитву пролию ко господу и печаль мою пред ним возвещу, услыши ны, господи!» И бес вскричал на меня зело жестоко. Аз же воздрогнул и ужасся от него.

И паки в ыную ночь, не вем како, вне ума, о просвире опечалился и уснул, и бес зело мя утрудил. И с доски свалясь на под пред образом, немощен, плачючи, Никона

проклял и ересь ево. И паки в той час здрав бысть.

Видишь ли, Маремьяно, как бы съел просвиру-ту, так бы что Исакия Печерского затомили. Такова их, жертва, хороша! И от малой святыни беда; а от большия и давно нечево спрашивать.

Бог разберет всякую правду и неправду. Надобно лишо потерпеть за имя его святое. Мир тебе о Христе. Аминь.

Из «Послания к верным»

«Молю убо вы аз, юзник о Христе Исусе, не мудрствовати паче, еже подобает мудрствовати, но мудрствовати в целомудрии», по святому Писанию. Слышахом бо,—мнози развратишася и поидоша во след сатаны; ови глаголют духом бога познавати, кроме писания; инии же и писание толкуют зле, развратно и противно истине, взимаяся высокими умы, им же кончина погибель обоим. Не по писанию верующии еретицы суть, такоже и прелагатаи писания еретицы суть. Правовернии же почивают на отеческих догматех, да же с ними и милость божию себе обрящет,—не прелагает святаго писания, ниже верует не по Писанию.

А я, грешный, кроме писанново, не хощу собою затевать: как написано, так верую; идеже

что святыя написали, мне так и добро. Иное же уже, окаянной, рассмеюся: как-то, реку, уже сатана та надо мною не возится! никонияня еретиком зовут, дети духовныя еретиком же зовут! Да тем, реку, ты меня, бес, не отлучишь от любви той Христовы. А щ е б о г п о м н е, к т о н а н ы? И тьмы легеонов бесов и злых человек со Христом Исусом не боюся, нежели злословия пустова сосудов бесовских. Время им лаять, а мне время терпеть за имя господне, не умерши мучитися. Пускай мучат душу мою и тело. Яко во огне, горю в бедах и напастех. Отвсюду вся стекаются в мою душу. Яко вранове слетаются на мертвое тело и яко волцы на скот пораженной или яко псы на стерво, тако и на мою грешную душу отвсюду рати и бури, отвсюду мятежи, отвсюду ухищрение,—жыва мя поглотити диявол ищет. Многи волны и люто потопление; но не боюся погрязновения: на камени бо стою. Аще и приражаются каменю волны, но в пены претворяются, каменя же вредити не могут. Камень же бе Христос. А я за него держюся, никово не боюся,—ни царя, ни князя, ни богата, ни сильна, ни диявола самого, но наступаю на змию, и на скорпию, и на всю силу вражию, по заповеди Христове. Он мне приказал. Слушаю я ево, Христа бога моего, и пречистую богородицу помощницу имею себе, и хранителя ангела моего, и всех святых от века. Аминь.

Из «Книги всем нашим горемыкам миленьким»

По старому служебнику и новопроставленной поп, аще в нем дух не противен, да крестит ребенка. Где же детца? Нужда стала. Аще и старой поп по новому служебнику, не прийто есть. Пишет в правилех: не всех дух святый рукополагает, но всеми действует, кроме еретика. И я то помышляю: иной станет в попы те, а душею о старине той горит. Таковых по нужде приемлем. Аще богоборствует и старой чорт, плюнь на него и с паками.

А младенцев тех причащайте, барте, истинным запасом,—и всех, плакавше, кои и поновому тому крещены. Жаль мне младенцов тех, хотя бы тела тово Христова сподобилися.

Искусненько и мирянин причащай робенка: бог благословит.

А исповедатца пошто итти к никониянину? Аще нужда и привлечет тя, и ты с ним в церкви той сказки сказывай: как лисица у крестьянина куры крала, прости-де, батюшко, я-де не отгнал; и как собаки на волков лают: прости-де, батюшко, я-де в конуру собаки той не запер. Да он сидя исповедывает, а ты ляг перед ним, да и ноги вверх подыми, да слюны попусти, так он и сам от тебя побежит: черная-де немочь ударила. Простите-су, бога ради, согрешил я пред вами. А што? Уж горе меня взяло от них, от блядиных детей. Плюйте на них, на собак! Ведь они воры: и дочерей духовных воруют. Право, не лгу: «Исповедайте друг другу согрешения,—по апостолу,—и молитеся друг о друге, яко да исцелеете».

А воду ту святит, хотя истинной крест погружает, да молитву ту дьявольскую говорит. В правилех пишет: и образу Христову в еретическом соборе не кланятися. Егда оне престанут от молитвы, тогда, после их, кланяйся. А то то же, хотя и крест, да еретическое действо.

А буде нужею в церковь ту затащат, и ты молитву Исусову воздыхая говори; а пения тово не слушай их.

А на молебны те хотя и давайте им, а молебны те в Москву-реку сажайте. И попа тово, врага

божия, в воду ту посадишь, и ты не согрешишь. Лев Катанский в огонь посадил же такова вора.

А по старым книгам кои пострижены от никониян за простоту, не пособить: быть ему чернцу: господь видит нужду человеческую.

Поминайте покойников тех, кои по новому причащены: разберет Христос, какова в ком совесть была.

А с водою тою как он приидет, так ты во вратех тех яму выкопай, да в ней роженья натычь, так он набрушится тут, да и пропадет. А ты охай, около ево бегая, быдто ненароком. А буде который яму ту и перелезет и, в дому том быв, водою тою намочит, и ты после ево вымети метлою, а робятам тем вели по-за печью от него спрятаться. А сам с женою ходи тут и вином ево пой, а сам говори: прости, бачко, ночесь с женою спал и не окачивались, недостойны ко кресту. Он кропит, а ты рожу ту в угол вороти или в мошну в те поры полез, да деньги ему давай. А жена бы—и она собаку из-под лавки в те поры гоняй, да кричи на нея; он ко кресту зовет, а она говори: «бачко, недосуг, еще собаку выгоню, тебя же заест»; да осердись на него, раба Христова: «бачко, какой ты человек, аль по своей попадье не разумеешь,—не время мне». Да как-нибудь, что собаку, отживите ево. А хотя омочит водою тою, душа твоя не хотела. Велика-то-су и есть вам нужда та от них, от

лихоманов, мочно знать. Да что же, светы мои, делать? Больши перед спасом станем плакать.

А в чем погрешится, и ты кайся пред господем богом. Где же детца? Живыя могилы нет.

Из послания к «рабам бога вышняго»

Отцу Досифею мир и благословение. Спаси бог тебе за добронравие твое. Пад, подстилаю главу свою и благословения прошу: моли бога о мне, грешнем. А твою любовь да помянет господь бог во царствии своем всегда, и ныне, и присно, и во веки веком.

Досифей, а Досифей! Поворчи, брате, на Олену ту старицу: за что она Ксенью ту бедную, Анисьину сестру, изгоняет? Досифей! А за что петь ея и с мужем тем разводить, коли оне молитвилися? Апостол велит посягати младым вдовам, нежели разжизатися.

Елена-дурка! На что ты ея в приказах тех и в монастырях тех озлобляла и робеночка-де маленько не уморила?

Меланья! слушай-ко ты, и я со духом твоим,— смири бесчинницу ту—на что она над крестьяны играет? Ну как бы робенка-тово уморили? Так убийство стало; а убийце 7 лет епитимии.

Ну, Оленушка-сестрица, вот тебе от нас с Маланьею пирожок, кушай на здоровье: седьмь лет держи епитемию: 3 годы не сообщайся с верными, 2 лета плачь с припадающими, в притворе стоя, 2 лета в церкви да пребудеши без причащения; свещи и просвиры да не приемлет священник во олтарь от руку твоею, ею же убийство сотвори; чрез день, кроме субботы и недели, сухо да яжь; по тысящи на всяк день метаний твори пред господем; на всяк день в вечер 3 поклона, к келье окормительницы Меланьи пришед, до земли, сице глаголя: «прости мя, мати моя, се аз, окаянная, жену с мужем разлучила и убийство сотвори,—увы мне дщери Каинове и Ламехове»! И, возвратяся в келию свою, сице рцы: «боже, за молитв святыя Меланьи, матери моея, отпусти ми согрешения моя!»

Ну, чадо, тружайся, да и о мне грешнем бога моли. И отец Епифаний молитвами помогает ти.

Слушай-ко, игумен Сергий! Иди во обитель Меланьи матери и прочти сие писанное со духом святым на соборе Елене при всех, да разумеют сестры, яко короста на ней, да же не ошелуди-

веют от нея и удаляются ея. А ты, Меланья, не яко врага ея имей, но яко искреннюю. И все сестры спомогайте ей молитвами.

Друг мой миленькой Еленушка! Поплачь-ко ты хорошенько пред богородицею-светом, так она скоренько очистит тебя. Да ведь-су и я не выдам тебя: ты там плачь, а я здесь. Дружне дело; как мне покинуть тебя? Хотя умереть, а не хочу отстать.

Елена, а Елена! С сестрами теми не сообщайся, понеже оне чисты и святы. А со мною водися, понеже я сам шелудив, не боюся твоей коросты, и своей много у меня! Пришли мне малины. Я стану есть, понеже я оглашенной, ты оглашенная: друг на друга не дивим, оба мы равны. Видала ли ты? Земские ярыжки друг друга не осужают. Тако и мы. Помни же, что говорю,—не обленись поработати господеви. Аще ли просто положишь, бо́льшую беду на себя наведешь: без руки будешь, и без ноги, и без глаз, и глуха и оструплена, яко Елисей. Я ли затеваю? Да не будет. Но тако глаголет дух святый со Христом ко апостолом, яко его же аще свяжете на земли, будет связан на небеси, а его же разрешите, той разрешен. Да со данней мне власти от Исус Христа се возлагаю ти бремя на плеща души твоея: достоин бо делатель мзды своея.

Прости. Тебе несть благословения, дондеже очистишися. Аминь.

Ксения бедная Гавриловна! Взыщи мужа тово своего и живи с ним, коли ты молитвилася с ним, а затем как знаешь: воля тебе о Христе. Пожалуйте, раби бога вышняго, не покидайте ея, яко Марию Магдалыню, прибегшую ко Исусу, или оную, ея же приведоша к нему и хотяху побити камением. Исус же возбрани и рече: «аще не имать кто греха, верзи камень на ню преже всех». Стали созиратися: ано щелудивы все! Тако и здесь: всяк разумей немощь свою; не созирайте чужих грехов, но своих...

Родион! Слыхал ли ты в правилех: разлучивый мужа и жену проклят? Хочешь ли, я тебе сию игрушку в душу посажю? Да хотя мы и в дальнем расстоянии, да слово божие живо и действенно, проходит до членов же и мозгов и до самыя души. Да не таково мне на тебя, что на Елену.

Добро, друже, бог тебя простит. Прощайся пред Оксиньею Гавриловною и Ефремову книгу отдай ей; тогда и от меня совершенно бог простит. Аще ли ни, не уйдет то и впредь. Не имат власти таковыя над вами и патриарх, яко ж аз о Христе,—кровию своею помазую душа ваша и слезами помываю. Никто ж от еретик восхитит вас, православных християн, от руки моея; хощу неповинных представити вас в день про-

свещенный праведному судии. Да и бывало таково время: Христос, бдящу ми, и вселил вас всех во утробу мою. И царю Алексею говорено о том. Простись же с нею, да не отлучайте ея от мужа тово: аще хощет, пускай с ним живет.

Сергий! Возвести впредь о сем, каково к прощению тщание будет у них. Аще и Елена поищет со усердием прощения, да ослабится тогда от епитимии и от худости моея благословение получит. Жаль мне ея гораздо; воздыхая сице творю. Полно о том...

Письмо к Алексею Копытовскому

Во юдоль плачевную новорожденному чаду моему Алексею Копытовскому мир и милость от господа бога и спаса нашего Исуса Христа и от меня, грешника, от протопопа, благословение и поклон.

Миленькое дитятко, где ты гулял? Не слыхать было про тебя. В лесу большо ты, Алексей, бродил и в расселинах каменных или по холмам скакал? Да доброе то семя и горою не рассыплет, ниже зной еретический иссушит. Разумно ли тебе, о чем тебя спрашиваю?

А то шум никониянский, яко ветром лес, возмущает человеческия души; в расселинах книг их человецы погибают; яко холмы, никонияня взимаются, разгордевся. Да не может

Христовы части и сам диявол, яко гора, подавити; ниже детей его, еже есть еретиков, учение знойное праведную душу обольстити.

Спаси бог тебе, дитятко, на утешительном послании. Хорошо так, яко дряхлуешь, грехи своя поминая.

А от Лукияна отлучися: бог тебя благословит, и наше благословение да есть с тобою, аще тако сотворишь изгнания с рабы Христовыми. Понеже несть сообщения свету со тьмою, тако и целомудрому з блудным. Пишет он ко мне в грамотке лесть, а не покаяние своему беззаконию. Растлил он храм божий, растлит его самого бог. К добрым людям я его писанием своим усвоил, чаял в нем добра, а он запсеял, окрадше душю християнску, яко древле диавол Адама. Но милостив господь кающимся, а ему горе по непокаянному и жестокому его сердцу. Не помышляй себе тово, дурак, еже от бога тебе, кроме покаяния, помилованну быти; но изволися духу святому и мне предати тя сатане во озлобление, да дух твой спасется. Да приидет на тя месть Каинова, и Исавова, и Саулова, да пожжет тя огонь, яко содомлян, аще не зазришь души своей треокаянной.

Кайся, треглавный змей, кайся! Еще ти даю нарок покаяния, да нечто малу отраду при-

имешь; аще ли ни, будет так, еже выше рекох. Собака, дура! Не хощу имени твоего рещи; согрубил ты богу. Чаяшь, у меня уйдешь? Не уйдешь, небось,—не наемник я, но душу свою полагаю за овца за страх господа моего. Силен мне господь помощи во всем. Несть ти мира и благословения; а клятвы погожу возложить, али оплачеши грех свой пребезаконный.

Мир ти, Алексеюшко миленькой мой,—побей ево, господа ради, палкою, по моему благословению, и аще станет каятися, и ты о том мне возвести, и аз ему во исцеление души и тела епитимию пришлю; а буде взбесится, и ты и рукой махни. Не подобает приходящаго к нам отгнать, а за бешеным не нагонятца ж.

Прости, Алексей! А тебя бог простит и благословит. Возьми у братии чотоки мое—благословение себе. Дайте ему, Максим с товарищи, и любите Алексея, яко себя. Аминь.

Письмо к «отцам» поморским

Отцам в Поморье пищет.

Четвероконечная колесница огненнаго течения, ревнители Ильины, нравы подобящеся Крестителю, правыми стопами последоваcте Христу: Саватие и Евфимий, Тимофей с Авксентем, молите бога о нас, грешных!

Вы постигосте верси горам, а мы получихом верси бедам; вы взыдосте на безстрастие, а мы погрязохом во глубине страстей; вы со ангелы беседоваcте, а мы по человеку бравшеся, яко с бесы; вы зряще к небеси, а мы влекущеся долу.

Но надеющеся на ваши отеческия молитвы, дерзаем со еретики братися до смерти по матери нашей, святей божией церкви. Аще бог по нас, кто на ны! Со Христом и большому

тому волку, хохлатой той собаке, глаз вырву, нежели щенятам. Молитеся только вы о нас крепко и неослабно, господа ради, отцы святии. Мне ведь неколи плакать: всегда играю со человеки, таже со страстьми и похотьми бьюся окаянный. Ведаете и сами: беседы злы тлят обычаи благи. В нощи что пособеру, а в день и рассыплю,—волен бог, да и вы со мной. Бью челом вам невсклонно: не презирайте бедную мою и злосмрадную душу; молитеся, молитеся о грешнем Аввакуме протопопе.

Старец Епифаний, мир дав, благословения вашего отеческаго просит.

Еще ж коленам вашим касаюся: поминайте в молитвах жену мою бедную и дети и о всем домишку молите Христа моего и создателя всех бога, да приимете от него себе славы неувядаемый венец. Паки и паки миром господу помолимся, господи помилуй!

Ну, простите; полно говорить; вы молчите, ино и я с вами престану говорить. Мир вам и благословение.

Пришлите-тко мне гостинец какой-нибудь— или ложку, или ставец, или ино что. Али и у самих ничего нет, бедные батюшки мои? Ну, терпите Христа ради! Ладно так! Я ведь богат: рыбы и молока много у меня Христовою благодатью и пречистыя богородицы милостию и всех святых молитвами. Аминь.

Письмо к «отцу и брату, другу и советнику»

«Господи Исусе Христе, сыне божий, помилуй нас».

О Христе нашему и отцу, и брату присному, и другу, и советнику, воину Исусову, страдальцу Христову, проповеднику благочестия, поборнику православия, любезному и прелюбезному сердешному нашему другу и отцу, имя-рек, радоватися. Да веси, о вселюбезне, яко не о том скорбим, еже напал на тя сатана со слугами своими; но о том радуемся, яко, имя-рек, толикая претерпе от врагов божиих, еже и всяк слух ужасает. За што претерпел? Што своровал?—Не ведаешь ли, што Павла в Листре и Ликаонии жиды богоубийцы наустиша народы и побиша Павла камением, вле-

чаху, вне града, мнеша его умерша? За то и нашего,—оле радости з горьким плачем растворенныя!—имя-рек побиша. О друже наш любезный! Целуем главу твою. Целуем перси твоя. Целуем руки и ноги! Прииди-тко сюды, приклони-ткося к нам, дай-ко главу ту страдальческую! Обымем тя, облобызаем тя, облием тя плачем, омыем тя слезами, напад на выю твою, возглаголем сице от болезни: уд ты наш, брат ты наш, едино есмы тело! Похищен бысть сатаною, пленен бысть варвары, отведен бысть в чужую землю и тамо многая озлобления много претерпе от врагов благочестия: ныне же мы паки тя видим во свое отечество возвратившася! О, слава тебе, господи! Срадуйтеся с нами все духовное братство, яко друг наш и брат обретается жив и не удавлен от еретиков. А што, друже, скорбишь о пагубном их причастии—што ж делать! Худо сделано, не мужественно! Да што говорить? Вси мы человецы немощни, без божия помощи праху подобни. И Христос рек: «дух бодр, плоть же немощна». А они, враги, злы ревнители отца своего сатаны, поспешны на пагубу нашу. Петр-от и камень наречен, да и тот поползнулся. Только слышали мы в малом твоем писанийцы,—ищешь покаяния, скорбишь, болезнуешь и их, сказываешь, возненавидел, яко змию. О сем радуемся, о сем веселимся, приемлем тя, лобызаем тя, любим тя,

приобщаемся тебе, сплетаемся тебе присно, связуемся тебе вечно! Брат и уд ты наш! Хто свой уд ненавидит? Брата тя присна-присна имехом, и имеем, и имети хощем, всегда, ныне, и присно, и во веки веком. Аминь.

КОММЕНТАРИЙ

В основу настоящего издания положены тексты сочинений Аввакума, редактированные Я. Л. Барсковым и Н. С. Смирновым и собранные в издании «Памятники истории старообрядчества XVII века». Книга первая. Выпуск 1 (Русская историческая библиотека, т. XXXIX). Издательство Академии наук СССР, Лгд. 1927. Одно произведение Аввакума—письмо к «отцу и брату, другу и советнику», не вошедшее в том «Памятников», печатается по тексту «Материалов для истории раскола за первое время его существования», издававшихся под редакцией Н. И. Субботина, т. V, М. 1879.

Произведения Аввакума, сохранившиеся в автографах, в указанных изданиях напечатаны по автографам, дошедшие же до нас лишь в списках, сделанных посторонней рукой (таких большинство), напечатаны по списку наиболее авторитетному, с подведением к его тексту вариантов из других списков, если то или иное произведение сохранилось не в одном, а в нескольких списках. Опубликованное по автографам нами воспроизводится, с указанными ниже оговорками, без каких-либо словарных отступлений. В отношении же произведений,

не сохранившихся в автографах и имеющихся в нескольких списках, нами соблюдается следующий принцип. В основу кладется текст, напечатанный в указанных изданиях как основной, но в тех случаях, когда в этом последнем встречаются места, явно искаженные переписчиком, они заменяются наиболее достоверными чтениями, извлекаемыми из вариантов. Так, например, бесспорно испорченное чтение в «Книге бесед» (Беседа первая): «протопопа духовнаго царева», исправляем на основании чтения одного из вариантов на несомненно достоверное: «протопопа—духовника царева». Таким же образом, там же, лишенное смысла выражение: «и неленостию подвигнемся, но потецем», заменяем вполне вразумительным чтением варианта: «и неленостно подвигнемся, потецем...», и т. д.

Ввиду того, что настоящее издание не преследует целей специально палеографических и лингвистических, при печатании текста сохраняются, как правило, лишь те его отличия от современных нам написаний, которые характеризуют особенности языка Аввакума в отношении как фонетическом, так и морфологическом. Но написания Аввакума типа «зделал», «лотка» и т. п. переводим на современное написание «сделал», «лодка», так как и в современном произношении, вопреки этимологическим написаниям, эти слова произносятся так же, как произносил их Аввакум, то-есть «зделал», «лотка». Наряду с соблюдением аввакумовских написаний в окончаниях родительного падежа единственного числа прилагательных мужеского и среднего рода, а также местоимений и числительных: *ово*, *ево*, *ова*, *ева*—соблюдаем в тех же случаях и традиционные написания *аго*, *яго* там, где они имеются у Аввакума, так как эти последние употребляются Аввакумом большею частью тогда, когда он пользуется формами церковно-славянского языка, для которого такие написания являются органическими. По тем же соображениям сохраняем и имеющиеся в тексте

окончания родительного падежа единственного числа и именительного множественного прилагательных женского рода на *ыя*, *ия*, так же как и написание местоимений—*ея*, *оне*.

Цитаты, приводимые Аввакумом в тексте его сочинений, печатаются в ковычках; разрядкой печатаются скрытые цитаты.

Принципы комментирования материала диктуются необходимостью реального объяснения всех упоминаемых Аввакумом исторических фактов, событий, лиц, географических имен, а также обрядовых и догматических его высказываний, часто приобретших уже археологическую древность.

Такие объяснения, со ссылкой на соответствующие страницы и строки текста, как правило, даются лишь при первом упоминании того или иного факта или имени.

Попытка идеологического комментария сочинений Аввакума сделана во вступительной статье. Цитаты Аввакума поясняются точными указаниями на их источники в целях учета материала его чтений и изучений.

Местонахождение рукописей, содержащих печатаемые в настоящем издании сочинения Аввакума, не указывается. Сведения о них, так же как и аргументация их принадлежности перу Аввакума, исчерпывающе приведены редакторами упомянутого выше академического издания его сочинений.

Трудно понимаемые фразы текста сочинений Аввакума переведены на современный русский язык или объяснены в соответствующих местах комментария; отдельные трудные для понимания слова объяснены в особом словаре, приведенном в конце книги.

Сокращенные ссылки в комментарии означают:

Барсков — Я. Л. Барсков, «Памятники первых лет русского старообрядчества». Летопись занятий Археографической комиссии, т. XXIV, СПБ. 1912, и отдельно.

Мат. — «Материалы для истории раскола за первое время его существования, изданные под редакцией Н. И. Субботина, тт. I—IX, М. 1875—1890.

Памятн. — «Памятники истории старообрядчества XVII века». Книга первая. Выпуск 1. Лгд. 1927.

Никольский — В. К. Никольский, «Сибирская ссылка Аввакума». РАНИОН. Институт истории. «Ученые записки», т. II, М. 1927, стр. 137—167.

Житие протопопа Аввакума
(стр. 63—157).

Житие протопопа Аввакума дошло до нас в трех редакциях, из которых первая сохранилась а автографе, две другие—в списках.

Время написания «Жития» определяется следующим образом. В начале его (стр. 72) Аввакум сообщает, что он рукоположен в диаконы двадцати одного года, а всего минуло тридцать лет его пребывания в духовном сане. Если время рождения Аввакума определять 1621 годом (наиболее вероятная дата), то начало писания «Жития» нужно отнести к 1672 году. С другой стороны, имея в виду своих гонителей-никониан, Аввакум далее пишет: «живите, как хочете. Стану опять про свое говорить, как вы меня жалуете-потчиваете. 20 лет тому уж прошло...» (стр. 109). Так как преследование Аввакума никонианами началось в 1653 году, то часть «Жития», содержащую эти слова, необходимо датировать 1673 годом. Та же дата подтверждается следующим соображением. Когда Аввакум работал над первой редакцией «Жития», боярыня Морозова еще не была

заключена в Боровскую тюрьму, или сведения об этом до него еще не дошли, как это видно из текста этой редакции (стр. 124). Заключение последовало вскоре после смерти патриарха Питирима (умер 14 апреля 1673 года), а в конце 1673 года Аввакум, несомненно, об участи Морозовой уже был осведомлен.

Итак, первая редакция «Жития» наиболее правдоподобно датируется 1672—1673 годами.

Вторую и третью редакции «Жития» (условно обозначаем их, вслед за академическим изданием, буквами Б и В), судя по отсутствию в них новых хронологических дат по сравнению с первой редакцией, нужно датировать временем, близким ко времени написания первой редакции.

В качестве основного текста «Жития» печатаем первую его редакцию (А), сохранившуюся в автографе, со следующим, однако, отступлением. Исключаем как не принадлежащие Аввакуму находящиеся в автографе вступительные слова инока Епифания, написанные его рукой: «Аввакум протопоп понужен бысть житие свое написати иноком Епифанием,—понеж отец ему духовной инок,—да не забвению предано будет дело божие; и сего ради понужен бысть отцем духовным на славу Христу богу нашему. Аминь». Вместо них вводим предисловие, принадлежащее самому Аввакуму и открывающее собой третью редакцию (В) «Жития»: это предисловие, несомненно, мыслилось Аввакумом как такое, которое приложимо в одинаковой степени ко всем его обработкам.

Вслед за текстом первой редакции «Жития» помещаем важнейшие варианты, извлеченные из второй и третьей его редакций (Б и В). Цифровые пометы в основном тексте «Жития» означают отсылку к соответствующим вариантам.

Стр. 63, строки 1—2. *По благословению отца моего старца Епифания...*—Старец Епифаний был духов-

ником Аввакума в пустозерской ссылке. Придя в Москву около 1638 года, он в 1645 году, решив уйти в монастырь, отправился в Соловки, где, пробыв послушником семь лет, в 1652 году постригся, но через пять лет, покинув Соловки, жил потом в течение четырнадцати лет в различных северных монастырях и в 1666 году явился в Москву для обличения Никона. Сосланный вместе с Аввакумом в 1667 году в Пустозерск (б. Архангельской губ., на берегу Пустозерской губы Северного Ледовитого моря), он был сожжен там 14 апреля 1682 года, одновременно с Аввакумом и двумя другими основоположниками старообрядства — Лазарем и Федором.

Стр. 63, строки 10—12. *аще языки... ничто же есмь*—цитата из 1-го Послания апостола Павла к коринфянам, XIII, 1.

Стр. 64, строки 13—27. *возглаголю Дионисия Ареопагита... и еже не быти—несть.*—Именем Дионисия Ареопагита, по преданию—ученика апостола Павла и первого афинского епископа, обозначался автор четырех трактатов и десяти писем, пользовавшихся огромным авторитетом в богословской практике средневековой церкви, как западной, так и восточной. Лишь в новое время доказана мифичность личности Дионисия Ареопагита, и сочинения с его именем, носящие явные следы влияния неоплатонизма, с этих пор приписываются автору, жившему в конце V или в начале VI века. Они известны в нескольких старинных славянских и русских переводах с греческого. Один из таких переводов вошел в Четьи-Минеи митрополита Макария (XVI век). Здесь Аввакум имеет в виду трактат псевдо-Ареопагита «Об именах божиих», представляющий собой извлечение из сочинения неоплатоника V века Прокла. Слово «виновные» в данном контексте означает «приличествующие», надлежащие. Слова: «еже не быти—несть» означают: «не существующее не существует».

Стр. 64—65, строки 28—11. *Мы же речем... истиннаго и животворящаго...*—Здесь Аввакум протестует против исключения в новоисправленных при Никоне книгах слова «истиннаго» в словах символа веры: «и в духа святаго, господа истиннаго, животворящаго».

Стр. 65, строки 15—23. *сей убо есть... суть свидетельствуемы.*—Буквальный перевод этого места: «Такой человек есть действительно истинный христианин, так как, истиною уразумев Христа и тем достигнув богопознания, победив самого себя, он не причастен мирским соблазнам и сознает себя трезвым и свободным от всякаго соблазнительного неверия, не только претерпевая лишения до самой смерти истины ради, но и умирая в неведении всего мирского, живя в разуме. И христиане об этом свидетельствуют».

Стр. 65, строка 26. *исчитати беги небесныя*—т. е. следить движение небесных светил.

Стр. 65, строка 28. *К Тимофею пишет в книге своей...*—Все сочинения, обозначенные именем Дионисия Ареопагита, адресованы к Иоанну Богослову, а также к апостольским ученикам—Титу, Тимофею, Поликарпу и др.

Стр. 66, строка 10. *Чти Апостол, 275.*—Аввакум здесь отсылает к Посланию апостола Павла к фессалоникийцам, II, 10—12.

Стр. 66, строка 13. *в солнечном граде*—в Иерусалиме.

Стр. 67, строки 3—4. *солнце затмилось в 162 году...*—Речь идет о солнечном затмении 2 августа 1654 года (цифра 162—сокращенно обозначает 7162 год по летоисчислению от «сотворения мира». Для перевода старинного летоисчисления на современное нужно во всех случаях вычитать из даты от «сотворения мира» цифру 5508). Ниже Аввакум ошибочно приурочивает это затмение ко времени недели за две до Петрова дня, то-есть к середине июля.

Стр. 67, строки 9—12. *в то время Никон... зело мор велик был...*—Начало реформаторской деятельности патриарха Никона (1605—1681), положившей основание расколу, относится к весне 1653 г. Опустошительная моровая язва (чума) свирепствовала в Москве и во многих других местах России во вторую половину 1654 года. 25 августа этого года, в связи с мором, произошло в Москве народное возмущение, направленное против Никона как реформатора.

Стр. 67, строки 13—20. *Потом... тьма бысть... проклинав, бросили...*—Второе солнечное затмение, упоминаемое Аввакумом, было не через четырнадцать, а через двенадцать лет, 22 июня 1666 года, но действительно в пятницу, в Петров пост. За месяц с небольшим до этого Аввакум был расстрижен и вместе с попом Никитой и дьяконом Федором увезен в Никольский монастырь на Угрешу, близ Москвы. Характерно для Аввакума, что он солнечное затмение связывает с воздвигнутыми на него гонениями.

Стр. 67—68, строки 25—10. *Той же Дионисий пишет... там пространно уразумеешь.*—О солнечном знамении у палестинского города Гаваона при Иисусе Навине, преемнике Моисея по управлению израильским народом, во время битвы его с пятью царями аморрейскими, рассказывается в Книге Иисуса Навина, X, 12—13. О знамении при царе иудейском Езекии говорится в Книге пророка Исаии, XXXVII, 7—8.

Стр. 68, строка 11. *Он же Дионисий пишет о небесных силах...*—в трактате «О небесной иерархии».

Стр. 68—69, строки 18—10. *сия тройца... тричисленно и сие воспевание.*—Аввакум защищает дониконовскую формулу славословия: «аллилуя, аллилуя, слава тебе, боже!», протестуя против нововведенного на соборе 1666—1667 годов: «аллилуя, аллилуя, аллилуя, слава тебе, боже!», на том основании, что «ангельская речь»

«аллилуя» на человеческой речи именно и значит «слава тебе, боже», и никоновское прибавление лишнего «аллилуя» таким образом учетверяет славословие, долженствующее по традиции быть тройным. *Григорий Нисский* (335—394) и его старший брат *Василий Великий* (329—378)—популярные в восточном христианстве отцы церкви. Последнему приписывается авторство литургии.

Стр. 69, строки 10—15. *Пространно пречистая богородица... в четверицу глаголют...*—Аввакум имеет здесь в виду житие Ефросина псковского (ум. 1481), написанное в 1547 году его учеником, священником Василием, в иночестве Варлаамом. В споре о так называемой сугубой (двойной) и трегубой (тройной) «аллилуя», возникшем среди псковского духовенства еще в начале XV века и усилившемся к средине его, Ефросин энергично защищал устно и письменно «аллилуя» сугубую, но и после его смерти спор не был решен окончательно. По словам Василия, тайна «аллилуя» была ему открыта богородицей, явившейся к нему во сне и повелевшей «двоить» «аллилуя». На основании этого сообщения Василия сугубая «аллилуя» утверждена была Стоглавым собором 1551 года, который «трегубую» «аллилуя» постановил считать «латынской ересью». На той же точке зрения стоял и известный писатель XVI века Максим Грек.

Стр. 69, строка 16. *духу и от сына исхождение являют...*—указание на существенное отличие католического «Символа веры», утверждающего исхождение духа не только от отца, как утверждает православный «Символ веры», но и от сына («filioque»).

Стр. 69—70, строки 21—19. *Афанасий великий рече... божество и царство.*—Изложение, с незначительными отступлениями, «Символа веры», ложно приписывавшегося Афанасию Великому (293—373), епископу александрийскому, борцу с арианством.

Стр. 70, строка 29. *несть конца*—формула, послужившая поводом к спору с никонианами, исправившими ее на основании греческих источников на «не будет конца».

Стр. 71, строка 13. «*Маргарит*» («Жемчужины»)—собрание слов Иоанна Златоуста, число которых в различных рукописях неодинаково. В русской литературе «Маргарит» в болгарском переводе появляется в XIV веке. В 1595—1596 годах он был напечатан в Остроге, а в 1641 году—в Москве. Аввакум, лишь несколько перефразируя и сокращая, заимствует из входящего в «Маргарит» «Слова о вочеловечении».

Стр. 71, строки 21—22. *Рождение же мое... Григорове.*—Точная дата рождения Аввакума неизвестна. Она колеблется между 1620 и 1621 годами. Вернее, однако, вторая дата. *Григорово*—село б. Княгининского уезда б. Нижегородской губ. *Кудма*—правый приток Волги.

Стр. 72, строки 14—15. *Аз же от изгнания переселился во ино место.*—Из Григорова, где Аввакум не поладил со своими односельчанами (причины неладов нам ближе неизвестны), он переселился в село Лопатицы б. Макарьевского уезда той же б. Нижегородской губ., где и начал свое священнослужение.

Стр. 72, строки 15—19. *Рукоположен во диаконы... в протопопы православными епископы...*—Следовательно, в диаконы Аввакум рукоположен в 1642 году, в священники — в 1644 году, поставлен в протопопы—в 1652 году. С 1642 по 1652 год Аввакум прожил в Лопатицах. Протопопом он был назначен в Юрьевец-Повольский.

Стр. 72, строки 21—27. *А егда в попах был... с полтретьятцеть.*—Аввакум определяет количество лет своей активной проповеднической и учительной деятельности приблизительно цифрой двадцать пять («с полтретьятцеть»). Из тридцати лет своего священно-

служения он выключает два года диаконства, когда он по самому своему положению и по молодости лет не мог еще иметь духовных детей, и, видимо, первые годы состояния в сане священника.

Стр. 74, строки 6—8. *объяша мя болезни... и болезнь обретох*—цитата из Псалтири, CXIV, 3—4.

Стр. 75, строки 9—10. *В то же время... в земле закопан.*—Речь идет о втором сыне Аввакума, которому в 1653 году, судя по показаниям Аввакума, было пять лет (см. примечание к стр. 83, строки 23—27). Следовательно, он родился в 1648 году. О том, что жена Аввакума и двое его сыновей, Иван и Прокофий, посажены в земляную тюрьму на Мезени, подробно речь идет в «Житии» ниже, на стр. 134.

Стр. 75, строки 13—14. *яко же Филипп каженика древле.*—Аввакум имеет здесь в виду эпизод крещения в пути, у воды, апостолом Филиппом евнуха-эфиопа, рассказанный в Деяниях апостолов, VIII, 27—38.

Стр. 75, строка 14. *прибрел к Москве.*—Аввакум в первый раз бежал из Лопатиц в Москву с только что родившимся сыном Прокофием, следовательно в 1648 году.

Стр. 75, строки 14—16. *к духовнику протопопу Стефану и к Неронову протопопу Ивану.*—Стефан Вонифатьев (ум. 1656)—с 1645 или 1646 года протопоп московского Благовещенского собора, царский духовник, глава кружка ревнителей благочестия, влиятельнейшее лицо в церковных делах того времени; Иван Неронов (1591—1670)—с 1646 или 1647 года протопоп московского Казанского собора, затем инок с именем Григория; в пору, о которой идет речь, после Вонифатьева—второй по степени влиятельности член кружка ревнителей благочестия.

Стр. 75, строки 21—26. *Приидоша в село мое... отпустил в поле.*—Борьба церкви и государства

со скоморошьими потехами и «бесовскими игрищами», проходящая через всю историю старой Руси, особенно усилилась в середине XVII века по почину кружка ревнителей благочестия. В 1648 году было издано специальное распоряжение царя, разосланное по городам воеводам и запрещавшее, под угрозой батогов и даже ссылки в украинские города, всякие затеи скоморохов с домрами, гуслями, волынками, медвежьими плясками. К этому добавлялось: «а где объявятся домры, и сурны, и гудки, и гусли, и хари, и всякие чудесные бесовские сосуды, и те бы вынимать и, изломав, жечь».

Стр. 75, строки 27—28. *Василей Петрович Шереметев, пловучи Волгою в Казань...*—Боярин Василий Петрович Шереметев (ум. 1659) отправился из Москвы на воеводство в Казань в конце июля или в начале августа 1648 года. Таким образом Аввакум, бежавший в Москву впервые в первой половине 1648 года, летом уже был снова в Лопатицах, где и произошла его встреча с Шереметевым.

Стр. 75—76, строки 29—3. *благословить сына... блудолюбный образ.*—Мода брить бороду пришла на Русь с Запада в XVI веке. Ее усвоил даже великий князь Василий Иванович. Тогдашние церковные деятели, особенно митрополит Даниил, энергично боролись в своих проповедях с этим новшеством, по мотивам главным образом нравственного характера: бритье бороды тогда имело эротический привкус и стояло в связи с довольно распространенным пороком мужеложства. Ревнители старины, и в частности Аввакум, говоря о «блудолюбном образе» молодого Шереметева, в своем осуждении брадобрития, как видим, исходил из тех же оснований, что и проповедники XVI века.

Стр. 76, строка 6. *у царя на сенях со мною прощались...*—т. е. просили прощения. В Московской Руси было в обычае приближенным царя собираться почти ежедневно в царских сенях.

Стр. 76, строки 7—8. *брату моему меньшому... дочь духовная была.*—Речь идет о брате Аввакума, попе Евфимии Петрове.

Стр. 76, строки 25—26. *Аще меня задушат... с Филиппом, митрополитом...*—Филипп, митрополит московский (1507—1569), по распоряжению Ивана Грозного, был задушен Малютой Скуратовым. В 1591 году он был канонизован.

Стр. 76, строки 26—27. *аще зарежут... с Захариею пророком...*—Захария—один из двенадцати так называемых «малых» пророков, автор названной по его имени предпоследней пророческой книги Ветхого завета, по преданию убитый около 520 года до н. э. за свою резкую обличительную проповедь.

Стр. 76, строки 28—29. *а буде в воду посадят... свободишь мя.*—В житии Стефана Пермского (ум. 1396), написанном Епифанием Премудрым в начале XV века, в эпизоде прения Стефана с волхвом об истинной вере рассказывается о том, что для разрешения спора Стефан и волхв условились устроить испытание огнем и водой, но в последний момент волхв из страха отказался это сделать, и таким образом победа оказалась на стороне Стефана (ср. «Житие святого Стефана, епископа пермского, написанное Епифанием Премудрым». Изд. Археограф. ком., Спб. 1897, стр. 50—55).

Стр. 77, строки 21—23. *господь... дает благодать*—цитата из Послания апостола Иакова, IV, 6.

Стр. 77, строка 25. *Аз же сволокся к Москве...*—Второе бегство Аввакума в Москву относится к 1652 году, не позднее начала мая, так как после этого он около двух месяцев прожил в Юрьевце-Повольском и вновь вернулся в Москву до перенесения Никоном мощей митрополита Филиппа (9 июля 1652 г.).

Стр. 77, строка 27. *Юрьевец-Повольской*—город б. Костромской губ., ныне Ивановской промышленной области, на Волге.

Стр. 77—78, строки 29—4. *пришли к патриархову приказу... били батожьем и топтали...*—Дворцовый патриарший приказ ведал административными, финансовыми и судебными делами патриарших вотчин. Избиение толпой Аввакума, помимо желания расправиться с ним как со строгим блюстителем нравов, было вызвано, нужно думать, и тем, что Аввакум, видимо, строго взыскивал с населения налоги в патриаршую казну. Об этом избиении в Юрьевце, как и о некоторых дальнейших своих мытарствах, Аввакум говорит и в первой своей челобитной Алексею Михайловичу.

Стр. 78, строки 15—17. *На Кострому прибежал... Даниила изгнали.*—В 1652 году костромской протопоп Даниил вызвал против себя мятеж, очевидно, за строгость, с которой он относился к своей пастве.

Стр. 78, строки 27—28. *Посем Никон... Филиппа митрополита.*—Перенесение Никоном из Соловков в столицу мощей митрополита Филиппа (9 июля 1652 г.) предпринято было с целью поднятия авторитета церковной власти, приниженной при Иване Грозном самым фактом расправы с Филиппом.

Стр. 78—79, строки 28—6. *А прежде его приезду... чтоб ему быть в патриархах.*—Челобитная эта, о которой Аввакум упоминает и в «Книге на крестоборную ересь», до нас не дошла. «*За руками*»—с собственноручной подписью.

Стр. 79, строка 8. *и пишет к нему послание навстречю.*—Послание Алексея Михайловича с извещением о смерти патриарха Иосифа (15 апреля 1652 г.) было отправлено Никону, митрополиту новгородскому, в мае 1652 года. Напечатано в «Актах Арх. эксп.», IV, № 57, II, стр. 75—76.

Стр. 79, строка 15. *Егда поставили патриархом...*—Никон поставлен в патриархи 25 июля 1652 года.

Стр. 79, строки 15—16. *не стал и в крестовую пускать.*— Крестовая—зала для приемов и заседаний в патриаршем дворе.

Стр. 79—80, строки 17—1. *В пост великой прислал... трема персты бы есте крестились.*— В «памяти», посланной Никоном накануне Великого поста в 1653 году сначала протопопу Казанского собора Неронову, а затем и в другие места, речь шла об уменьшении числа земных поклонов (с семнадцати до четырех) во время покаянной молитвы Ефрема Сирина и о замене двуперстия троеперстием. В этих же строках Аввакум указывает на то, что его прочили протопопом в собор Спаса-на-Бору в Кремле, на место, освободившееся после смерти протопопа Силы.

Стр. 80, строка 4. *В Чюдов...*—в Чудов монастырь в Кремле.

Стр. 80, строки 5—6. *от образа глас бысть...*— Об этом «гласе» от образа Спаса Неронов говорит в письме к Стефану Вонифатьеву из Вологды от 13 июля 1654 года (Мат., I, стр. 99—100).

Стр. 80, строки 9—10. *коломенскому епископу Павлу... в новгороцких пределех...*—Епископ коломенский Павел, друг Неронова, сразу же стал во враждебные отношения к реформам Никона. Это был единственный архиерей, до смерти остававшийся в лагере старообрядцев. После собора 1654 года он был лишен епископской кафедры и отправлен в заточение. Точных сведений о последних годах жизни Павла (умер 3 апреля 1656 г.) мы не имеем. По одним сведениям, он после продолжительных мучений был убит по приказу Никона в Хутынском монастыре, в Новгородском уезде, по другим—сожжен в срубе в Новгороде.

Стр. 80, строки 12—16. *Мы же с Данилом... Никону отдал.*—Эти выписки до нас не дошли.

Стр. 80, строка 18. *в монастыре за Тверскими вороты...*—то-есть в Страстном монастыре, на б. Страстной площади в Москве.

Стр. 80, строки 24—25. *темниковскаго Даниила... у Спаса на Новом.*—В ред. *В* вместо «темниковскаго»—«никольскаго». Темников—город б. Тамбовской губ., Спас-на-Новом—б. Новоспасский монастырь в Москве.

Стр. 80, строки 25—29. *Таже протопопа Неронова... Колской острог.*—Первое столкновение Неронова с Никоном произошло, как об этом пишет сам Неронов, из-за заступничества Неронова за муромского протопопа Логгина. В июле 1553 года Никон созвал собор в связи с делом Логгина, по донесению муромского воеводы, будто бы похулившего образа спасителя, богородицы и всех святых. На этом соборе был и Неронов. Логгин собору дал следующее объяснение: «Я не только словами, но и мыслию не хулил святых образов, которым поклоняюсь со страхом, а сказал только жене воеводы муромского, у него на дому, когда она подошла ко мне на благословение: не белена ли ты? Слово мое подхватили гости и сам воевода и заговорили: ты, протопоп, хулишь белила, а без белил не пишут и образа. Я отвечал: какими составами пишутся образа, такие и составляют писцы, а если на ваши рожи такие составы наложить, то вы не захотите. Сам спас и пресвятая богородица и все святые честнее своих образов». Никон не удовлетворился объяснением Логгина и отдал его на мучение злому приставу, мстя протопопу за его прежнее обвинение патриарха «в небрежном и высокоумном и гордом житии». Неронов протестовал против расправы с Логгином, требуя тщательного розыска. «Тут дело великое, божие и царево,—добавил он,—и самому царю, по истине, следует быть на сем соборе». В ответ на это Никон будто бы сказал: «Мне-де и царская помощь не годна и не надобна, да таки-де на нее и плюю и сморкаю». Возмущенный Неронов, ссылаясь на ростов-

ского митрополита Иону как на свидетеля, в тот же день донес об оскорблении царя Вонифатьеву и самому царю. Никон через несколько дней вновь созвал собор, на котором отрицал произнесение оскорбительных слов по адресу царя. Митрополит Иона, сначала подтвердивший то, о чем доносил Неронов, затем отказался от своих слов. Неронов, выйдя из себя, горячо обрушился на Никона и на поддерживавший его собор, в результате чего и был осужден в ссылку в Спасов Каменной монастырь на Кубенском озере в Вологодском уезде, а затем—в укрепленный город Колу на Кольском (или Лапландском) полуострове.

Стр. 80—81, строки 29—2. *А напоследок... да так и умер.*—Обессиленный в борьбе с противниками, Неронов в 1667 году обратился к царю, патриархам и всему собору (1666—1667) с посланием, в котором он, «яко блудный сын», уподобившийся «скотам несмысленным», каялся в своем непокорстве, просил прощения и впредь обещал новопечатным исправленным книгам не прекословить ни словом, ни делом, ни помышлением (Мат., I, стр. 240—243). Умер Неронов в сане архимандрита с именем Григория 2 января 1670 года и похоронен в паперти соборной церкви московского Данилова монастыря. Сочувственное отношение Аввакума к Неронову, несмотря на отречение последнего от старой веры, объясняется, видимо, большой приязнью, которую всегда питал Неронов к Аввакуму. В 1664 году, в связи с присуждением Аввакума в ссылку в Пустозерск, Неронов обратился к Алексею Михайловичу с посланием, в котором горячо заступался за своего многострадального друга, прося отправить его в Сарскую пустынь, где в то время жил в ссылке сам Неронов (Мат. I, стр. 98—201). В письме к игумену Феоктисту Аввакум писал, имея в виду Неронова: «Про все пиши, а про старцово житье мне не пиши, не досажай мне им: не могут мои уши слышати о нем

хульных глагол ни от ангела. Уж то грех ради моих, в сложении перстов малодушьствует. Да исправит его бог,—надеюся!» (Памятн., столб. 909—910).

Стр. 81, строки 3—4. *всяк мняйся... не падет*— цитата из Послания ап. Павла к коринфянам, X, 12.

Стр. 81, строки 5—7. *аще возможно... избранныя* — цитата из Евангелия от Матфея, XXIV, 24.

Стр. 81, строки 10—16. *Таже меня взяли... до Андроньева монастыря...*—Краткое сообщение Аввакума об этом факте дополняется и проясняется прежде всего из письма священника Казанского собора Ивана Данилова к Ивану Неронову от 21 сентября 1653 года. Как только состоялось постановление Никона о ссылке покровителя Аввакума, Неронова, с Аввакумом перестали церемониться. У него, замещавшего Неронова в Казанском соборе во время его отлучек, в тот же день, когда Неронов был приговорен к ссылке—13 августа 1653 года, на всенощной было отнято «первенство». Аввакум не уступил, отказался служить и ушел из церкви. Проводив затем отправлявшегося в ссылку Неронова, Аввакум, вернувшись в Москву, не стал служить в Казанском соборе, а служил полуночницу в церкви Аверкия в Замоскворечьи. Но и там не поладив, он стал служить всенощную во дворе Неронова, в сарае («в сушиле»), переманив туда и прихожан из Казанского собора, причем иные из агитаторов за сушило прямо говорили: «В некоторое время и конюшня-де иные церкви лучше». Казанский причт, особенно Данилов, «не стерпев», донесли об этом Никону. В результате— арест Аввакума и богомольцев, бывших в сушиле (Мат., I, стр. 28—31). О том же сообщает и сам Аввакум в письме к Неронову от 14 сентября 1653 года: «Не пустили попы у Казанские в церкву и из придела выбили, по приказу архидьяконову, сказывают. И я,

горемыка, помянул изгнание великого святителя Златоустого и собрался с братиею о господе в дому твоем в сушиле после тебя в первое воскресение [это было в ночь с 20 на 21 августа] побдети... И в то время прииде дух от пустыни, обыдоша нас пси мнози, и сонм лукавых обступиша ны, и вскочиша в молитвенный дом Борис Нелединский со стрельцами и книги попраша, а меня почали бить взашей и за волосы драть в патрахели, а братью також перехватали, человек с сорок и больши» и т. д. (Мат. I, стр. 21—22). Очень показательно, что в своем «Житии» Аввакум о сушиле не упоминает, ограничиваясь лишь указанием, что его взяли «от всенощного»: с точки зрения церковно-канонической демонстративная служба в сарае, сопровождавшаяся отвлечением молящихся от храмов, была своего рода знаком отделения от церкви. Потому-то о соблазнительном факте служения в сушиле в «Житии» не упоминается вовсе, а в первой челобитной Аввакума к Алексею Михайловичу, где между прочим идет речь о той же расправе Нелединского, об этом говорится очень глухо. В тех же, видимо, целях—устранения компрометирующего Аввакума факта—известный вождь старообрядцев XVIII века Семен Денисов писал в своем «Винограде российском» о том, что Аввакум взят был со всенощной из Казанского собора, и это неверное утверждение повторялось затем и в XIX веке некоторыми ранними биографами Аввакума. Суровая расправа с провинившимся протопопом и его единомышленниками объяснялась, помимо указанного проступка, еще и тем, что он вместе с костромским протопопом Даниилом был автором челобитной, которую подал от имени «братии» Алексею Михайловичу по поводу ареста и ссылки Неронова. В этой челобитной, до нас не дошедшей, были допущены по адресу Никона, судя по письму Аввакума к Неронову, резкие выражения (ср. Мат. I, 23—24, 31).—Андроньев Спасов монастырь—в Москве.

Стр. 81, строки 19—20. *не знаю—на восток, не знаю—на запад.*—По старорусскому обычаю молиться нужно было на восток.

Стр. 82, строки 16—17. *в соборной церкви... остриг в обедню*—т. е. в Успенском соборе расстриг в обедню, лишил сана.

Стр. 82, строки 17—23. *Во время переноса... пущи жидовскаго действа!*—Возмущение Аввакума вызвано было, очевидно, тем, что ввиду возбуждения, царившего в храме, архимандрит с чашей у алтаря во время так называемого «великого входа» задержался дольше обычного. Называя находившиеся на дискосе части просфоры «телом Христовым», Аввакум утверждает тем самым факт «пресуществления даров» во время так называемой проскомидии, что ему и ставилось в вину как ересь.

Стр. 83, строка 13. *Таже в Никитин день ход со кресты...*—Никитин день—15 сентября. В этот день совершался крестный ход из Успенского собора в Никитский монастырь.

Стр. 83, строки 18—22. *и отдали дьяку Третьяку Башмаку... делал добро.*—Младший дьяк Сибирского приказа Третьяк Васильев Башмаков вскоре выступил с челобитной против справщиков церковных книг и ушел в монахи, приняв имя Савватия.

Стр. 83, строки 23—27. *Таже послали меня в Сибирь... и повезли до Тобольска...*—Дело Аввакума велось очень быстро, и он отправлен был из Москвы в Сибирь, видимо, числа 17 сентября 1653 года или близко к этому. У Аввакума, как он показал на допросе в Сибирском приказе 15 сентября, было четверо детей: три сына—Ивашка (девяти лет), Пронька (пяти лет) и Корнилка (восьми дней) и одна дочь—Агрипейка (восьми лет). Младшего сына, Корнилку, протопопица Настасья родила, следовательно, в Москве около 7 сентября. В черновом отпуске указной грамоты Симеону,

архиепископу Тобольскому, в числе отправляемых с Аввакумом указывалась и его племянница Маринка. (Ср. Никольский, стр. 159—160.)

Стр. 83, строки 27—29. *три тысящи верст... половину пути.*—В то время существовало две дороги в Сибирь: одна—южная, через Казань, большей частью водой, пригодная в летнее время, и другая—северная, через Вологду, зимняя, преимущественно сухопутная. Аввакум с семьей шел второй дорогой. В черновом отпуске проезжей грамоты намечены следующие пункты, через которые должен был следовать Аввакум в Тобольск: Переяславль-Залесский, Ярославль, Вологда, Тотьма, Устюг Великий, Соль-Вычегодская, Кайгород, Соль-Камская, Верхотурье, Туринский острог, Тюмень. (См. Сапожников, «Самосожжение в русском расколе». «Чтения в Общ. истории и древн. росс.», 1891, №3, стр. 7.)

Стр. 84, строки 1—2. *Архиепископ в Тобольске к месту устроил меня.*—Речь идет об архиепископе тобольском и сибирском Симеоне. В указной грамоте Симеону о ссылке Аввакума в Сибирь оговаривалось, что «священство у него, Аввакума, не отнято», и ссыльного рекомендовалось устроить при церкви в Тобольске или в ином городе по усмотрению архиепископа, с последующим извещением в Москву, в Сибирский приказ, о месте поселения Аввакума (Никольский, стр. 160). Симеон, принадлежавший, как и участники кружка Стефана Вонифатьева, к числу радетелей о церковном благочинии, старался приискать для своей епархии попов «небражников» и «неплутов» и потому сочувственно принял Аввакума, определив его протопопом тобольской Вознесенской церкви. Прибыл Аввакум в Тобольск, если полагаться на его указание, что он был тринадцать недель в пути, в конце декабря 1653 года.

Стр. 84, строки 3—4. *пять слов государевых сказывали на меня...*—«Слово и дело государево»—формула, сопровождавшая донос на кого-либо в государ-

ственном преступлении, отмененная в 1762 году Екатериною II при вступлении ее на престол.

Стр. 84, строки 4—27. *архиепископля двора дьяк Иван Струна... побегоша вспять.*—Вскоре после 24 января 1654 года архиепископ Симеон уехал почти на целый год в Москву, будучи вызван туда на собор, созванный Никоном против старообрядцев. На время своего отсутствия дела епархии он поручил приказному Григорию Черткову и, главным образом, дьяку Ивану Струне. Заместители архиепископа, особенно Струна, сильно злоупотребляли своим положением, и Симеон по своем возвращении в Тобольск в декабре 1654 года нашел, что в казенной, житейной и других службах епархиального Софийского дома «воровства и кражи объявилося много». В духовных судных делах Струна «правых винил, а виновных оправливал для своей бездельной корысти». За месяц до возвращения Симеона у Аввакума произошло столкновение со Струной, о котором он рассказывает здесь, из-за дьячка Антона, преследовавшегося Струной, видимо, по какому-либо судному церковному делу. (Ср. Никольский, стр. 144—145, 165—166.)

Стр. 84, строка 29. *к воеводе уйду.*—«Большим» воеводой в Тобольске с 31 мая 1652 года по 17 февраля 1656 года был князь Василий Иванович Хилков (1614—1677).

Стр. 85, строка 5. *меня стриг...*—Аввакум был расстрижен 13 мая 1666 года.

Стр. 85, строки 6—12. *Потом приехал архиепископ... и мое дело тут же помянул.*—Во второй своей челобитной, поданной в Сибирский приказ в 1659 году, архиепископ Симеон сообщал, что Ивану Струне «подали челобитную жена на мужа, а дочь на отца, что тот мужик дочь свою насильствовал. И он, вор, сделал по неправде. Мужика оправдал, а жену ево и дочь велел бить без пощады и отдал ему, мужику, головою

без всякия крепости». По приезде Симеона (14 декабря 1654 г.) дочь била ему челом на отца. Архиепископ велел сыскать. Мужик с дочерью был на очной ставке и дал на себя повинную. За это «пребеззаконное дело» Струна посажен был архиепископом в хлебню и взят на цепь. В челобитной, поданной царю в 1656 году, Струна жаловался на то, что Симеон его «в чепи и в железах мучил многое время» и притом «по челобитной ссыльного протопопа Аввакума» (Никольский, стр. 146, 162, 166). Упоминание Струной челобитья Аввакума объясняет слова последнего: «и мое дело тут же помянул».

Стр. 85, строки 13—14. *Он же, Струна... «слово и дело государево» на меня.*—В своей челобитной царю Струна, со слов памяти из Патриарша приказа в Сибирский, «не претерпля ево, архиепископли муки, в чепи и в железах пришел в съезжую избу и бил челом государю, а стольнику и воеводам, князю Василию Ивановичу Хилкову с товарищи, про тово протопоповы Аввакумовы неистовы слова извещал» (Никольский, стр. 162). Эти «неистовы слова», о которых мы ближе ничего не знаем, видимо, и послужили Струне материалом для того «слова и дела государева» на Аввакума, о которых упоминает последний. Но кроме того, судя по отписке тобольских воевод в Сибирский приказ, относящейся ко времени между 1 сентября и 31 декабря 1655 года, Струна «на того протопопа Аввакума извещал, что он, Аввакум, ходит с посохом, а посох де с яблоки вызолочен, а на рогах оправлено серебром и про иные его Аввакумовы бесчинства». Как явствует из той же отписки, у Аввакума изъяты были два посоха: «один точеный с яблоки золочен листовым золотом, а другой с яблоки ж крашен красками и золочен листовым же золотом по местам» (Никольский, стр. 160—161). Посох «с яблоками», то-есть с шарообразным верхом, символом святительской власти, был принадлежностью

архиерейского сана, в отличие от «двоерогого посоха», присвоенного священникам. Заведя себе посох не по чину, Аввакум тем самым как бы демонстративно присваивал себе иерархическое положение, которого он на самом деле не занимал. Такая демонстрация могла возбудить против него его врагов тем более, что он был опальным, ссыльным протопопом, от которого ждали не самовозвеличения, а, наоборот, смирения.

Стр. 85, строки 15—16. *Воеводы отдали ево... за пристав.*—Иван Струна, как явствует из челобитных архиепископа Симеона, сказал «слово и дело государево и патриаршее» не только на Аввакума, но и на него, архиепископа. А так как политический доносчик в Московском государстве пользовался особым покровительством во время производства следствия по его доносу и отдавался под охрану властей, то и Струна отдан был под начало, «за пристав» Петру Бекетову, энергичному «землепроходцу», открывателю новых земель в Сибири, присоединявшихся к Московскому царству. (Ср. Никольский, стр. 148, 165—166.)

Стр. 85, строки 18—21. *Подумав архиепископ... в церкве большой.*—«Неделя православия», в которую архиепископ предал проклятию в Софийском соборе Струну, приходилась в этот год (1655) на 4 марта. Об этом факте анафемствования Струны в памяти из Патриарша приказа в Сибирский 1656 году сказано следующее: «Да ево, Ивана, архиепископ Симеон без государева патриарша указу проклял и от церкви божии отлучил и священником в дом ево с святынею и со всякими потребами приходить и от нево никакова приношения в церковь примать не велел» (Никольский, стр. 162).

Стр. 85, строки 21—24. *Той же Бекетов Петр... и умре горькою смертию зле».*—Сильное возбуждение Петра Бекетова в связи с этим анафемствованием, от чего, видимо, последовала его скоропостижная смерть,

объясняется тем, что анафемствование Струны, да еще лицами, бывшими объектами доноса, было само по себе фактом соблазнительным и притом сильно компрометировавшим доносчика.

Стр. 86, строки 3—5. *Посем указ пришел... и укоряю ересь Никонову.*—Как видно, из отписки тобольских воевод в Сибирский приказ, ими получен был за подписью царя Алексея Михайловича указ о ссылке Аввакума на Лену, в Якутский острог. В этой отписке между прочим читаем: «По указу отца вашего государева и богомольца великого государя святейшего Никона патриарха московского и всея Великия и Малыя России, велено нам, холопем вашим, тобольского вознесенского протопопа Аввакума с женою и с детьми послать из Тобольска с приставом, с кем пригоже, и с провожатыми на Лену в Якуцкой острог к стольнику и воеводе к Михаилу Лодыженскому да к дьяку к Федору Тонково. И о том от себя к ним отписать. А велети б ему, протопопу Аввакуму, быти в Якуцком. А божественные службы, по указу отца вашего государева и богомольца великого государя святейшего Никона..., тому протопопу служить не велети» (Никольский, стр. 160). Запрещение Аввакуму служить было, однако, лишь временным и не означало лишения его сана. В Тобольске Аввакум таким образом пробыл слишком полтора года.

Стр. 86, строки 11—13. *Говорил тогда... меч, разделение...*—Аввакум имеет в виду, очевидно, первое послание Неронова к царю Алексею Михайловичу из Спасо-Каменного монастыря от 6 ноября 1653 года, в котором, однако, Неронов, разумея предстоящую войну с Польшей, писал лишь следующее: «аще бо сия брань не уставлена будет и церквам мир не предан будет, крепости не будет имети быти хотящая брань, но за премногое прогневание владыки нашего бога

велия погибель и тщета будет» (Мат. I, стр. 38). В житии Неронова, написанном после его смерти (1670), автор жития, говоря о пребывании Неронова в Кандоломском монастыре, пишет: «И пребысть тамо Иоанн два лета, и пророчествова о приближшемся наказании божии, и писаше к неким боголюбцем, яко грядет гнев божий с смертоносною язвою. Писаше и к супруге своей, да приимет чин иноческий, яко грядет мор; и собысться то его пророчество вскоре» (Мат., I, стр. 283).

Стр. 86, строки 19—21. *Таже сел... поехал на Лену.*—Аввакум отправился из Тобольска по направлению на Лену в Петров день, 29 июня 1655 года, как об этом он сам говорит ниже в «Житии», стр. 149, строка 19.

Стр. 86, строка 21. *в Енисейской...*—т. е. в Енисейский острог.

Стр. 86, строки 22—23. *велено в Дауры вести—двадцеть тысящ и больши будет от Москвы.*—Даурия—старинное название местности, находящейся на восток от озера Байкала и составлявшей часть Забайкальской области. Ныне это—название железнодорожной станции и военного пункта на русско-монгольской границе. Аввакум сильно преувеличил расстояние Даурии от Москвы; на самом деле оно не превышает пяти с половиной тысяч верст.

Стр. 86, строки 23—27. *И отдали меня Афонасью Пашкову... и мучит, и бьет.*—Афанасий Филиппович Пашков (ум. в 1664 г.), во время прибытия в Енисейск Аввакума бывший енисейским воеводой, в августе 1655 года получил приказание вместе с сыном своим Еремеем отправиться во главе отряда в несколько сот человек стрельцов и казаков в Даурию. Задачей экспедиции Пашкова было покорение земель, лежащих на Амуре, и установление там правильной администрации. Человек предприимчивый, смелый и энергичный, опытный администратор, Пашков вместе с тем отличался

жестокостью в обращении с подначальными людьми, довольно, впрочем, обычной у сибирских администраторов, особенно во время походов, когда приходилось усиленными карательными мерами удерживать в повиновении, в обстановке всяческих лишений, плохо дисциплинированное войско. О жестокостях Пашкова по отношению к духовенству доносил между прочим архиепископ Симеон, называвший его «великим озорником». (Подробнее об этом см. А. К. Бороздин, «Протопоп Аввакум», изд. 2-е, Спб. 1900, стр. 69—71, и приложение, стр. 117.)

Стр. 87, строка 1. *Егда поехали из Енисейска...*—Пашков во главе своего отряда выступил из Енисейска весной 1656 года.

Стр. 87, строки 1—2. *в большой Тунгузке реке...*—Большая, или верхняя Тунгузка (или Нижняя Ангара)—приток реки Енисея, вытекающий из озера Байкала.

Стр. 87, строка 7. *простоволоса ходя.*—По старорусским религиозным представлениям считалось грехом появление женщины при посторонних с непокрытой головой.

Стр. 87, строки 13, 21. Шаманский и Долгий (или Дубинский)—пороги на реке Ангаре.

Стр. 88, строки 8—15. *И аз ему малое писанейце написал... и послал к нему.*—Текст письма Аввакума к Пашкову до нас не дошел.

Стр. 89, строка 21. *Аще Иев и говорил так...*—Аввакум имеет в виду ропот Иова на бога за обрушившиеся на него бедствия, о чем идет речь в библейской Книге Иова.

Стр. 89, строки 26—28. *яко многими скорбьми... царство небесное*—цитата из Деяний апостолов, XIV, 22.

Стр. 90, строки 10—13. *Падуну... в щепы изломает...*—Падунский порог—один из опаснейших на реке Нижней Ангаре. Ширина реки здесь—две версты.

Вода падает по семи широким уступам. Один из фарватеров, наиболее доступный для прохождения судов, но все же затруднительный для плавания, носит название «Старых ворот».

Стр. 90, строки 20—26. *Сыне, не пренемогай... а не сынове есте*—цитата из Послания ап. Павла к евреям, XII, 5—8.

Стр. 90, строка 28. *привезли в Брацкой острог...*—Братский острог первоначально основан был в 1631 году на реке Ангаре против порога Падуна, затем, в 1654 году, перенесен к месту впадения реки Оки в Ангару. От острога сохранилась башня, в которой, по преданию, был заключен Аввакум.

Стр. 90—91, строки 29—1. *сидел до Филиппова поста.*—Так называемый «Филиппов пост» начинается за сорок дней до праздника Рождества, то-есть 14 ноября.

Стр. 91, строка 24. Хилок—левый приток реки Селенги, впадающей в Байкал.

Стр. 92, строка 21. Иргень—озеро к востоку от Байкала.

Стр. 92, строка 27. Ингода—река в системе Амура, вместе с рекой Оноком составляющая Шилку.

Стр. 93, строки 8—10. *У протопопицы моей однарядка... рублев в полтретьятцеть...*—Упоминание об однорядке протопопицы, которая была приобретена в Москве за двадцать пять рублей, указывает на то, что, будучи в Москве, Аввакум жил в немалом достатке: двадцать пять рублей по тогдашнему времени представляли собой очень большую сумму (лошадь стоила полтора рубля); годовая плата—на хозяйском содержании—работника-мужчины была пять рублей, а женщины—два с полтиной. (См. Никольский, стр. 138.)

Стр. 93, строка 12. Нерча—приток реки Шилки.

Стр. 93, строки 28—29. *И у меня два сына маленьких умерли в нуждах тех...*—При отправке

Аввакума в Сибирь у него было, как сказано выше, три сына—Иван, Прокопий и только что родившийся Корнилий. Иван и Прокопий далее упоминаются как живые,—следовательно, умер Корнилий и еще один, очевидно родившийся уже в Сибири.

Стр. 94, строки 6—7. *Кто даст... источник слез*—цитата из книги пророка Иеремии, IX, 1.

Стр. 94, строки 23—25. *бедная моя, на Мезени... закопаны сидят.*—О ссылке Аввакума с семьей в Мезень см. ниже, примечание к стр. 121. О рождении следующих за Аграфеной дочерей Аввакум в «Житии» ничего не говорит.

Стр. 95, строки 2—3. *не начный блажен, но скончавый*—перефразировка слов Евангелия от Матфея, XXIV, 13: «претерпевый же до конца, той спасется».

Стр. 95, строки 12—13. *яко ничто же успевает, но паче молва бывает*—цитата из Евангелия от Матфея, XXVII, 24.

Стр. 95—96, строки 29—3. *Древле благодать действовавше... Валааме... и человеческим гласом.*—В Книге Числ (XXII) говорится о том, что прорицатель Валаам, будучи приглашен царем моавитским Валаком проклясть израильтян, угрожавших его владениям, отправился на ослице к моавитянам. По дороге ослица, которой трижды был прегражден ангелом путь, трижды сворачивала с дороги, за что Валаам бил ее, пока она человеческим голосом не стала жаловаться Валааму на побои и пока ангел сам своими укорами не остановил Валаама. По повелению господа Валаам, вместо того чтобы проклясть израильтян, благословил их. Сообщаемое Аввакумом о греческих святых Юлиане и Сисинии не находит себе соответствия в известных нам памятниках, связанных с именами этих лиц.

Стр. 96, строки 3—4. *Бог идеже хощет, побеждается естества чин*—цитата из 3-й стихиры на Благовещение.

Стр. 96, строки 4—6. *Чти житие Феодора Едесского... мертваго воскресила.*—В житии Федора Едесского рассказывается, что, в ответ на попытку жены некоего князя соблазнить Федора, он исповедал свою христианскую веру, за что был замучен.

Стр. 96, строка 6. *Кормчая*—собрание законоположений, относящихся к церковному праву, действовавшему в практике русской православной церкви. В 1650 году «Кормчая» была впервые напечатана по повелению царя и с благословения патриарха Иосифа.

Стр. 96—97, строки 28—29. *Аще священника... богу помолись.*—Так как приверженцы старой веры игнорировали никонианское духовенство, то Аввакум дает здесь наставление своим единомышленникам, как им причащаться самим, на случай, если они не найдут священника-старообрядца. «Запасный агнец»—часть просфоры, заранее освященная и предназначенная для причащения больных, умирающих и находящихся в пути. Платочек, о котором тут говорится, должен заменить «антиминс», без которого в церкви нельзя совершать литургии. Рекомендуемая Аввакумом молитва—обычная церковная молитва перед причастием, произносимая священником и повторяемая причащающимся.

Стр. 98, строки 20—21. *На Москве с бояронею в Вознесенском монастыре вселились*—т. е. поселились со снохой воеводы Пашкова, боярыней Евдокией Кирилловной, в женском Вознесенском монастыре (в Кремле).

Стр. 98, строки 23—24. *Таже с Нерчи реки паки назад возвратилися к Русе.*—Построив на Нерче острог, Пашков 25 мая 1662 года выехал на Иргень-озеро, а оттуда направился в Москву. В Нерчинском остроге 12 мая 1662 года Пашкова сменил воевода И. Б. Толбузин.

Стр. 99, строка 27. *У бояронн*—т. е. у снохи Пашкова, Евдокии Кирилловны.

Стр. 102, строка 9. *в Мунгальское царство...*—в Монголию.

Стр. 102—103, строки 27—3. *Господи, хощеши ли... воину весь*—цитата из Евангелия от Луки, IX, 54—56.

Стр. 105—106, строки 28—1. *Аще живем... господеви умираем*—цитата из Послания ап. Павла к римлянам, XIV, 8.

Стр. 106, строки 8—9. *как войско у него побили все без остатку...*—А. Пашков писал в Москву в декабре 1661 года: «ходили от меня из Иргенского острогу с сыном моим с Еремеем на его, великого государя, непослушников на тунгусские улусы в поход, и в нынешнем 170 году, сентября в 4 день как будут на Ингоде реке, ночью покрадчи у сына моего Еремея и служилых людей ружье и многую всякую у служилых людей рухлядь, побежали на плотах вниз по Ингоде» (Доп. к Акт. Ист., т. IV, № 110, стр. 261).

Стр. 106, строка 24. *Десять лет он меня мучил...*—Если считать со времени прибытия Аввакума в Енисейск (1655 г.), где в то время воеводой был Пашков, и до отъезда Пашкова в Москву (1662 г.), последний мучил Аввакума не десять, а семь лет. Очевидно, здесь Аввакум круглой цифрой определяет время своей сибирской ссылки, длившейся в общей сложности одиннадцать лет. О гонениях на себя Пашкова Аввакум рассказывает также в памятной записке и в первой челобитной, адресованной царю Алексею Михайловичу. О том же речь идет и в челобитной архиепископа Симеона (А. К. Бороздин, ук. соч., стр. 117).

Стр. 107, строки 2—7. *А я, месяц спустя... поехали...*—Так как Пашков выехал из Нерчинского острога 25 мая 1662 года, то, следовательно, Аввакум начал путешествие из Сибири в Москву приблизительно в последних числах июня того же года или на несколько недель позже, если здесь имеется в виду отъезд не из Нерчинского острога, а с Игреня.

Стр. 107, строки 23—25. *Яко Раав блудная... спрятал ево...*—В главе II Книги Иисуса Навина рассказывается о том, как блудница Раав на кровле своего дома скрыла от преследования иерихонского царя двух юношей, посланных Иисусом Навином в Иерихон на разведки.

Стр. 108, строки 19—22. *Бог да простит... Аминь.*—Приписка в автографе рукой старца Епифания.

Стр. 109, строки 9—10. *запрещение то отступническое...*—Аввакум так называет постановление собора 1667 года, запрещавшее священнику самому крестить, исповедывать и причащать своих детей.

Стр. 109, строка 13. Петр (ум. 1326), Алексей (1300–1378), Иона (ум. 1461), Филипп (1507–1569)–митрополиты московские, признанные церковью святыми.

Стр. 110, строки 22—23. *Погода окинула на море, и мы гребми перегреблись...*—т. е. на море приключилась непогода, и мы гребли изо всех сил.

Стр. 111, строка 3. *больши романовскаго...*—Речь идет, вероятно, о сорте лука и чеснока, разводившегося в городе Романове-Борисоглебском.

Стр. 111, строки 17—19. *А человек... яко сень, преходят.*—Ср. Псалтирь, CXIII, 4.

Стр. 112, строки 12—14. *привязался еси... не ищи жены*—цитата из 1-го Послания ап. Павла к коринфянам, VII, 27.

Стр. 112, строки 22—29. *начах попрежнему... безбожную лесть.*—Митрополит тобольский и сибирский Игнатий впоследствии писал об Аввакуме и другом расколоучителе, Астомене: «Кто изречет оные хулы, яже сии сквернии человецы, Аввакум и Астомен, изрыгаша, и какова чадения, сиречь угару, прежде в России, потом же и в сибирской сей стране не исполниша» (Мат., V, 109).

Стр. 112—113, строки 29—1. *Таже приехал к Москве. Три годы ехал из Даур...*—Аввакум приехал

в Москву весной 1664 года. Таким образом путешествие его продолжалось не три года, как он пишет, а около двух лет.

Стр. 113, строка 25. Иван Богданович Камынин (ум. 1682) с 22 января 1659 г. по 16 сентября 1662 г.—воевода в Верхотурьи (город б. Пермской губ.).

Об участии к нему Камынина вспоминает Аввакум в «Житии» (ред. Б, стр. 173) в связи со своим заключением в Пафнутьевском монастыре.

Стр. 114, строка 3. *К Федору Ртищеву зашел...*—Ртищев Федор Большой Михайлович (1626—1673)—крупный государственный и общественный деятель, приближенный царя Алексея Михайловича, воспитатель его сына Алексея, образованнейший человек своего времени, основавший школу, в которой ученые монахи, вызванные из Киева, «обучали языкам славянскому и греческому, наукам словесным до риторики и философии». Принадлежа к кружку ревнителей благочестия и будучи близок на первых порах с Никоном, Ртищев в то время, отличаясь терпимостью, добротой характера и широтой воззрений, был чужд враждебности к старообрядцам, в частности к Аввакуму. В отношении к ним он склонен был становиться преимущественно на точку зрения богословско-академическую; в своем доме он устраивал диспуты, на которых давал возможность свободно высказываться представителям двух враждебных лагерей, не выказывая лично явного предпочтения ни одной из спорящих сторон.

Стр. 115, строки 5—24. *А се мне в Тобольске... благодеяния забыть?*—Рассказанное здесь относится ко времени пребывания Аввакума в Тобольске, при обратном его путешествии в Москву в начале 1664 года. Именно с этого года (по 1670 г.) воеводой в Тобольске был князь Иван Андреевич Хилков-меньшой. Царевнины именины, здесь упоминаемые,—видимо, именины царевны Татьяны Алексеевны, 12 января.

Стр. 116, строка 12. *на обычном месте*— т. е. на положенном для молитвы месте.

Стр. 118, строки 14—15. *и сколько друзей первых на Руси заедем...*—т. е. и сколько прежних друзей на Руси встретим.

Стр. 119, строки 12—14. *приказал государь... чтоб я молчал.*—Родион Матвеевич Стрешнев (ум. в 1667 г.)—в то время окольничий, заведующий Сибирским приказом. На него, так как он пользовался общим уважением и обладал репутацией беспристрастного и справедливого человека, царь Алексей Михайлович возлагал роль посредника в своих распрях и столкновениях как с Никоном, так и с Аввакумом. Как видно из дальнейшего, Стрешнев, наряду с другими лицами, принимавшими участие в судьбе Аввакума, оказал последнему материальную помощь.

Стр. 119, строки 16—18. *А се посулили мне... книги править...*—Симеонов день—1 сентября. Вряд ли перспективы Аввакума на получение места книжного справщика были реальны в виду явно враждебного его отношения к тогдашней практике исправления богослужебных книг.

Стр. 119, строка 21. *Лукьян духовник*—протопоп Лукьян Кириллов, царский духовник с 1657 по 1666 год.

Стр. 119—120, строки 26—3. *У света моей... в дому был.*—Боярыня Феодосья Прокофьевна Морозова, в то время вдова одного из первых бояр при царе Алексее Михайловиче—Глеба Ивановича Морозова, и княгиня Евдокия Прокофьевна Урусова, жена также приближенного к царю—кравчего князя Петра Семеновича Урусова,—родные сестры, рожденные Соковнины, родственницы Ф. М. Ртищева и свойственницы царя и царицы, ярые приверженницы раскола и последовательницы Аввакума. Ни убеждения, ни преследования и мучения, ни тягчайший тюремный режим не сломили

волю сестер. Они умерли, заключенные в Боровской (б. Калужской губ.) земляной тюрьме (Урусова—11 сентября 1675 года, Морозова—2 ноября того же года). Боярыня Анна Петровна Милославская, рожденная княжна Пожарская (ум. в 1669 году)—родственница царицы Марии Ильинишны, рожденной Милославской.

Стр. 120, строки 7—12. *паки заворчал... злодея и еретика.*—Имеется в виду первая челобитная Аввакума царю Алексею Михайловичу, написанная, видимо, вскоре по возвращении Аввакума из Сибири в Москву (см. стр. 279—287).

Стр. 120, строки 15—17. *с Федором юродивым... повеся на висилицу.*—Федор юродивый, с которым Аввакум впервые встретился, как он далее об этом говорит в «Житии» (стр. 128), в Великом Устюге, на пути из Сибири в Москву, и который стал после этого его духовным сыном, вместе с другим приверженцем Аввакума, Лукой Лаврентьевичем, был удавлен на Мезени в конце 1669 года.

Стр. 120, строка 25. *Павел архимарит*—архимандрит Чудовского монастыря Павел (ум. 1675)—ученый монах, группировавший вокруг себя киевских ученых, призванных в Москву для исправления славянского перевода Библии. 22 августа 1664 года Павел был возведен в сан митрополита крутицкого. Упоминаемое Аввакумом событие происходило, таким образом, до этой даты.

Стр. 121, строки 11—13. *понеже раби Христовы... службе ходить.*—Аввакум служил в эту пору в Софийской церкви, в Замоскворечьи.

Стр. 121, строка 16—17. *Сказывал... Салтыков.*—Боярин Петр Михайлович Салтыков (ум. 1690)—крупный административный деятель, в ту пору начальник Малороссийского приказа, принимавший деятельное участие в церковных делах, глава следственной комиссии по делу патриарха Никона.

Стр. 121, строка 17. *Да и повезли на Мезень.*— Аввакум сослан был в новую ссылку 29 августа 1664 года. Его сослали в Пустозерск, но с дороги, из Холмогор, Аввакум послал царю челобитную (см. стр. 288—289), полученную 21 ноября 1664 года. В ней он просил, ввиду трудности дальнейшего пути, оставить его в Холмогорах или где-нибудь в другом месте. В результате этой просьбы местом ссылки Аввакума была назначена Мезень (б. Архангельск. губ.), слобода близ устья реки Мезени, впадающей в Северное Ледовитое море.

Стр. 121, строка 20. *и детьми...*—У Аввакума в ту пору было шестеро детей: три сына—Иван, Прокофий и Афанасий, и три дочери—Агриппина, Акилина и Ксения.

Стр. 121, строки 23—24. *Полтора года... к Москве взяли...*—Аввакум был привезен в Москву 1 марта 1666 г.

Стр. 121, строка 27. *Пафнутьев монастырь*— близ города Боровска б. Калужской губ., в 90 верстах от Москвы. Аввакум отправлен был туда 9 марта 1666 г. (Мат., V, стр. 114).

Стр. 122, строки 2—3. *Сказку им тут... написал...*—«Сказка» эта до нас не дошла.

Стр. 122, строки 5—6. *Козма та... уговаривает...*— Дьякон Козьма уговаривал Аввакума в первый раз 12 сентября 1666 г., во второй раз—30 января 1667 г., т. е. уже после того как Аввакум, просидев семнадцать недель в Никольском монастыре на Угреше, вторично был отправлен в Пафнутьев монастырь.

Стр. 122, строка 19. *стязався власти со мною...*— С Аввакумом состязались церковные власти на соборе, заседания которого начались в феврале 1666 года.

Стр. 122, строки 20—21. *и стригли на переносе меня и дьякона Феодора...*—Расстрижение Аввакума и дьякона Федора в Успенском соборе после так называемого «великого входа», то-есть перенесения даров, происходило, как сказано выше, 13 мая 1666 г. Дьякон

Федор Иванов—один из виднейших деятелей раннего старообрядства. Его приверженцы считали его человеком «паче иных в божественном писании потрудившимся и много полезное о церкви вѣдущим», мужем «книгочтения всепотщательнаго и рассуждения добросиятельнаго». От него дошел до нас ряд посланий и полемических сочинений. В 1658 году, будучи определен дьяконом в Благовещенский собор в Москве, Федор сблизился с наиболее влиятельными представителями духовенства и стал известен царю. Не проявляя себя на первых порах пребывания в Москве в качестве активного сторонника старой веры, он, однако, в результате самостоятельных усердных изучений в области богослужебной традиции постепенно стал решительным сторонником позиций старообрядцев, вошел с ними в сношения и наконец прекратил служение по новым книгам. По распоряжению царя, в 1665 году у него дважды были отобраны келейные книги и бумаги, и он, будучи посажен на цепь в доме митрополита крутицкого Павла, неоднократно подвергался допросам, сопровождавшимся увещаниями и уговорами. На соборе 1666 года он держался очень агрессивно, результатом чего и было его расстрижение и отлучение от церкви 13 мая того же года. Далее следовали—заключение Федора в Никольский монастырь на Угреше, его временное, видимо неискреннее, раскаяние, новый допрос, перевод в Покровский монастырь, «что на убогих», новые увещания, бегство из монастыря, заключение, вероятно, в Троице-Сергиеву лавру, затем в московский Богоявленский монастырь, опять увещания и оставление собором 1667 года в силе приговора над ним собора предыдущего, с преданием его «градскому суду». 25 февраля 1668 г. Федору урезали язык и отправили в заключение в Пустозерск, куда он прибыл 20 апреля и где встретился с Аввакумом, с которым у него впоследствии начались раздоры на почве несогласий в догматических вопросах. Вместе

с другими узниками-староверами—Аввакумом, Лазарем и Епифанием—он был сожжен в срубе 14 апреля 1682 г.

Стр. 122, строки 24—25. *повезли нас ночью на Угрешу к Николе в монастырь.*—Аввакума, Федора и суздальского попа Никиту отправили в Никольский монастырь на Угреше (в 15 верстах от Москвы) 15 мая 1666 г. Никиту арестовали после Федора, и 10 мая 1666 г. он был «сана обнажен и проклят». По словам дьякона Федора, узников везли «мимо Коломенскова, не веси куды, странным путем, по берегу реки Москвы да по болотам, чтоб никто не видал знакомой, куды посадят». Далее он сообщает: «На Угрешу привезли в осьмом часу. И как привезли к монастырю нас, и взяли Аввакума два стрельца под руки и обвиша главу его япончею и повели на монастырь сторонними враты, что от рощи. И аз, необычное зря, ужасом одержим, стих, помнех в себе: в пропасть глубокую хотят сажать нас на смерть; начах прощатися с женою и чады и со всеми вами верными. И отведше Аввакума, не ведал, камо его деша» (Мат., V, стр. 422).

Стр. 123, строки 3—4. *Не им было, а бысть же было иным*—т. е. если бы не они это сделали, то сделали бы другие.

Стр. 123, строка 5. *нужда соблазнам прийти,*—цитата из Евангелия от Луки, XVII, 1.

Стр. 123, строки 6—7. *невозможно соблазнам... приходит соблазн*—цитата из Евангелия от Матфея, XVIII, 7.

Стр. 123, строки 16—17. *Держали меня у Николы... семнадцеть недель...*—Аввакум сидел в Никольском монастыре на Угреше до 5 сентября, после чего был переведен в Пафнутьев монастырь.

Стр. 123, строки 17—18. *Тут мне... тамо обрящеши.* — В челобитной Алексею Михайловичу (пятой), посланной в 1669 году из Пустозерска (см. стр. 293—298), Аввакум рассказывает о том,

что, в то время как он, сидя в заточении у Николы-на-Угреше, молился усердно за душу царя, чтобы бог исцелил ее от заблуждений, ему было видение. Пред ним предстал царь или его ангел. Аввакум обрадовался и стал лобызать и обнимать его с умильными словами. В это время он увидел на брюхе царя большую язву, наполненную гноем. Положив царя навзничь на свой войлок, он стал с молитвами и поклонами язву сводить руками, окропляя ее слезами, и язва исчезла. Но повернув царя спиною вверх, Аввакум еще большую язву увидел на царской спине. Проделав над ней то же, что и над первой язвой, он однако не достиг прежних результатов: язва «мало-мало посочилася и не вся исцеле». И тогда Аввакум очнулся от видения, не исцелив царя до конца.

Стр. 123, строки 23—26. *велико нестроение... отпросила меня.*—Царица Мария Ильинишна (1625—1669), первая жена Алексея Михайловича, была из рода бояр Милославских. Милославские и их родственники Морозовы—одни были горячими приверженцами Аввакума, другие покровительствовали ему.

Стр. 124, строки 2—4. *И. Воротынский... приезжал...* Князь Иван Алексеевич Воротынский (ум. 1679)—с 1664 года боярин и дворецкий царя Алексея Михайловича.

Стр. 124. строки 11—12. *Князь Ивана... батожьем били.*—Речь идет о князе Иване Ивановиче Хованском (ум. 1701), приверженце старообрядства. В 1664 году он был стольником.

Стр. 124, строка 12. *как Исаию сожгли.*—Исаия—дворовый человек боярина Петра Салтыкова.

Стр. 124, строки 13—14. *А бояроню ту... и ея мучат...*—Единственный сын Морозовой—стольник Иван Глебович Морозов умер в 1671 или 1672 году. Разлученный с матерью, сын с горя заболел. Царь прислал к нему лекарей, но, по словам составителя жития

Морозовой, «они так его улечили, что в малых днях к гробу предаша». Со смертью молодого Морозова, действительно, дом Морозовых был разорен: все почти движимое и недвижимое имущество их было разделено боярами или распродано. Мучили Морозову сначала в московском Печерском монастыре, а затем, после смерти патриарха Питирима (ум. 19 апреля 1673)— в Боровске.

Стр. 124, строки 24—26. *Посем свезли... год без мала.*—Аввакум на этот раз пробыл в Пафнутьевом монастыре с 5 сентября 1666 года до 30 апреля 1667 года. Говоря о своем пребывании здесь в течение «года без мала», Аввакум ведет счет, очевидно, со времени первоначального заточения своего в Пафнутьев монастырь—9 марта 1666 года. На этот раз отсылка его в Пафнутьев монастырь сопровождалась данным игумену монастыря Парфению строгим наказом: «посадить Аввакума в тюрьму и беречь ево накрепко с великим опасением, чтоб он с тюрьмы не ушел и дурна никакова б над собою не учинил, и чернил и бумаги ему не давать, и никого к нему пускать не велеть, а корму давать как и прочим колодникам» (Мат., I, 371).

Стр. 124—125, строки 28—2. *табаку испил... поигравше творят.*—Митрополит газский Паисий Лигарид, приехавший в Москву 12 февраля 1662 года, сразу же сумевший завоевать себе выдающееся положение в церковных делах и внушить к себе доверие царя, был человек от природы умный и образованный; он был типичным авантюристом, жадным до денег и почестей, не пренебрегавшим самыми неблаговидными средствами для достижения всяческих жизненных благ. Для своего обогащения он занимался торговлей, спекуляцией и даже не брезговал присвоением чужой собственности. Операции Лигарида с таким запретным на Москве зельем, как табак, весьма для него показательны. Отрешенный от архиерейского сана за самовольное

оставление епархии и таким образом самозванно продолжавший именовать себя митрополитом газским, Лигарид сыграл огромную роль в деле низложения Никона, следовательно, и в судьбах русской церкви.

Стр. 125, строка 6. *на велик день...*—т. е. на Пасху.

Стр. 126, строки 13—14. *горе... человецы*—цитата из Евангелия от Луки, VI, 26.

Стр. 126, строки 17—19. *Тут же приезжал... удавленной мой...»*—Тайное посещение Аввакума в заключении его сыновьями, Иваном и Прокофием (на этот раз вместе с юродивым Федором, позже, в конце 1669 года повешенным в Мезени), было вторичным. В первый раз сыновья Аввакума вместе с его племянником Макаром Козьминым тайно навещали его в Никольском-на-Угреше монастыре 7 июля 1666 года, за что все трое подверглись аресту и допросам (Мат., I, стр. 359—370).

Стр. 126, строки 22—26. *у архиепископа на дворе... антихристову таинству.*—Об Иларионе, епископе рязанском, см. примечание на стр. 419.

Стр. 128—129, строки 29—1. *Хорош был и Афонасьюшко...*—Афанасий, в иночестве Авраамий, был преданным учеником Аввакума и одним из видных деятелей раннего старообрядства. Ему принадлежит ряд сочинений, в том числе «Слово об Антихристе», направленное против Никона, обширная челобитная царю Алексею Михайловичу и др. Он, видимо, был составителем сборника «Христианоопасный щит веры против еретического ополчения», представляющего собой свод материалов для полемики с никонианами. В 1670 году он был арестован за хранение и распространение противоникониапских писаний и за переписку с Аввакумом, расстрижен и, видимо весной 1672 года, сожжен в Москве на Болоте.

Стр. 129, строки 16—18. *и волоча многажды... вселенских патриархов...*—Аввакума приводили в Чудов

монастырь 3 и 11 мая 1667 г. Там его уговаривали архимандриты—чудовский Иоаким и спасский (из Ярославля) Сергий. 17 июня его поставили перед патриархами, заседавшими на церковном соборе,—Макарием антиохийским, Паисием александрийским и Иосафом вторым московским.

Стр. 129, строки 21—26. *Последнее слово... так де не подобает».*—Вряд ли патриархи в защиту троеперстия могли подкреплять его ссылкой на католиков-римлян, к благочестию которых одинаково недоверчиво относились и никониане и старообрядцы. Тут, очевидно, мы имеем дело с передержкой со стороны Аввакума. Здесь и ниже о крестном знамении старообрядцев говорится как о пятиперстии, что, однако, тождественно с двоеперстием, так как при двоеперстном знамении крест возлагался молящимся всеми пятью пальцами, тогда как у никониан лишь тремя—большим, указательным и средним, в то время как безымянный и мизинец оставались прижатыми к руке.

Стр. 129—130, строки 27—8. *Рим давно упал... и церковь не мятежна.*—В этих строках—типичное выражение того национального самомнения, которое еще с начала XVI века нашло себе выражение в представлении о Москве как о третьем Риме, наиболее определенно впервые сформулированном старцем Филофеем в его послании к Василию III в 1516 году. *От насилия турского Магмета*—со времени завоевания турецким султаном Магометом Константинополя в 1453 году.

Стр. 130, строки 11—14. *по преданию святых отцов...Максима Грека.*—Мелетий, епископ антиохийский (ум.381), приобрел себе большой авторитет у старообрядцев тем, что при вступлении на антиохийскую кафедру, как говорится об этом в сказании о нем, вошедшем в русские Пролога с XIV века, он при произнесении речи якобы сначала показал три перста, а потом, два согнув, оставил один. Об этом говорилось в сказании

о Мелетии, помещенном в славяно-русском Прологе под днем его памяти—12 февраля. (Видимо, этот жест, если он и был сделан Мелетием, означал единство божества при троичности лиц.)—Феодорит киринейский (кирский) (386—457), крупнейший церковный писатель V века, известен главным образом как борец с ересью монофизитов. В середине XV века, когда рядом с обычным двуперстием на Руси стало распространяться и троеперстие, возникло на русской почве подложное, так называемое «Феодоритово слово», в котором от лица Феодорита защищалось двуперстие.—Петр Дамаскин—ученый монах, живший во второй половине XII века в Дамаске. В его сочинениях старообрядцы находили подтверждение правильности двуперстия.—Максим Грек (1480—1556)—ученый монах, прибывший на Русь в 1518 году для перевода на славянский язык греческих богослужебных книг и поплатившийся за это заточением. В многочисленных своих сочинениях он выступал обличителем непорядков современной ему церковной и общественной жизни. В своем слове «Како подобает знаменоватися крестным знамением» Максим Грек действительно признавал двуперстие, но, видимо, как разъясняет Голубинский, считая его равноправным с троеперстием.

Стр. 130, строки 14—18. *Еще же и московский поместный собор... и прочии, научиша.*—Московский поместный собор 1551 года, так называемый «Стоглавый», в главе 31, трактующей о крестном знамении, постановил считать единственно правильным двуперстие: «такоже подобает,—читаем в этой главе,—и всем православным крестьяном руку уставляти и двемя персты крестное знамение на лице своем воображати и поклонятися, якоже и преди рехом. Аще ли кто двемя персты не благословляет, яко же и Христос, или не воображает крестнаго знамения, да будет проклят» («Стоглав», изд. 3-е, Казань 1912, стр. 64—65).

Стр. 130, строки 18—21. *Тогда при царе Иване... от святых русских.*—Гурий (около 1500—1563)—во время Стоглавого собора епископ смоленский и брянский, впоследствии архиепископ казанский. Варсонофий (1495—1576)—во время Стоглавого собора архимандрит казанского Спасопреображенского монастыря, впоследствии епископ тверской, умерший на покое в Казани. Оба канонизованы в 1595 году. Филипп—во время Стоглавого собора игумен Соловецкого монастыря, впоследствии известный митрополит московский. Все трое названы «знаменоносцами» потому, что у них, как у схимников, на мантии и на клобуке были вышиты знаки (знамения) креста.

Стр. 131, строки 3—4. *лутче един... тьмы беззаконных*—цитата из Книги премудрости Иисуса, сына Сирахова, XVI, 3.

Стр. 131, строки 7—8. *человек их с сорок, чаю, было...*—Сорок было, конечно, не патриархов, а членов собора.

Стр. 131, строка 9. *Ухватил... Уаров...* Дьяк Иван Уарович Калитин был доверенным человеком и другом Никона.

Стр. 131, строка 11. *толмачю архимариту...*—переводчику, состоявшему при греческих патриархах, архимандриту Дионисию. Грек Дионисий, архимандрит афонского Иверского монастыря, прибыл в Москву в качестве настоятеля московского Никольского греческого монастыря в 1655 году и затем принимал участие в исправлении богослужебных книг. Как человек хорошо знавший русский язык и хорошо осведомленный в тогдашних русских церковных делах, он был советником патриархов в вопросах, касавшихся старообрядства.

Стр. 131, строки 13—14. *таков нам... незлобив*—цитата из Послания ап. Павла к евреям, VII, 26.

Стр. 131, строки 20—22. *мы уроди... мы же немощны...*—цитата из 1-го Послания ап. Павла к коринфянам, IV, 10.

Стр. 132, строка 2. *повезли меня на Воробьевы горы...*—Аввакум вместе с попом Лазарем и иноком Епифанием отвезен был на Воробьевы горы (в окрестностях Москвы) в июне 1667 года, непосредственно после его состязания с патриархами. На Воробьевых горах находился тогда построенный Ф. М. Ртищевым в 1648 году Андреевский монастырь, в котором были поселены киевские ученые, прибывшие в Москву для исправления книг. Сюда присланы были 26 июня для увещания непокорных расколоучителей дьяк Конюшенского приказа Т. С. Марков и старец Григорий Неронов, тогда уже раскаявшийся и примирившийся с никонианами.

Стр. 132, строки 3—4. *тут же—священника Лазоря и инока Епифания старца...*—Священник г. Романова (на Волге) Лазарь, принадлежавший в свое время к кружку ревнителей благочестия, был одним из видных деятелей раннего старообрядства. Отличаясь большой начитанностью, он оставил после себя несколько сочинений, в которых обнаружил по сравнению с Аввакумом относительную сдержанность и терпимость к противникам. За оппозицию к Никону он одновременно с Аввакумом в 1653 году был сослан в Тобольск, откуда затем его велено было перевести «за неистовое прекословие» в Пустозерск. Из Пустозерска Лазарь в 1666 году был затребован в Москву на церковный собор для суда над ним и 31 августа того же года выехал из Пустозерска. В ноябре 1666 года он был допрошен на соборе, а 17 июля 1667 г. предан анафеме. Сожжен в Пустозерске 14 апреля 1682 г. вместе с Аввакумом, Епифанием и дьяконом Федором.—Инок Епифаний пришел в Москву из Соловков на суд церковного собора в 1666 году.

Стр. 132, строка 9. *Анна и Каиафа*—иудейские первосвященники, по словам Евангелия, судившие Христа.

Стр. 132—133, строки 14—14. *Потом с Воробьевых гор... о нем бога молю.*—События, кратко и иногда с нарушением хронологической последовательности рассказанные Аввакумом в этих двух абзацах, развертывались следующим образом. 30 июня Аввакум, Лазарь и Епифаний были отвезены на Андреевское подворье (в Москве), куда приезжал к Аввакуму Д. М. Башмаков. Отсюда узников перевезли в Саввину слободку близ Москвы, а затем—в Никольский-на-Угреше монастырь. В ночь с 4 на 5 июля Аввакум был отправлен назад в Москву, на Никольское подворье, где его уговаривали три архимандрита—владимирского Рождественского монастыря Филарет, новгородского Хутынского—Иосиф и ярославского Спасского—Сергий. 8 июля к Аввакуму «по цареву велению» для новых уговоров приезжал Д. М. Башмаков. 10 июля с той же целью приезжали друг и приближенный Алексея Михайловича Артамон Сергеевич Матвеев (1625—1682), в то время состоявший при восточных патриархах, заседавших на церковном соборе, и архимандрит чудовский Иоаким, и в тот же день Аввакума брали в Чудов монастырь для уговоров митрополит Павел крутицкий и архиепископ Иларион рязанский. 11 июля Аввакума вновь уговаривал архимандрит Иоаким. 17 июля состоялся над «расколоучителями» приговор церковного собора, осудившего их и предавшего анафеме. 20 июля Аввакум, Лазарь, Епифаний, дьякон Федор и симбирский протопоп Никифор отправлены были в Никольский монастырь на Угрешу; 22 июля к Аввакуму приезжал стрелецкий голова Юрий Петрович Лутохин. После этого в июле же Аввакума, Лазаря и Епифания вновь перевезли в Москву на Никольское подворье. Здесь 5 августа всех троих вторично допрашивали архимандриты Филарет, Иосиф

и Сергий и взяли у них «сказки о правоверии». (Вопросы, предложенные архимандритами Аввакуму, и ответы на них Аввакума см. в Мат., II, стр. 21—23.) 22 и 24 августа к Аввакуму приходили Артамон Матвеев и известный ученый киевский монах Симеон Полоцкий, «и зело было стязание много: разошлися яко пьяны» (см. Мат., II, стр. 21—26, 32—34; V, стр. 115, 117, 118).

Стр. 133, строки 15—16. *Таже, братию казня, а меня не казня, сослали в Пустозерье.*—Указ о ссылке в Пустозерск Аввакума, Никифора, Лазаря и Епифания был подписан 26 августа 1667 г. На следующий день Лазаря и Епифания «казнили» на Болоте (в Замоскворечьи), урезав им языки. Сосланные прибыли в Пустозерск 12 декабря 1667 г.

Стр. 133, строки 16—20. *И я из Пустозерья... чтый да разумеет.*—Аввакум имеет здесь в виду четвертую и пятую свои челобитные Алексею Михайловичу (см. ниже).

Стр. 133, строки 21—25. *Еще же от меня... о догматех церковных.*—Речь идет о сочинении дьякона Федора «Книга—ответ о православных догматех» (напечатано в Мат., т. VI, стр. 269—298 и 315—334), посланном около 1 сентября 1669 года через некоего мезенца Поликарпа.

Стр. 133, строки 25—27. *Еще же и от Лазаря... царю и патриарху.*—Лазарь написал «сказки» царю и патриарху и подал о них челобитную (см. Мат., т. IV, стр. 266—284, и Барсков, стр. 53—67) 20 февраля 1668 года.

Стр. 134, строка 7. *вопросил его Пилат.*—Пилатом Аввакум называет стрелецкого полуголову Ивана Елагина, упоминаемого ниже под своим собственным именем. Усвоение Елагину ставшего нарицательным имени «Пилат» объясняется тем, что своей жестокостью Елагин ассоциировался у Аввакума с Пилатом, предавшим Христа на казнь.

Стр. 134, строки 24—26. *Некогда и друг... прощен бысть.*—Речь идет об отречении от Христа апостола

Петра, рассказанном в Евангелии. *И, исшед вон, плакася горько*—цитата из Евангелия от Матфея, XXVI, 75.

Стр. 135—137, строки 1—5. *Посем той же полуголова... за четырьми замками...*—Стрелецкий полуголова Иван Елагин приехал в Пустозерск весной 1670 года. 14 апреля того же года состоялась «казнь» Лазаря, Епифания и Федора. По словам старца Епифания (см. его «Житие»), Елагин, собрав пустозерских узников, спросил их: «Веруете ли вы в символе веры в духа святаго не истинного? и тремя персты креститися хощете ли по нынешнему изволу цареву? Аще приимите сии две тайны, и царь вас вельми пожалует». В ответ на это узники заявили: «Мы веруем и в духа святаго господа истинного и животворящаго, а тремя персты креститися не хотим, нечестиво то». И далее Епифаний пишет: «И по три дни нудили нас всяко сии две отступные вещи приняти, и мы их не послушали, и они нам за то по наказу отрезали языки и руки отсекоша: Лазарю священнику по запястие, Федору дьякону поперег долони, мне, бедному, четыре перста (осмь костей) и посем отведоша нас, бедных, в старые темницы,—ох, ох, увы, увы, дней тех,—и обрубиша около темницы наших струбы и осыпаша в темницах землею и тако погребоша нас живых в землю с горькими и лютыми язвами и оставиша нам по единому оконцу, куды нужная пища приимати и дровишек приняти» (Барсков, стр. 256).

Стр. 137, строки 6—7. *стражие же пред дверьми стрежаху темницы*—цитата из Деяний апостолов, XII, 6.

Стр. 137, строки 8—15. *поем... песни песнем... в силе своей.*—Здесь Аввакум перефразирует первые два стиха IV главы Песни песней Соломона, в которой однако Соломон воспевает не мать свою Вирсавию, а возлюбленную Суламифь.

Стр. 137—138, строки 28—2. *шедше в мир... осужден будет*—цитата из Евангелия от Марка, XVI, 15—16.

Стр. 138, строки 12—14. *не может древо... плод добр творити*—цитата из Евангелия от Матфея, VII, 18.

Стр. 139, строка 5. *крест... переменить...*—Здесь имеется в виду замена восьмиконечного креста четырехконечным.

Стр. 139, строки 9—12. *и около купели... против солнца же водят...*—Во всех этих случаях до Никоновской реформы в русской церкви практиковался обычай ходить «посолонь», то-есть по течению солнца.

Стр. 139, строки 17—18. *печатай, Арсен...*—Арсений Грек, справщик церковных книг при Никоне, приехал в Москву в 1649 году вместе с иерусалимским патриархом Паисием. В глазах консервативно настроенных москвичей он был человеком весьма подозрительным, так как, будучи выучеником иезуитской коллегии в Риме, приняв, хотя и вынужденно, на время магометанство, затем став униатом, не внушал к себе доверия прежде всего с точки зрения своих моральных качеств. Вскоре же по прибытии в Москву он за «еретичество» был сослан в Соловки, но в 1652 году освобожден и сделан Никоном справщиком и переводчиком богослужебных и канонических книг. Им, между прочим, переведена была «Скрижаль» Иоанна Нафанаила—книга, содержавшая в себе толкование литургии и церковных обрядов, напечатанная в 1665 году. В 1662 году Арсений вновь сослан был в Соловки, пробыв там на этот раз четыре года. Участие Арсения в книжных исправлениях само по себе было достаточным поводом для того, чтобы в глазах противников Никона скомпрометировать его реформаторскую деятельность.

Стр. 140, строки 12—13. *аще и невежда словом, но не разумом*—цитата из 2-го Послания ап. Павла к коринфянам, XI, 6.

Стр. 140, строки 20—21. *книгою святаго Ефрема Сирина...*—Ефрем Сирин—один из виднейших отцов церкви IV века. Слова и поучения его, особенно собран-

ные в книге «Паренесис», известны были на Руси с XIII—XIV века. Мрачная философия Ефрема Сирина, проникнутая мыслями о тщете жизни и торжестве смерти, пришлась особенно по времени в пору гонений на приверженцев старой веры, а слово его об Антихристе оказалось злободневным в связи с толками о пришествии Антихриста как раз в это время.

Стр. 141, строки 13—14. *призри на мя и помилуй мя!*—цитата из Псалтири, CXVIII, 32.

Стр. 142, строки 18—22. *аз ти о имени господни... бог призирает...* выдержка из молитвы Василия Великого «над обуреваемыми нечистым духом и над крещающимися».

Стр. 143, строка 22. Сундовик—правый приток Волги, протекающий в б. Нижегородской губернии.

Стр. 144, строки 17—20. *к другу своему Илариону... мучитель стал христианский.*—Иларион с 1649 по 1656 год был игуменом макарьевского Желтоводского монастыря. Пробыв затем недолго архимандритом нижегородского Печерского монастыря, он в 1657 году стал архиепископом рязанским, а с 13 июня 1669 г.—митрополитом. Был суровым противником и гонителем старообрядцев. Умер 6 июня 1673 г. Судя по тому, что Аввакум говорит здесь о нем как еще о живом, можно полагать, «Житие» написано было до середины 1673 года. О том, что Иларион за четыре года до смерти был возведен в сан митрополита, Аввакум мог не знать.

Стр. 146, строки 8—10. *И как рыбою покормлю... меня ослабил!*—Протест беса против рыбы объясняется тем, что рыба считалась символом Христа.

Стр. 147, строка 8. Полный текст так называемой «Исусовой молитвы», вошедшей в обращение на Руси с XV века и перешедшей сюда от афонских «исихастов» (безмолвников), таков: «Господи Исусе Христе, сыне божий, помилуй мя грешнаго».

Стр. 148, строки 14—15. *да не имать со мною части во царствии небеснем!*—перефразировка слов Христа,

сказанных апостолу Петру во время омовения ног перед «тайной вечерей» (Евангелие от Иоанна, XIII, 8).

Стр. 149, строки 3—4. *во время переноса и досадил мне.*—По старорусским демонологическим представлениям, дьявол делал обычно последнюю попытку овладеть своими жертвами во время одного из центральных моментов литургии—переноса «даров» с жертвенника на престол.

Стр. 150, строка 21. *«О всепетую» проговоря...*—заключительный «икос» акафиста богородице.

Стр. 156, строки 2—3. *и пять тысяч пятьсот лет во аде был осужден.*—Аввакум исчисляет время от библейской даты сотворения мира до рождества Христова в 5500 лет. Эту цифру старообрядцы отстаивали против цифры 5508, принятой никонианами. (Ср. Мат., IV, стр. 194.)

Стр. 156, строки 8—9. *повелеваю ти, напиши и ты рабу тому Христову...*—Старец Епифаний повеление Аввакума исполнил и написал свое «Житие». Текст см. Барсков, стр. 229—262.

Стр. 156, строки 19—25. *елика сотвори... дела своя*—цитаты из Деяний апостолов, XV, 4; XIX, 17—18.

Варианты редакций Б и В «Жития»

(стр. 159 — 195)

Стр. 160, строка 15. *Сердитовал на меня... было досадно.*—Обычный тогда протест против затягивания церковной службы, в результате перехода от привычного «многогласия» к «единогласию», вводившемуся по инициативе ревнителей благочестия.

Стр. 161, строки 15—16. *Царь его на патриаршество зовет, а он быдто не хочет...*—Желая склонить Никона, занявшего позицию упорного отказа от патриаршества, царь упрашивал его на коленях о согласии,

после чего Никон уступил, выговорив однако себе беспрекословное послушание со стороны царя и бояр.

Стр. 161, строки 17—18. *а со Анною по ночам укладывают...*—Речь идет об Анне Михайловне Ртищевой, по мужу Вельяминовой, сестре Федора Большого Михайловича Ртищева, «второй верховой боярыне», горячей стороннице реформы Никона. О последнем в толковании 44 псалма Аввакум говорит: «Ум отнял у милова (то-есть царя), у нынешнева, как близь его был. Я ведь тогда тут был, все ведаю. Всему тому сваха Анна Ртищева со дьяволом».

Стр. 161, строки 22—25. *Лишо о братиях... попом в церкви.*—Аввакум упоминает о четырех своих братьях: Григории, Козьме, Герасиме и Ефмимии. Двое из них умерли в мор 1554 года, как об этом говорит сам Аввакум.

Стр. 162, строки 4—5. *из Хамовников...*—Хамовники—район Москвы.

Стр. 163, строки 9—10. *се полагаю... и камень соблазну*—цитата из Послания ап. Павла к римлянам, IX, 33.

Стр. 163, строки 16—18. *Но аще кто преткнется... сотрыет его*—цитата из Евангелия от Луки, XX, 18.

Стр. 164, строки 8—9. *яко Лазаря во гною у вратех богатаго...*—Сравнение взято из евангельской притчи (Лука, XVI, 19—31) о богатом и Лазаре.

Стр. 164, строки 26—27. *что Авраам у дуба мамврийска.*—В Книге Бытия, XIII, 18, говорится о том, что Авраам, расставшись с Лотом, поселился у дубравы Мамре.

Стр. 165, строки 21—22. *Постриг я его и поскимил, к Москве приехав...*—Афанасий Пашков принял от Аввакума пострижение и схиму перед самой своей смертью, в 1664 году. О пострижении Пашкова Аввакум писал жене и детям на Мезень (см. стр. 326).

Стр. 167, строки 2—5. *внутрь убо страх, а вне убо боязнь... уже бо де не надеяхомся... и избавляет—*

цитаты из 2-го Послания апостола Павла к коринфянам, VII, 5, и I, 8, 10.

Стр. 167, строки 8—10. *яко аще не бы, господь... пожерли быша нас*—цитата из Псалтири CXXIII, 2.

Стр. 168, строка 2. *любите враги ваша и благотворите*—цитата из Евангелия от Матфея, V, 44.

Стр. 171, строки 5—6. Спальное крыльцо—крыльцо перед царским теремом, около которого находилась команда царской стражи. Тайнишные водяные ворота—потайные ворота из Кремля к Москве-реке.

Стр. 171, строка 8. Дементий Минич Башмаков—дьяк приказа тайных дел, позднее, при царе Федоре,—печатник.

Стр. 171, строки 15—16. *Не надейтеся... несть спасения.*—Цитата из Псалтири, CXLV, 3.

Стр. 171, строки 25—27. *а оне бедные... в Москву взяли опять...*—Федора и Никиту перевезли с Угреши в Москву 26 августа 1666 года.

Стр. 173, строки 7—10. Об И. Б. Камынине см. выше, пояснение на стр. 406.

Стр. 176, строки 2—3. *клабуки те рогатые ставцами теми носят.*—Позднейший монашеский клобук, верхняя часть которого, камилавка, представляет собой род высокого ставца, расширенного кверху цилиндра с обрезанными полями, вошел в употребление со времени Никона, заимствовавшего его у греков. Дониконовская камилавка, сохраненная старообрядческим духовенством и теперь,—круглая маленькая шапочка, скуфейка. Никоновский клобук Аввакум называет «рогатым», очевидно потому, что, значительно возвышаясь над головой, он напоминал собой рога.

Стр. 176, строки 18—20. *Я после ево написал послание и... к царю послал...*—Это послание Аввакума до нас не дошло.

Стр. 177, строки 9—11. *Тайна царева... преславно есть.*—Начало жития Марии Египетской, входящего в так называемую «Постную триодь».

Стр. 178, строки 5—10. *а двоих сынов моих... к матери прибрели...*—«Порушная запись» с сыновей Аввакума Ивана и Прокофия была взята 20 сентября 1666 года. «Прибрели» они из Москвы на Мезень летом 1669 года.

Стр. 179, строки 4—5. *с доброю дружиною...*— т. е. с Федором юродивым и Лукой Лаврентьевичем.

Стр. 181, строка 28. Мурашкино и Лысково— села б. Нижегородской губ.; первое—в Княгининском уезде, второе—в Макарьевском.

Стр. 187, строки 15—16. *«твоя от твоих тебе в глаза бросаю»*—пародирование возгласа священника во время литургии: «Твоя от твоих, тебе приносяще от всех и за вся».

Стр. 187, строка 23. *и печаль мою пред ним возвещу*—цитата из Псалтири, CXLI, 3.

Стр. 190, строка 24. Шакша—пресноводное озеро в Забайкальи, вблизи озера Иргеня.

Стр. 192, строки 18—19. *Царевна Ирина Михайлова* (1627—1679)—старшая дочь царя Михаила Федоровича, сестра царя Алексея Михайловича.

Стр. 193, строки 18—20. *Яко древняя Июдифь... Девора мужеумная о Вараце.*—В библейской книге «Иудифь» (гл. VII и VIII) рассказывается о том, что Юдифь спасла израильский народ, убив полководца Олоферна, посланного вавилонским царем Навуходоносором для порабощения Иудеи. Об Эсфири в библейской книге с тем же именем (гл. VII) говорится, что она, будучи двоюродной сестрой Мардохея (а не племянницей его, как пишет Аввакум), взятой им к себе вместо дочери (она была сирота), героически спасла Мардохею жизнь, заступившись за него перед своим мужем Артаксерксом (Ксерксом), царем персидским

и мидийским, во время преследования его придворным вельможей Аманом, из зависти хотевшим погубить Мардохея и вместе с ним весь народ иудейский. Девора, судья Израиля, по свидетельству Книги Судей (гл. IV и V), воодушевляла полководца Варака, посланного ею во главе войска, защищавшего иудеев от нападения ханаанского царя Иавина.

Стр. 194, строки 4—5. *славы своея иному не дам*— цитата из Книги пророка Исаии, XII, 8.

Из «Книги бесед»

(стр. 197—230)

«Книга бесед» писалась Аввакумом шесть с лишним лет, приблизительно с первой трети 1669 года до второй трети 1675 года. Общее количество бесед, входящих в нее,—десять. Но она в полном своем виде составилась не сразу. Отдельным адресатам и группам адресатов беседы посылались, видимо, по мере их написания, постепенно увеличиваясь при этом в своем числе и в то же время дополняясь или сокращаясь. Автографов «Книги бесед» не сохранилось, и она известна лишь в списках.

«Книге» предшествует введение, начинающееся следующими словами:

«Книгу святую собрал от святаго писания протопоп Аввакум на крестоборную ересь никониянскую и на протчая их коби.

Беседа человека грешна, человека безобразна и бесславна, человека не имуща видения, ни доброты, ниже подобия господня. Поистинне рещи, яко несть и человек. Но гад есмь или свиния; яко же и она питается рожцы, тако и я грехми. Рожцы вкус имут, в гортани сладость, во чреве же бредкость. Тако и аз, яко юнейший блудный сын, заблудих от дому отца моего,

пасяхся со свиниями, еже есть с бесы, питаюся грехми, услаждая плоть, огорчеваяй же душу делы, и словесы, и помыслы злыми...»

Кончается введение так:

«Видите, людие, и чюдитеся безобразству нашему, плачьте и рыдайте вси погубившеи в себе образа господня красоту и доброту, яко древле Иеремия плакаше Иерусалима. Чти Библию: там плач Иеремиин писан пространно.

Паче же ныне нам подобает плакати в настоящее время. Увы, увы мне! Мати, кого мя роди? По Иову, проклят день, в оньже родихся, и нощь она буди тьма, иже изведе из чрева матери моея. Понеже антихрист прииде ко вратом двора, и народилась выблядков его полна поднебесная. И в нашей русской земли обретеся чорт большой, ему же мера высоты и глубины—ад преглубокий. Помышляю, яко, во аде стоя, главою и до облак достанет. Внимайте и раздумайте вси послушавшии, даст бо вам господь разум о всем».

Печатаем полностью беседы первую, четвертую, пятую и отрывки из бесед седьмой—десятой. Заглавия, не принадлежащие Аввакуму или не встречающиеся в рукописях и впервые предложенные Н. И. Субботиным, заключаем в квадратные скобки.

Время написания первой беседы—«Повести о страданиях в России за древлецерковная благочестная предания»—определяется следующими словами: «А Соловецкой монастырь в осаде 7 лет от никониян сидит». Осада Соловецкого монастыря началась осенью 1668 года и окончилась 22 января 1676 года. Следовательно, беседа была написана в 1675 году.

Беседа четвертая—«Об иконном писании»—написана после 19 апреля 1673 года, времени смерти патриарха Питирима, когда упоминаемые здесь «святии отроцы», несомненно—Морозова, Урусова и Данилова, были сосланы в боровский Пафнутьев монастырь. Так

как в период с 11 сентября по 1 декабря 1675 года все три узницы умерли, то беседу нужно датировать временем не позже осени 1675 года.

Время написания пятой беседы—«О внешней мудрости»—определяется временем смерти архиепископа Илариона и митрополита Павла, к которым Аввакум обращается здесь как к живым. Архиепископ Иларион скончался в июне 1673 года, митрополит Павел—9 сентября 1675 года. Следовательно, беседа была написана не позднее середины 1673 года.

Беседа седьмая—«О старолюбцах и новолюбцах»—написана была до смерти архиепископа Илариона, к которому она обращена, то-есть до июня 1673 года. Эта беседа частично покрывается текстом беседы «Об Аврааме».

Беседа восьмая—«Об Аврааме»—написана ранее второй половины 1672 года. Это явствует из того, что о ней упоминается в одном из писем Аввакума к боярыне Морозовой, написанном не позднее первой половины этого года.

Беседа девятая—толкование на тексты Апостола и Евангелия—была написана в 1675 году, судя по указанию Аввакума, что он находится «в скорбях от никониян» «22 лета». (Преследования Аввакума начались в 1653 году.)

Беседа десятая—«О нанятых делателях»—была написана до смерти царя Алексея Михайловича (умер 29 января 1676 г.), так как в приведенном из нее отрывке идет речь об Алексее Михайловиче как о лице, еще здравствующем.

Стр. 199, строки 4—7. *В лета 7160-го году... в чернецах Никон...*—Аввакум допускает здесь неточность: Никон наречен был в патриархи 25 июня 7160 (1652) года.

Стр. 199, строки 11—12. *на Иосифово место.*—Патриарх Иосиф, предшественник Никона, умер 15 апреля 1652 года.

Стр. 200, строки 9—10. *И рассеяны быша... при Стефане апостоли.*—«Первомученик» Стефан—один из семидесяти апостолов, побитый камнями по обвинению в богохульстве. После его смерти началось большое гонение на христианскую церковь; в то время сотрудники старших апостолов рассеялись по разным местам Иудеи и Самарии, проповедуя Евангелие. (Ср. Деяния апостолов, гл. VI—VIII.)

Стр. 200, строки 23—24. *безвестно же и где дел...*—В основном списке вместо этого—невразумительное и, очевидно, испорченное чтение: «безвестно же и сих дел»; в вариантах столь же невразумительные чтения: «безвестно изседел» и «безвестно и сидели». Все эти чтения исправляем по догадке, предположительно.

Стр. 201, строка 14. Киприян—московский юродивый, смелый и энергичный защитник старого благочестия. Через него Аввакум из Холмогор подал Алексею Михайловичу челобитную (третью) 21 ноября 1664 года. Казнен в Пустозерске.

Стр. 201, строки 21—23. *Старца Иону... Ивана юродивого сожгли.*—Старцы Иона Брызгало и Иван юродивый были «выбиты» из Соловецкого монастыря 9 декабря 1668 года за «неприкладство к ворам», то-есть за отмежевание себя от соловецких мятежников.

Стр. 202, строки 1—5. *А иные ревнители... сожигахуся огнем своею волею.*—Первые случаи самосожжения раскольников относятся к 1665 и 1666 годам. Они имели место «на Вязниках» (б. Владимирской губ.) и «на Вологде», среди последователей одного из видных ранних староверов, Капитона. 1672 годом датируется запись «Нижегородского летописца», повествующая о нижегородских самосожжениях: «в том же году в нижегородском закудемском стану (то-есть за Кудмой рекой, в местности, где родился Аввакум.—*Н. Г.*) во многих селах и деревнях крестьяне... во всем от раскольников развратилися и многие по прелести их

с женами и детьми на овинах поджигалися» (Древн. Рос. Вивлиоф., XVIII, стр. 92). Этот случай нижегородского самосожжения, о котором Аввакум говорит и в послании к некоему Симеону (см. стр. 334—335), он и имеет в виду в приведенной выдержке, как это явствует из следующих его слов в одном из его посланий: «Помнишь ли, в нижегороцких тех пределах, где я родяся живал, тысящи две и сами миленькие от лукавых тех духов забежали в огонь? Да разумно они сделали,— тепло себе обрели: сим искушением тамошняго искушения утекли» (Мат., VIII, стр. 76—77). Одобрение Аввакумом самосожжения оказалось очень действенным стимулом для самоистребления среди фанатических приверженцев старой веры.

Стр. 203, строки 1—10. *и егда отверзе... якоже и тии*—цитата из Апокалипсиса, VI, 9—11.

Стр. 203, строки 16—19. *Душе моя... вся исполняяй*—кондак, читаемый в четверг на пятой неделе великого поста.

Стр. 203, строки 25—26. Мария Герасимовна Данилова (ум. 1 декабря 1675)—жена стрелецкого полковника А. И. Данилова, соузница боярыни Морозовой и княгини Урусовой в боровском Пафнутьевом монастыре.

Стр. 204, строка 1. *им же не точен мир весь*— т. е. с ними никто не сравнится.

Стр. 204, строки 25—29. *блажени творящеи... творяй лжу*—цитата из Апокалипсиса, XXII, 14—15.

Стр. 205, строки 10—20. *рече господь... не вопросите ничесоже*—цитата из Евангелия от Иоанна, XVI, 20—23.

Стр. 206, строка 9. *Так Дамаскин поет в степенных...*—Так называемые «степенные антифоны»— песнопения, поющиеся в православных церквах на воскресной заутрени и в праздники со всенощной. Автором их является Иоанн Дамаскин (VIII век). Они подразделяются на восемь «гласов». Приводимый Аввакумом антифон—восьмого гласа.

Стр. 206, строки 17—18. *беседы злы тлят обычая благи*—цитата из 1-го Послания ап. Павла к коринфянам, XV, 33.

Стр. 206—207, строки 26—12. *Рече господь... яко рех вам*—цитата из Евангелия от Иоанна, XV, 17—XVI, 4.

Стр. 207, строки 27—28. *крест трисоставный...*—крест, составленный, по преданию, из трех деревьев—кипариса, певга и кедра. Он—восьмиконечный; никониане же наряду с ним ввели и четырехконечный.

Стр. 209, строки 6—8. *По попущению божию... письма неподобного изуграфы.*—С середины XVII века очень явственно определился связанный с деятельностью иностранных художников в Москве поворот в русской иконописи к западно-европейской манере письма. Наиболее ярким выражением этой новой, «фряжской» манеры письма было иконописное искусство Симона Ушакова и его школы.

Стр. 210, строки 15—18. *А все то кобель... сиречь по немецкому.*—Вначале Никон был настроен к иконам нового письма так же враждебно, как и Аввакум. По свидетельству архидиакона Павла Алепского, он в 1655 году, в неделю православия, распорядился изымать всюду, даже из домов московской знати, такие иконы, выкалывая у них глаза, и в таком виде велел носить их по городу, угрожая наказанием всякому, кто впредь будет писать по западным образцам. Эти действия Никона вызвали против него сильнейшее возбуждение молящихся, покушавшихся даже убить патриарха. Однако вскоре Никон стал покровительствовать если не сюжетам новых икон, в которых были элементы католичества и лютеранства, то самому стилю письма, плотскому, реалистическому, являвшемуся отрицанием идеалистического, аскетического стиля старых мастеров.

Стр. 210, строка 22. *в Жезле книге написано...*—Речь идет о книге Симеона Полоцкого «Жезл правления»,

полемическом трактате, направленном против челобитных старообрядцев Никиты Добрынина (Пустосвята) и попа Лазаря и напечатанном в Москве в 1667 году.

Стр. 211, строки 15—17. *В немцах немчин был Николай, а при апостолех еретик был Николай...* В первом случае Аввакум имеет в виду пришедшего на Русь в первой четверти XVI века выходца с католического Запада, известного у нас под именем Николая Немчина, ратовавшего за соединение католической и православной церквей и пропагандировавшего астрологию. Деятельность Николая Немчина вызвала целый ряд обвинительных слов по его адресу со стороны Максима Грека, сочинения которого Аввакуму были, несомненно, хорошо известны. Во втором случае имеется в виду еретик первых времен христианства, один из семи диаконов, о котором говорится в Деяниях апостолов, основоположник ереси «николаитов».

Стр. 211, строки 23—28. *яко господь... под мраком соблюде*—цитата из Послания ап. Иуды, I, 5—6.

Стр. 212, строки 12—13. *яко же Златоуст за вдову и за Феогностов сад.*—В житии Иоанна Златоуста рассказывается о том, что, когда императрица Евдоксия присвоила себе понравившийся ей сад вдовы некоего Феогноста, Иоанн Златоуст смело обличал Евдоксию и запретил ей входить в церковь. Разгневанная императрица отомстила своему обличителю изгнанием его из Царьграда.

Стр. 212—213, строки 17—16. *Не по што в Персы итти... тогда было и велико.*—Эти строки написаны под влиянием библейского рассказа о Навуходоносоре и трех отроках, брошенных в огненную печь за нежелание поклониться золотому тельцу и оставшихся невредимыми. (Ср. Книгу пророка Даниила, гл. III и IV.) Рассказ этот лег в основу так называемого «Пещного действа», церковного драматического представления, исполнявшегося у нас в XVI и XVII веках перед рожде-

ственскими праздниками. В XVII же веке он был обработан Симеоном Полоцким в школьную драму.

Стр. 213, строки 19—24. *и сложение перстов—Малакса... то антихристова печать.*—Николай Малакс (умер после 1573 г.)—протопоп навплийский, занимавшийся в Венеции изданием греческих богослужебных книг. Его учение о крестном знамении вошло в «Скрижаль», одобренную церковным собором 1656 года.

Стр. 215, строки 3—9. *Погублю премудрость... спасти верующая*—цитата из 1-го Послания ап. Павла к коринфянам, I, 19—21.

Стр. 215—216, строки 15—6. *яко же первый блядивый Неврод... Иппократ и Галин.*—Сведения об упомянутых здесь именах и их характеристики Аввакум почерпнул из Хронографа—русской компиляции по всеобщей и русской истории, возникшей еще в XV веке и затем неоднократно перерабатывавшейся и пополнявшейся вплоть до первых десятилетий XVII века, а также из переводных византийских хроник типа «Елинского и римского летописца». Нимрод, о котором упоминается в X главе Книги Бытия, по преданию—основатель Вавилона, виновник вавилонского столпотворения, противник бога и основоположник идолопоклонства. О нем как о предке Мелхиседека (см. ниже) упоминается и в апокрифе о Мелхиседеке и в апокрифической книге «Луцидариус». Ермис—Гермес, сын Зевса, вестник богов. Артемида, по древнегреческим представлениям, была покровительницей женской плодовитости; позднее она считалась олицетворением начала девственности, что, видимо, Аввакуму не было известно. Галин—Гален, знаменитейший после Гиппократа врач древности (II век н. э.).

Стр. 216, строки 14—15. *поставлю престол... подобен вышнему.*—Ср. Книгу пророка Исаии, XIV, 13—14.

Стр. 218, строки 13—14. *Иларион*—архиепископ рязанский; *Павел*—митрополит крутицкий.

Стр. 220, строки 3—6. *Помните ли вы... был священник...*—Мелхиседек, царь салимский, упоминается в Библии (Книга Бытия, XIV, 18—20) как «священник бога всевышнего», вынесший навстречу Аврааму хлеб и вино и благословивший его. Сказанное Аввакумом о Мелхиседеке почерпнуто им из апокрифического «Слова святого Афанасия великого, архиепископа александрийского, о Мелхиседеке». (Ср. И. Я. Порфирьев, «Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки». СПБ. 1877, стр. 133.) У старообрядцев личность Мелхиседека была популярна в связи с их учением о возможности приобщаться у лиц, официально не поставленных в священники, как не был поставлен и Мелхиседек, все же приносивший в жертву богу хлеб и вино. Сам Аввакум, в случае невозможности найти священника старой веры, рекомендовал причащаться самим. С именем Мелхиседека связано возникновение беспоповщинской секты «мелхиседеков».

Стр. 222, строки 3—6. *Тем же, братие... держитеся*—цитата из Послания ап. Павла к галатам, IV, 31—V, I.

Стр. 225, строки 4—9. *Неточию же... данным нам*—цитата из Послания ап. Павла к римлянам, V, 3—5.

Стр. 226, строки 2—3. *Кто изнемогает... и аз не разжизаюся?*—цитата из 2-го Послания ап. Павла к коринфянам, XI, 29. Смысл ее следующий: «Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы и я не воспламенялся?»

Стр. 226, строки 8—14. *Разве Саул... тысящи с две и больши убить.*—Этот эпизод о Сауле рассказан в 1-й Книге Царств, гл. XXI и XXII.

Стр. 226, строки 24—26. *и аз-от... положен был.*—В символе веры при Никоне в словах «рожденна, *а* не сотворенна», относящихся к Христу, *а* было исключено. Об этом-то «передвигнутом» азе и говорит здесь Аввакум.

Стр. 226, строка 27. *невесту Христову*—т. е. церковь.

Стр. 227, строки 2—4. *престол святый... мощи положил...*—В «Росписи вкратце нововведенным церковным раздором, их же собра Никон патриарх...» попа Лазаря сказано: «В царствующем граде Москве [Никон] выломал престол в соборной церкви, что был освящен от прежних патриарх. А он сделал о пяти столпах и вервиею привязал четыре столпа к среднему столпу; а мощи под дцку [доску] положил... И советницы его по своим паствам такоже творят... И то они творят не по истине: связание четырех столпов к пятому прообразует четырех патриархов с папою. А мощи святых кладут под доску: и то святым попрание» (Мат., т. IV, стр. 179—180).

Стр. 227, строки 10—19. *Сице пишет... помогая*—канон, или так называемый «светилен» кресту—Григория Синаита (XIII—XIV века), помещенный в недельной службе в день пятницы.

Стр. 228—229, строки 3—14. *Нищ же бе... не имут веры.*—цитата из Евангелия от Луки, XVI, 20—31.

Стр. 230, строки 2—9. *хотя много надосадит... знаю я ево.*—Речь идет о царе Алексее Михайловиче, обращение которого к Аввакуму, очень сходное с приведенным в этом тексте, приводится Аввакумом в его «Житии» (ср. стр. 132—133).

Из «Книги толкований»

(стр. 231—267).

Книга в целом представляет собой собрание толкований на отдельные части Псалтири, Притчей и Премудрости Соломона и Книги пророка Исаии, с прибавлением поучения на тему о том, как нужно жить в вере. Книга адресована была любимому ученику Аввакума—Семену Ивановичу Крашенинникову, родом нижего-

родцу, в 1675 году постригшемуся под именем Сергия. Он был видным участником раскольничьей «смуты» 5 июля 1682 года и автором челобитной, поданной от лица стрелецких полков и чернослободцев. Адресуя книгу Семену, Аввакум в качестве читателей ее имел в виду однако всех старообрядцев. Книга в автографе до нас не дошла и сохранилась лишь в списках.

Время написания отдельных статей, входящих в книгу, определяется следующим образом.

Первая статья, содержащая толкование псалмов, была написана между концом апреля 1673 года и январем 1676 года; в ней говорится о заключенных в боровский Пафнутьев монастырь Морозовой, Урусовой и Даниловой, что случилось после смерти патриарха Питирима (ум. 19 апреля 1673 г.), и царь Алексей Михайлович, умерший 29 января 1676 г., упоминается как здравствующий еще.

Вторая статья, содержащая толкование Притчей и Премудрости Соломоновых, написана не позднее 1675 года, так как в ней о митрополите Павле крутицком, умершем 9 сентября 1675 г., говорится как о живом.

Третья статья, заключающая в себе толкование на Книгу пророка Исаии, написана в 1675 году, судя по встречающимся в ней указаниям на то, что Соловецкий монастырь находится в осаде семь лет (осада его началась осенью 1668 г.).

Для определения времени написания четвертой статьи, трактующей о том, как нужно жить в вере, нет никаких данных, но следует полагать, по аналогии с другими, что и она написана около 1675 года.

Стр. 233, строки 3—6. *Помяну имя твое... и в век века*—цитата из Псалтири, XLIV, 18.

Стр. 234, строки 1—2. *Богородицу согнали со престола...*—т. е. удалили с престола икону богородицы. В одном из толкований псалмов Аввакум говорит об

этом яснее: «и пречестную икону богородичну [Никон] со престола согнал».

Стр. 234, строки 14—17. *перерезал бы... у тряпезы Иезавелины.*—В 3-й Книге Царств (XVIII, 40) говорится о том, что пророк Илия заколол у потока Киссона жрецов языческого бога Ваала, культ которого в израильском царстве был установлен при царе Ахаве, по настоянию его жены, финикиянки Иезавели.

Стр. 234, строки 17—20. *и держаще учение Валаамово... и любы творити.*—По свидетельству Книги Числ, XVIII, 1—2, прорицатель Валаам, будучи приглашен моавитским царем Валаком, для того чтобы проклясть израильтян, велел Валаку построить семь жертвенников для жертвоприношения, что тот и сделал. Далее, в гл. XXV, 1—3, той же книги, говорится, что Израиль начал блудодействовать с моавитскими дочерьми и прилепился к культу Ваал-Фегору. Виновником этого совращения оказался Валаам, который за это был убит (Книга Числ, XXI, 8, 16).

Стр. 234, строки 22—24. *В Ферапонтове монастыре... выблядков тех наплодил.*—Речь идет о Никоне, в 1667 году сосланном в белозерский Ферапонтов монастырь, куда через некоторое время к низложенному патриарху стали стекаться толпы богомольцев и где он попрежнему пользовался расположением и вниманием к нему царя Алексея Михайловича.

Стр. 234, строки 27—29. *яко древле Артаксеркс... род Израилев искоренити.*—В Книге Эсфирь (VII, 10) говорится о том, что Артаксеркс распорядился повесить Амана на дереве, которое тот приготовил для Мардохея.

Стр. 234—235, строки 29—1. *Миленькой царь Иван Васильевич...*—Иван Грозный.

Стр. 235, строки 5—6. *Как его причастил антидором...* Антидором называются остатки литургической просфоры, по окончании обедни раздаваемой верующим, преимущественно не приступавшим к причастию. Место

это неясно. Видимо, Аввакум неправильно понял смысл этого слова, введенного в церковный обиход впервые при Никоне, и разумел под антидором вторично изъятые частицы из заздравной просфоры во время херувимской песни (см. ниже).

Стр. 236, строки 1—11. *А бабы молодые... прилично блуду.*—В какой мере эти обвинения Аввакумом Никона справедливы, сказать трудно. Во всяком случае, никакими биографическими материалами они не подтверждаются.

Стр. 236, строки 14—15. *Сию просвиру... перед переносом...*—При патриархе Никоне вошло в богослужебную практику вторичное изымание епископами перед великим входом, во время херувимской песни, из заздравной просфоры частиц за живых. То, что изымание это производилось епископами, трактовалось основоположниками старообрядства как знак того, что Никон хочет возвысить епископов над обыкновенными священниками. В таком именно смысле позднее против этого нововведения протестовал инок Сергий Крашенинников в своей челобитной 1682 года (Мат., т. IV, стр. 302—303).

Стр. 236, строки 17—22. *смолода тому научен... Никитка Минин.*—Патриарх Никон, в миру Никита Минин, родился в селе Вальдеманове б. Нижегородской губ., находящемся в пятнадцати верстах от родины Аввакума—с. Григорова. Мальчиком он ушел в макарьевский Желтоводский монастырь, где усердно предался чтению религиозно-церковной литературы.

Стр. 237, строки 3—4. *Да и маслом мажет...*—одно из нововведений Никона.

Стр. 237, строки 27—29. *И веков тех... ересь содержит.*—Старообрядцы защищали и защищают и теперь форму «во веки веком».—«Кириллова книга»—полемический сборник, составленный на основе южнорусских материалов протопопом московского Архангельского

собора Михаилом Роговым и напечатанный в Москве в 1644 году. Ближайшим поводом для составления этого сборника было приготовление к прениям о вере с датским королевичем Вольдемаром, сватавшимся за царевну Ирину Михайловну. «Кирилловой» книга названа потому, что в основе ее лежит «Сказание на осмый век» Кирилла, архиепископа иерусалимского. Содержа в себе ряд положений, позже защищавшихся старообрядцами, «Кириллова книга» пользовалась у них большим авторитетом.

Стр. 238, строки 6—8. *якоже Иезекииль пророк... неправда в нем.*—Ср. Книгу пророка Иезекииля, XXVIII, 12—19.

Стр. 238, строка 28. «Отечник»—то же, что «Патерик»—сборник, состоящий из кратких повестей о подвижниках того или иного монастыря или какой-либо местности, или из назидательных слов этих подвижников, или из тех и других вместе.

Стр. 239, строки 4—11. *Седмь лет... равен ему!*—Ср. Книгу пророка Даниила, IV, 26—34.

Стр. 239—240, строки 29—3. *Ионе ростовскому... с палестинскими сидит...*—Иона, митрополит ростовский (1607—1690) сидел на соборе 1666—1667 гг. с восточными патриархами Паисием и Макарием.

Стр. 240—241, строки 16—11. *Да и при Манасии... и принесе во Иеросалим...*—О пятнадцатом царе иудейском Манасии во 2-й Книге Паралипоменон, XXIII, 1—20, и в 4-й Книге Царств, XXI, 1—18, говорится следующее. Воцарившись двенадцати лет после отца своего Езекии, он возобновил культ языческих богов, упраздненный Езекией, поставил жертвенники Ваалу и развратил народ иудейский. За это господь привел на Иудею царя ассирийского, который заковал Манасию в цепи и увел его в Вавилон. Тут Манасия смирился, раскаялся, был возвращен господом в Иерусалим и остальное время жизни посвятил на то, чтобы загладить

свои грехи. Две подробности в рассказе Аввакума о Манасии, отсутствующие в Библии (сидение в «конобе»—котле—и возвращение в Иерусалим ангелом), заставляют предположить, что этот библейский рассказ, как, видимо, и многие другие, Аввакум извлек не из Библии, а из Хронографа. (Ср. Полное собрание русских летописей, т. 22. Хронограф редакции 1512 года. СПБ., 1911, стр. 158).

Стр. 240, строки 28—29. *браздами и уздою... не приближающихся к тебе.*—Ср. Псалтирь, XXXI, 9.

Стр. 241, строки 6—8. *А до тово глупым звал... грамоте не умели.*—Ср. «Житие», стр. 130.

Стр. 241, строка 14. *А то Исаия говорил.*—В Книге пророка Исаии, XXIX, 6—7, и в 4-й Книге Царств, XX, 17—18, Исаия предрекает Езекии, что все богатство Иудеи будет унесено в Вавилон, а сыновья Езекии будут евнухами во дворце царя вавилонского.

Стр. 241, строки 18—20. *и священная писания... во спасение твое*—цитата из 2-го Послания ап. Павла к Тимофею, III, 15.

Стр. 241, строки 24—26. *Не гляди на Озию... святая покадити...*—Озия, десятый царь иудейский, по свидетельству 2-й Книги Паралипоменон, XXVI, 16—19, наказан проказой за то, что разгневался на священников, препятствовавших ему воскурить фимиам на кадильном алтаре, так как это было привилегией исключительно священников.

Стр. 241—242, строки 27—6. *Егда изочте... от пагубы людцкой*—ср. 2-ю Книгу Царств, XXIV, 1—17.

Стр. 242, строки 8—9. *в 20 в 3 лета, отнележе враг развратил церковь...*—Здесь Аввакум ведет счет с 1652 года, со времени занятия Никоном патриаршего престола.

Стр. 242, строка 16. *войны те и смущение...*—Речь идет о войнах с Турцией и, видимо, о возмущении Степана Разина и соловецком бунте.

Стр. 242, строки 17—19. *яко при Сауле царе... Саулове мерзкой...*—По Библии, при первом царе израильском Сауле, после того как он, опьяненный славой, впал в гордость, происходили опустошительные для израильтян войны с филистимлянами и амаликитянами. Узнав, что пророк Самуил тайно помазан на царство Давида, Саул впал в тяжелое душевное расстройство и стал жестоко преследовать тех, кого он считал своими врагами, в том числе Давида. (Ср. 1-ю Книгу Царств, XV—XXXI.)

Стр. 242, строки 23—27. *Яко Ахав развративше Израиля... придеши во царстве си...*—ср. 3-ю Книгу Царств, XXI, 27, Евангелие от Луки, VII, 38; от Матфея, XV, 22; от Луки, XVIII, 13 и XXIII, 42.

Стр. 242—243, строки 29—2. *Зане яко трава... скоро отпадут*—цитата из Псалтири, XXXVI, 2.

Стр. 243, строки 9—11. *Яко о Феофиле... закопан в землю.*—Сведения о Мефодии, патриархе константинопольском (IX век), заточенном императором византийским Феофилом на одном острове, Аввакум почерпнул, видимо, из Хронографа. (См. Полн. собр. русск. лет., т. 22, стр. 337.)

Стр. 243, строки 16—21. *Елицы во Христа... и радости жити*—цитата из Послания ап. Павла к римлянам, 14, 3—4.

Стр. 244, строки 5—6. *инокиня схимница Феодора.*—Боярыня Феодосья Морозова постриглась в декабре 1671 года под именем Феодоры.

Стр. 244, строки 21—22. *Аз есмь червь, а не человек*—цитата из Псалтири, XXI, 7.

Стр. 245, строки 1—8. *Ты еси бог наш... от прелести Вааловы*—молитва на освящение воды в праздник Богоявления.

Стр. 245—246, строки 27—15. *Воззри на царя Давыда... неправду сотворих*—ср. 2-ю Книгу Царств, XI, 4, XII, 1—12. Дальнейшее: *И глагола ему Нафан...*

за беззаконие посещи—не находит себе соответствия ни в Библии, ни в Хронографе.

Стр. 246, строки 20—22. *Помилуй мя боже... беззакония моя*—цитата из Псалтири, L, 3—6.

Стр. 247, строки 2—4. *аз, пастырь... имут к тебе*—цитата из 2-й Книги Царств, XXIV, 17.

Стр. 248, строки 1—2. *Кириллом святым и братом его*—т. е. Кириллом и Мефодием, «первоучителями» славянскими.

Стр. 248, строки 4—7. *Да еще бы и ангельски... барабаны ваши.*—Ср. 1-е Послание ап. Павла к коринфянам, XIII, 1.

Стр. 248, строки 7—11. *Любы не превозносится... вся любит*—цитата из 1-го Послания ап. Павла к коринфянам, XIII, 4—6.

Стр. 248, строки 25—26. *отрада на душу гонение велико живет*—т. е. великое гонение приносит душе отраду.

Стр. 248—249, строки 28—1. *Сын твой... Исуса Христа.*—Предсказание Аввакума не оправдалось: как раз при сыне Алексея Михайловича, Феодоре Алексеевиче, был сожжен сам Аввакум и его пустозерские соузники.

Стр. 249, строки 1—5. *На шестом соборе... живот дарова.*—Речь идет о византийском императоре Константине IV (VII в.), в царствование которого был шестой вселенский собор (680—691). Сведения о Константине Аввакум почерпнул из Хронографа. (Ср. Полн. собр. русск. лет., т. 22, стр. 310.)

Стр. 249, строки 9—11. *понеже суд... не сотворишим милости*—цитата из Послания ап. Иакова, II, 13.

Стр. 250, строки 5—6. *а ты рассек девятию частьми.*—Аввакум, как позднее поп Никита Добрынин в своей «великой» челобитной, протестует против изъятия из трех последних просфор девяти частиц вместо практиковавшегося ранее изъятия из этих просфор всего лишь одной частицы.

Стр. 251, строки 7—14. *Поражени бо быша... падоша в пустыни.*—Ср. Книгу Числ, XIV, 29, 32.

Стр. 252, строки 5—6. *Взыщите премудрость... в ведении разум*—цитата из Книги Притчей Соломоновых, IX, 6.

Стр. 252—253, строки 26—3. *аще любите... сынове вышнего вси*—цитата из Евангелия от Луки, VI, 32—33, 35.

Стр. 253, строки 13—16. *Супротив станет... престолы сильных*—цитата из Книги Премудрости Соломона, V, 23—24.

Стр. 254, строка 3. *богу седмиглавому*—т. е. дьяволу, изображавшемуся в виде змия с семью головами.

Стр. 255, строки 3—4. *И ту будет... и тростие и стеблие*—цитата из Книги пророка Исаии, XXXV, 7.

Стр. 255, строка 9. *писано во Алфавите...* «Алфавит»—то же, что «Азбуковник»—старорусская энциклопедия, содержавшая в себе сведения о различных предметах и исторических личностях.

Стр. 256, строки 5—13. *Было также и при Христе... пречистаго своего.*—Ср. Евангелие от Марка, VIII, 1—9.

Стр. 256, строки 16—17. *Претерпевый... спасен будет*—цитата из Евангелия от Матфея, X, 22.

Стр. 258, строки 17—18. *красота чужая греху ходатайственна*—т. е. чужая красота приводит к греху.

Стр. 259, строки 28—29. *вторая египтяныня... Диалида...*—указание на жену царедворца Фараона Пентефрия (Потифара), соблазнявшую Иосифа (Книга Бытия, XIXIX, 7), и на возлюбленную Самсона филистимлянку Далилу, выпытавшую у него, что сила его в волосах, которых никогда не касалась бритва. Когда Далила остригла Самсона, сила покинула его, он был взят филистимлянами, выколовшими у него глаза и обратившими его в рабство (Книга Судей, XVI, 4—21).

Стр. 260, строка 16. *ниневитцкое покаяние и Манасиино.*—Жители Ниневии, столицы ассирий-

ского царства, по свидетельству Книги пророка Ионы, III, под влиянием проповеди Ионы раскаялись в своих злодеяниях и были пощажены богом. О Манассии см. пояснение к стр. 240—241.

Стр. 261, строки 10—11. *слушая вас—мене слушает.*—цитата из Евангелия от Луки, X, 16.

Стр. 261, строка 14. *честен брак и ложе нескверно*—цитата из Послания ап. Павла к евреям, XIII, 4.

Стр. 262, строки 2—3. *не призва бо... на святбу*—цитата из 1-го Послания ап. Павла к фессалоникийцам, IV, 7.

Стр. 262, строка 15. *Палея*—сборник, содержащий в себе ветхозаветную историю с привнесением апокрифических подробностей. Возникнув на византийской почве, он перешел на Русь, видимо, не ранее начала XIII века. Помимо «Палеи» исторической («Очи палейные», или «Книга бытия небеси и земли»), существовала на Руси и «Палея толковая», заключавшая в себе истолкования ветхозаветных событий с точки зрения новозаветной, а также противоиудейские полемические экскурсы. Эту последнюю и имеет в виду Аввакум.

Стр. 262, строки 20—23. *муж телом... но муж*—цитата из 1-го послания ап. Павла к коринфянам, VII, 4.

Стр. 262, строки 25—26. *несте к тому... да не разлучает*—цитата из Евангелия от Матфея, XIX, 6.

Стр. 262—263, строки 29—1. *муж жене... да воздает*—цитата из 1-го Послания ап. Павла к коринфянам, VII, 3.

Стр. 263, строки 27—29. *придох бо... духа и силы*—цитата из 1-го Послания ап. Павла к коринфянам, II, 4.

Стр. 263—264, строки 29—2. *погублю премудрость... отвергуся*—цитата из 1-го Послания ап. Павла к коринфянам, I, 19.

Стр. 265, строки 23—26. *отче Аврааме... во пламени сем*—цитата из Евангелия от Луки, XVI, 24.

Из «Слова на безобразника и отступника неосвященнаго»

(стр. 268—272)

«Слово» это вместе с двумя другими входит в состав «Книги» обличений, или «Евангелия вечнаго», где Аввакум ведет ожесточенную полемику по вопросу о догмате троичности лиц, а также по вопросу о сошествии Христа в ад. Полемика эта направлена преимущественно против дьякона Федора и, по словам последнего, началась вскоре после пустозерской «казни» 14 апреля 1670 г., произведенной над попом Лазарем, дьяконом Федором и иноком Епифанием. Ввиду нападок на Аввакума Федор изложил свое учение письменно, и у него получилось, как он говорит, «книжица не малая, листов полтораста»; но Аввакум подговорил стрельцов похитить эту книгу и, выдрав из нее «листа с три», остальное уничтожил, послав выдранное «на Русь» с целью изобличить Федора. Федор в сокращенном виде воспроизвел однако существенные пункты своего сочинения и в в 1678 году в «четырех тетратех» отправил его в Москву своим единомышленникам, в том числе и своему сыну Максиму Федоровичу. Узнав об этом, Аввакум, заподозривший к тому же Федора в том, что он послал какую-то повинную никонианам, и написал свое опровержение. Это было, видимо, в 1679 году, судя по следующим словам Аввакума в «Книге»: «а с тобою уж десять лет мучуся, а не могу бесов тех отогнать». (Подробнее о спорах Аввакума с Федором см. в книге П. С. Смирнова, «Внутренние вопросы в расколе в XVII веке». Спб. 1898, стр. 216—235). «Книга» в автографе до нас не дошла и сохранилась в единственном списке, вероятно неполном, судя по тому, что в ней не затронут ряд вопросов, по которым, как об этом свидетельствуют сочинения Федора, у обоих противников были разногласия.

Из «Слова», написанного вообще в повышенно-раздраженном и ругательном тоне, как и вся книга, приводятся три отрывка, наиболее страстные и откровенные по выбору выражений и эпитетов, расточаемых Аввакумом по адресу своего противника.

Стр. 268, строки 4—6. *Что то я... под землею!*— Подробность об апостоле Филиппе заимствована здесь из его жития, известного в русских списках с XVI века.

Стр. 268—269, строки 8—2. *У Николы-тово... сына божия-света.*—Эпизод этот почерпнут Аввакумом из сказаний о житии Николы, весьма популярных в старой Руси, начиная с XI века. В них говорилось о том, что Никола на Никейском соборе «заушил» Ария, то-есть дал ему пощечину. «Еретик» IV века Арий учил, что сын божий не вечен, не существовал до своего рождения и не единосущен отцу, и тем самым в значительной степени отрицал божественность Христа.

Стр. 269, строка 5. *до Телятниковы бороды додратца.*—Кого Аввакум называет «Телятником»— определенно сказать трудно. Возможно, что это у него кличка царя Алексея Михайловича.

Стр. 269, строки 17—22. *Яко чаша... рог праведнаго*—цитата из Псалтири, LXXIV, 9—11.

Стр. 269, строка 26. Смысл инициалов *М. А. М.* неясен. Возможно, что за ними скрываются имена царей Манассии, Ахава и Максимиана (см. выше).

Стр. 270, строка 6. *единоличники...*—Дьякона Федора и согласных с ним в учении его о троице Аввакум называет «единоличниками» потому, что, по учению Федора, как формулирует его Аввакум, «бог-де отец едино лице имать и образ. И из единаго лица сияют три сияния: отца и сына и святаго духа». По формулировке же Аввакума, «бог наш—святая троица, отец и сын и дух святый—три лица и три образа по равенству имать» (Памятн., столб. 624—625).

Стр. 271, строка 23. *их же бог дал мне в руки...*— Так своеобразно—божьим вмешательством—объясняет Аввакум простое похищение им сочинения своего противника.

Стр. 271, строка 26. *Аз есмь пастырь добрый...*— цитата из Евангелия от Иоанна, X, 11.

Из статьи «Списание и собрание о божестве и о твари и како созда бог человека»

(стр. 273—276)

Статья эта, сохранившаяся в автографе в полном виде, представляет собой преимущественно толкование начальных страниц Книги Бытия, в которых идет речь о сотворении мира, грехопадении первого человека и о потопе. Заглавие в автографе отсутствует, но оно имеется в одном из списков автографа, откуда нами и извлекается. Статья написана в 1672 году, как это явствует из собственной даты Аввакума, поставленной в конце ее. Из статьи приводится отрывок, наиболее уснащенный элементами аввакумовского просторечия.

Стр. 273, строка 7. Филон (ок. 20 до н. э.—50 н. э.)—греческий богослов и философ.

Стр. 273, строки 7—8. *инии глаголют... шесть часов.*—В популярном апокрифическом памятнике «Беседа трех святителей» говорится о том, что Адам пробыл в раю три часа (с шестого до девятого). Но Аввакум в самом начале статьи «Беседу» расценивает как ложную и потому приводит другие цифры, почерпая однако свои сведения все же из апокрифической литературы. О том, что Адам пробыл в раю шесть часов, говорится в одном из списков апокрифической статьи «Како сотвори бог Адама». (Ср. В. Мочульский, «Следы народной Библии в славянской и древнерусской письменности». Одесса, 1893, стр. 80.)

Стр. 273—274, строки 13—8. *Вниде во змию... И Адаму даде...*—В отличие от Книги Бытия, где змей, минуя Адама, с искусительным предложением обращается сразу же к Еве, здесь, видимо под влиянием апокрифа «Исповедание Евы», змей прельщает Еву после того, как Адам отказывается от его предложения.

Стр. 274, строки 20—22. *и вкусиста... и обнажистася.*—Ср. Книгу Бытия, III, 6—7.

Стр. 274, строки 27—28. *сшиста... от древа*—цитата из Книги Бытия, III, 7.

Стр. 275, строка 6. *Адаме, Адаме, где бе?*—цитата из Книги Бытия, III, 9.

Стр. 275, строки 8—9. *Се Адам, яко един от нас*—цитата из Книги Бытия, III, 22.

Стр. 275, строки 10—11. *жена, еже ми сотворил еси*—цитата из Книги Бытия, III, 12.

Челобитные царю Алексею Михайловичу
(стр. 279—298)

Аввакумом было подано Алексею Михайловичу пять челобитных. Печатаем полностью челобитные первую, третью, четвертую и вторую половину пятой.

Первая челобитная была написана в конце 1663 года или в начале 1664 года, вскоре после возвращения Аввакума в Москву из сибирской ссылки. Это явствует из указания челобитной на то, что церковь «смущаема» Никоном «десять лет и больше». Она сохранилась в трех редакциях, из которых печатается первая, дошедшая до нас в автографе.

Третья челобитная, поданная Аввакумом царю через юродивого Киприана, была написана им в Холмогорах, на пути в предназначавшуюся для него ссылку в Пустозерск, замененную ссылкой в Мезень. Как видно из приписки к челобитной, она подана была Алексею

Михайловичу 21 ноября 1664 г. и написана, видимо, незадолго до этого времени. Дошла до нас в списках.

Написание четвертой челобитной относится к концу 1668 или началу 1669 года, но, видимо, не позже марта—апреля 1669 года, так как царица Марья Ильинишна, о которой в челобитной Аввакум упоминает как о здравствующей, 3 марта 1669 г. умерла, и не позже апреля в Пустозерске об этом, нужно думать, стало известно. Автограф и этой челобитной неизвестен, и она также известна лишь в списках.

Пятая челобитная, сохранившаяся в автографе, была написана в 1669 году, как явствует из указаний в ней самого Аввакума: «Нынешня 177 году», то-есть в 7177 от сотворения мира, или, вычитая 5508, в 1669 году от рождества Христова. Челобитная начинается с увещания Алексея Михайловича вернуться к старому благочестию; затем идет опровержение навета никониан на старообрядцев, породивших якобы раскол в церкви, указание на искажение веры в последние времена перед вторым пришествием Христа, на шаткость греческого благочестия, и в конце—угроза грядущего праведного суда над отступниками от истинной веры, в том числе и над самим царем.

Стр. 280, строки 2—3. *Златоустый пишет на послание ефесом.*—Здесь Аввакум ссылается на одну из бесед Иоанна Златоустого, посвященную толкованию Послания ап. Павла к ефесянам.

Стр. 280, строка 7. *в Преображениев день*—6 августа.

Стр. 280, строки 15—17. *звезда на дискосе... преступала*—т. е. «звезда», покрывающая дискос и состоящая из двух скрещивающихся дуг, сдвинулась во всех четырех местах своего касания к дискосу.

Стр. 280—281, строки 29—1. *агарянский меч... беспрестани...*—Под «агарянским мечом» Аввакум, видимо, разумеет начавшуюся в 1654 году войну с Польшей,

перемежавшуюся войнами со шведами и крымскими татарами и закончившуюся Андрусовским перемирием 1667 года.

Стр. 281, строки 9—10. *слышу во церквах... невоскресша.*—См. пояснение к стр. 286, строки 2—4.

Стр. 281, строки 23—25. *уметы, да Христа моего приобрящу.*—Ср. Послание ап. Павла к филипийцам, III, 8.

Стр. 282, строки 23—25. *да не буду... реку.*—Ср. 2-е послание ап. Павла к коринфянам, XI, 31.

Стр. 284, строка 14. *милостивы быша, яко древняя серафтяныни.*—Указание на эпизод с женщиной-ханаанеянкой, просившей Христа об исцелении ее беснующейся дочери, рассказанный в Евангелии от Матфея, XV, 22—28.

Стр. 285, строки 11—12. *отступника Иулияна и египтянина Феофила.*—Юлиан-«отступник» (331—363)—римский император, на основе учения Платона возродивший в Римской империи языческую религию. Феофил (ум. в 414 г.)—патриарх александрийский, видный богослов, противник Иоанна Златоуста.

Стр. 285, строки 21—22. *смерть мужу покой есть*—цитата из Книги Иова, III, 23.

Стр. 285, строки 26—27. *Аще и льстит... Констянтину...*—Константин Великий (285—337), римский император, вначале преследовал Ария и содействовал его осуждению на Никейском соборе 325 года, но вскоре изменил свое отношение к нему и его единомышленникам и освободил их от преследования.

Стр. 286, строки 2—4. *Христа он... яко июдеи скрывает...*—Судя по челобитным—соловецкой попа Никиты Добрынина и стрелецко-чернослободской, Аввакум здесь возражает против одного места в новонапечатанной книге Иоанна Дамаскина «Небеса», где будто бы говорится о том, что Христос не пришел во плоти на землю, но должен еще прийти; против замены в тро-

паре «Во гробе плотски» слова «беяше» словами «был еси» и слов Символа веры «его же царствию несть конца» словами «его же царствию не будет конца», благодаря чему якобы пребывание Христа на престоле мыслится не как постоянное, а как временное, бывшее и окончившееся; наконец, против опущения упоминания о воскресении Христа в новых служебниках и «триодях», в «тропарях» и «кондах».

Стр. 286, строки 8—9. *инде напечатано: «духу лукавому молимся».*—Это явно курьезное обвинение никониан в молении при крещении «духу лукавому» было основано на придирке к расстановке слов и знаков препинания в следующей молитве при крещении: «Да не снидет со крещающимся, молимся тебе, господи, дух лукавый, помрачение помыслов и мятеж наводяй». Здесь старообрядцами слово «господи» было отнесено к словам «дух лукавый».

Стр. 286, строка 13. *Заблудил во всем, яко Фармос древней.*—Формоз (816—896)—папа римский (891—896), обвинявшийся в узурпации папского престола и по смерти преданный проклятию.

Стр. 286, строки 20—21. *и агарянский меч богуставит*—т. е. бог смирит иноплеменников, воюющих с Россией.

Стр. 290, строка 9. *приказ с Дементьем...*—Ср. «Житие», стр. 132—133, строки 26—1.

Стр. 291, строки 12—14. *рабу господню... быти ко всем*—цитата из 2-го Послания ап. Павла к Тимофею, II, 24.

Стр. 291, строки 24—25. *синбирской протопоп... отыде...*—Симбирский протопоп Никифор, сосланный в Пустозерск одновременно с Аввакумом; умер около 1668 года.

Стр. 292, строки 10—11. *с Москвы отпустить... на Мезень...*—Сыновья Аввакума Иван и Прокопий, поручная запись по которым была взята в Москве

20 сентября 1666 года, «прибрели» на Мезень, вероятно, летом 1669 года.

Стр. 294, строка 20. *присылал ко мне Юрия Лутохина*...—см. «Житие», стр. 132, строки 19—21.

Стр. 296—297, строки 26—1. *чти, державный... сотворенная вся.*—О вознесении Авраама на небо рассказывается в апокрифе «Откровение Авраама», вошедшем в «Палею».

Челобитная царю Федору Алексеевичу
(стр. 299—302)

Челобитная была написана, вероятно, вскоре после получения известия в Пустозерске о восшествии Федора Алексеевича на престол, т. е. в начале 1676 года. Она известна лишь по спискам.

Стр. 299, строки 12—14. *и псы... господей своих*...—цитата из Евангелия от Матфея, XV, 27.

Стр. 300, строки 8—9. *помазан елеом радости*...—Ср. Послание ап. Павла к евреям, I, 9.

Стр. 300, строки 12—14. *Проклят день... буди тьма*...—Ср. Книгу Иова, III, 3—4.

Стр. 300, строки 15—16. *Помилуй меня, сыне Давыдов*...—Ср. Евангелие от Луки, XVIII, 38.

Стр. 300, строки 16—18. *услыши моление... во устнах льстивых!*—Ср. Псалтирь, LX, 2, XVI, 1.

Стр. 301, строки 10—11. Обращение Аввакума к боярину Юрию Алексеевичу Долгорукому (ум. 1682 г.) объясняется тем, что Долгорукий, выдающийся деятель на военном и дипломатическом поприще в царствование Алексея Михайловича, главный усмиритель восстания Разина, был опекуном несовершеннолетнего Федора Алексеевича.

Стр. 301, строки 13—16. *если де что... и слава богу.*—Смысл этих слов, видимо, такой: «Если, протопоп

Аввакум, на соборе [1666 г.] придется мне что-нибудь говорить, я говорить против тебя не стану. Видно, и ты так хотел поступить и другие, слава богу». В рукописях (списках) вместо «видно», очевидно по описке,— «винно».

Стр. 301, строки 19—20. *Иноземцы... творят.*— Под иноземцами здесь Аввакум разумеет греков.

Стр. 301, строки 20—21. *Своего царя Константина... предали турку...*—Последний царь византийский Константин XI Палеолог погиб в 1453 году при взятии турками Константинополя.

Стр. 302, строки 1—2. *Иоакиму тому патриарху.*—Иоаким (1620—1690) стал патриархом московским и всея Руси с 1674 года.

Стр. 302, строки 4—5. *кои приехали из Рима...*— очевидно, намек на газского митрополита Паисия Лигарида, получившего в Риме высшее богословское образование.

Стр. 302, строки 8—9. *с Павлом и Ларионом*— т. е. с Павлом, митрополитом крутицким, и Иларионом, архиепископом рязанским.

Стр. 302, строки 15—18. *яко чаша... не искидашася*— цитата из Псалтири, LXXIV, 9.

Стр. 302, строка 21. *имеяй уши слышати, да слышит*—цитата из Евангелия от Матфея, XIII, 9.

Письма к боярыне Ф. П. Морозовой

(стр. 303—308)

В полном виде до нас дошли всего два письма, которые обращены непосредственно к одной лишь Ф. П. Морозовой.

Первое письмо представляет собой ответ на письма Морозовой, заключавшие в себе главным образом жалобы на Федора юродивого. Оно написано в Пусто-

зерске, относится к 1669 году и сохранилось в автографе, написанном на оборотной стороне письма от Морозовой.

Второе письмо Аввакума написано также из Пустозерска, судя по его заключительным словам: «Не презирай живова мертвеца». Его можно датировать также 1669 или 1670 годом, во всяком случае не позже 16 ноября 1671 г., когда Морозова была заключена в тюрьму: совет перестать «медок попивать» мог быть обращен только к человеку, находящемуся на свободе. Сохранилось лишь в списках.

Стр. 303, строки 3—8. *Прежде сих грамоток... к женитьбе.*—Речь идет об единственном сыне Ф. П. Морозовой, Иване Глебовиче, умершем в 1672 году холостым. В одном из писем к Аввакуму Морозова писала: «Молю и прошу со слезами у тебя, батюшко, попроси у владыки об моем сыне и подай благословение то, кое ему годно свету, чтоб ево сочетать законным браком, как ему время будет, и чтоб владыка подал милость свою, чтоб дал супружницу ему благочестиву и нищелюбиву и страннопримницу, и у всех умоли, кои есть тамо Христови раби, а имена бог их весть» (Барсков, стр. 41).

Стр. 303, строки 8—15. *И стрельцу у бердыша... без твоего прошения.*—Осенью 1669 года пустозерский воевода Иван Неелов отправил в новгородскую четверть отписку со стрельцом М. Машигиным (см. С. Б. Веселовский, «Документы о постройке пустозерской тюрьмы»... «Летопись занятий археографической комиссии», в. XXVI, Спб. 1914, стр. 14). С ним, вероятно, в ящике, сделанном старцем Епифанием, Аввакум отправил и письмо к сыну Морозовой, до нас не дошедшее.

Стр. 304, строки 1—3. *Да пишешь ты... от святых тайн...*—В другом письме к Аввакуму Морозова просила его запретить своим детям общаться с Федором и помолиться за нее, чтобы бог избавил ее от Федора.

К этому она добавляет: «И тому Федору во всем запрети, чтобы в покаянии был. Только тебя послушеть, станет каеца» (Барсков, стр. 39).

Стр. 304, строки 11—12. *Я ведь знаю... с Федором сделалось.*—Нам недостаточно ясно, что было причиной остро-враждебного отношения Морозовой к Федору, о чем свидетельствует и письмо Морозовой к семье Аввакума, где она пишет, что Федор ее так поносил, «что не возможно не токмо писанию предать, но и словом изрещи невозможно» (Барсков, стр. 36). Судя по дальнейшим письмам и таким выражениям, как «совершенное падение», «дьявольское осквернение», «поганая любовь», и по ссылке на пример св. Мастридии, которая, по рассказу о ней в «Прологе», чтобы не стать женой полюбившего ее юноши, выколола себе глаза,—имеется в виду какой-то любовный соблазн, тем более вероятный, что в своем «Житии» Аввакум, говоря о Федоре, пишет о нем: «Многие борьбы блудные бывали, да всяко сохранил владыко». Так как в письме есть обращение и к сестре Морозовой, княгине Е. П. Урусовой, то возможно, что в истории с Федором была замешана именно Урусова.

Стр. 304, строка 12. *Писал тебе преж сего...*—См. начало полностью не сохранившегося письма Аввакума к Морозовой, опубликованного Барсковым, стр. 39—40.

Стр. 305, строки 10—11. *Не кручинься на Марковну... не знает...*—Жене Аввакума Настасье Марковне Морозова писала о своем отрицательном отношении к Федору юродивому (см. Барсков, стр. 35—38), но Марковна, видимо, не была посвящена во все подробности инцидента.

Стр. 305, строки 14—15. *Господь грядет... спасти.*—Ср. 9-ю песнь канона в «неделю мясопустную».

Стр. 305, строки 16—17. *приимем чювство онаго дне*—т. е. представим себе тот день.

Стр. 306, строки 14—16. *егда поносят... на небесех*—цитата из Евангелия от Матфея, V, 11.

Стр. 307, строки 4—6. *егда молишися... двери своя...*—Ср. Евангелие от Матфея, VI, 6.

Стр. 307, строки 8—11. *Господи! согрешила... наемниц твоих!*—Ср. Евангелие от Луки, XV, 18—19.

Письма к Ф. П. Морозовой, кн. Е. П. Урусовой и М. Г. Даниловой

(стр. 309—316).

Из двух писем, адресованных Аввакумом всем трем указанным адресаткам в Москву, печатаем первое, относящееся, судя по содержанию его, ко времени между 14 ноября 1671 года, когда Морозова взята была под стражу, и первой половиной 1672 года, когда она впервые подверглась пытке. Надписание письма словом «книга» заставляет предполагать, что оно является приложением к посланной трем узницам одновременно с письмом «Книге бесед». Письмо сохранилось лишь в списках.

Стр. 309, строки 5—10. *Херувимом подобящеся... во веки вся*—цитата из Книги пророка Даниила, XI, 26, 28.

Стр. 310, строки 4—5. Василий Великий и Григорий Богослов, или Назианзин, сподвижник Василия Великого, вместе с Иоанном Златоустым—три «вселенские учителя» восточной церкви.

Стр. 310, строка 6. Афанасий Великий, епископ александрийский (293—373)—«отец церкви», главный вождь ее в борьбе с арианством.

Стр. 310, строка 16. *мучеником сликовна*—т. е. ликующая с мучениками.

Стр. 310, строки 23—25. *а ужа моя... течения воды*—т. е. веревки мои коротки, чтобы достичь [дна этого

колодца]; они немощны, затемнены, прикрыты в ином месте водного течения.

Стр. 311, строки 16—17. *В книге моей... о господе.*—Аввакум имеет здесь в виду «Книгу обличений», полемизирующую с догматическими высказываниями дьякона Федора.

Стр. 312, строки 16—17. *яко древле в Коринфах соблудившаго с мачехой...*—Ср. 1-е Послание ап. Павла к коринфянам, V, 1—6.

Стр. 313, строки 15—17. *Привели бы оне... как и оне ж!*—т. е. довели бы они (никониане) его до всего дурного, надругавшись над тобой, и он, как и они, отрекся бы от Христа.

Стр. 313, строки 27—28. *Тебе бы таки всяк исповедник*—т. е. хорошо было бы, если б всякий твой исповедник был таков же, как я.

Стр. 314, строки 6—10. *Григорий о Трояне... милостивый бог.*—В житии Григория Двоеслова, папы римского, рассказывается о том, что он выпросил у Христа избавление от адских мук преследователю христиан, римскому императору Трояну, вспомнив однажды про справедливость, проявленную Трояном по отношению к некой вдове.

Стр. 314, строки 18—19. *не Феодосья ли девица преподобномученица?*—По словам жития «преподобномученицы» Феодосии, именем которой называлась Морозова в миру, когда по приказанию иконоборческого патриарха Анастасия воины хотели снять икону, бывшую над медными воротами, Феодосия вместе с другими женами воспрепятствовала этому, опрокинув лестницу и вместе с ней воина, пытавшегося снять икону. За это император Лев Исаврянин подверг Феодосию избиениям и заключению в темнице, где она и скончалась.

Стр. 314, строки 25—27. *то су и есть... без приятеля.*—Смысл фразы: в том-то и дело, чтобы мужчина

и девица, лишенные дружеской поддержки, не впали в грех.

Стр. 314, строка 27. *А батюшко то по-за воротами охочь!*—Речь идет о разведенном муже княгини Е. П. Урусовой—князе П. С. Урусове, которого Аввакум подозревает в склонности к любовным похождениям.

Стр. 315, строки 7—8. *пред старицею тою... простые бабы*—т. е. не пререкайтесь с Морозовой, которая, в отличие от мирянок Урусовой и Даниловой, была инокиней.

Стр. 315, строки 12—13. *А что ты о Акинфье печалуешься?*—обращение к Марье Герасимовне Даниловой, печаловавшейся, как видно, о своем муже Акинфии Ивановиче.

Стр. 316, строка 5. Меланья—старица в Москве, под началом у которой была боярыня Морозова.

Стр. 316, строки 23—27. *Многогрешный инок... своих молитвах*—видимо, приписка старца Епифания.

Письмо к боярыне Ф. П. Морозовой и княгине Е. П. Урусовой

(стр. 317—321)

Судя по словам письма: «недивно, яко 20 лет и единое лето мучат мя», оно было написано в конце 1674 года. Письмо сохранилось лишь в списках.

Стр. 317, строки 6—8. *Господи... спасителю наш*—цитаты из Псалтири, LXIX, 2 и LXXVIII, 8—9.

Стр. 318, строки 4—5. *подобни ести Еноху и Илии.*—Морозова и Урусова уподобляются Аввакумом библейскому патриарху Еноху и пророку Илье на том основании, что оба они характеризуются Библией как ревностные богопочитатели, прославившиеся своей религиозной стойкостью и святостью. По преданию, оба

были взяты живыми на небо и оба явятся на землю перед приходом Антихриста и последующим затем вторым пришествием Христа.

Стр. 319, строки 4—5. *жезл Ааронов прозябший.*— По словам Книги Числ, XVII, в подтверждение прав на священство в роде Аарона, старшего брата Моисея, из двенадцати жезлов, положенных в скинию по числу колен народа израилева, расцвел и принес плоды лишь один жезл—Аарона, происходившего из колена Левина.

Стр. 319, строки 22—25. *Борис Иванович Морозов... покоя не имуще.*—Борис Иванович Морозов (ок. 1590—1662)—деверь Ф. П. Морозовой, назначенный царем Михаилом Федоровичем «дядькой» будущего царя, Алексея Михайловича; затем он стал влиятельнейшим вельможей при дворе Алексея Михайловича и неизменным его советчиком и любимцем. По словам летописи, «он пребывал в царском дому неотступно, оставя свой дом, и пожитки, и волю, и покой всякий».

Стр. 320, строки 16—17. *С Феодором... ликовствует...*—т. е. вместе с юродивым Федором, повешенным на Мезени, причислен к лику святых.

Стр. 321, строки 16—20. *Многогрешный инок... великая восприимет.*—Эти слова, очевидно, приписаны старцем Епифанием.

Письма к семье

(стр. 322—328)

Из трех дошедших до нас писем Аввакума к своей семье печатаем два последних.

Первое письмо, на Мезень, сохранившееся в автографе, было написано, очевидно, одновременно с первым письмом Аввакума к боярыне Морозовой, осенью 1669 года, и отправлено, как и письмо к Морозовой,

со стрельцом М. Машигиным, которого пустозерский воевода Иван Неелов отправил тогда с поручениями в новгородскую четверть. Оно частично обращено и к Федору юродивому.

Второе письмо, также на Мезень, сохранившееся лишь в списках, было написано, вероятно, зимой 1673 года, судя по словам: «рубашку с себя скинул и поверг неимущим. Наг оттоле и до ныне,—уже три года будет». Снял с себя рубашку Аввакум после первой пустозерской казни 14 апреля 1670 г.

Стр. 322, строки 3—5. Жена сына Аввакума звалась Неонилой, третий сын Аввакума—Афанасий, дочери его—Агриппина, Акилина и Ксения. Федор и Лука—Федор юродивый и Лука Лаврентьевич, удавленные на Мезени в конце 1669 года.

Стр. 322—323, строки 12, 10—11, 14, 20. Кто были упомянутые в письме Тимофей, Иван Архипов, Стефан и Арина—неизвестно.

Стр. 323, строка 4. *богоявленской воды... августовой*—т. е. воды, освященной в дни водосвятия—6 января и 1 августа.

Стр. 323, строка 6. *О мире... писал я вам.*—Речь идет, очевидно, о примирении Ивана, Прокопия, Федора юродивого и Морозовой. Упоминаемое Аввакумом его письмо, содержащее в себе ответ и на неизвестное нам письмо к Аввакуму Федора юродивого, до нас не дошло.

Стр. 323, строка 10. О Маремьяне см. на стр. 468.

Стр. 323, строки 12—13. *святит бо... о жене верней*—цитата из 1-го Послания ап. Павла к коринфянам, VII, 14.

Стр. 323, строки 16—19. *В Соловки те... назад совсем.*—С 1668 года Соловецкий монастырь был уже в осаде, и проникнуть в него было и трудно и небезопасно.

Стр. 323, строки 23—24. *Хто тебя научил... запретил?*—Боярыня Морозова также просила Аввакума «во всем запретить Федору» (см. стр. 304).

Стр. 324, строки 2—5. *Возлюблении... душю нашю*—цитата из 1-го Послания ап. Петра, II, 11.

Стр. 324, строки 6—7. *Вся суета суете, и все суетие*—цитата из Книги Экклесиаста, I, 2.

Стр. 324, строки 15—22. *Увы, красный унылъ... суета человеческая.*—Ср. стихиры Иоанна Дамаскина на погребение.

Стр. 324, строки 26—27. *Имеюще пищу... довольни будем*—цитата из 1-го Послания ап. Павла к Тимофею, VI, 8.

Стр. 325, строки 1—2. *Аще и забудет мати... но аз не забуду*—цитата из Книги пророка Исаии, XLIX, 15.

Стр. 325, строки 2—6. *Не пять ли птиц... лутше есте вы*—цитата из Евангелия от Матфея, X, 29—31. Ср. Евангелие от Луки XII, 6—7.

Стр. 325, строки 8—9. *небо и земля... не имут прейти*—цитата из Евангелия от Луки, XXI, 33.

Стр. 325, строки 15—23. *Внуши, боже... студенец истления*—цитаты из Псалтири, LIV, 2, 22—24.

Стр. 326, строки 12—19. *зверь даурский... к нему, свету*. Речь идет о воеводе Афанасии Пашкове, о пострижении которого Аввакум говорит, иногда в сходных выражениях, и в третьей редакции «Жития».

Стр. 326, строка 21. Иван Иванович Ржевский (ум. 1678) с 1658 по 1663 год был воеводой в Енисейске.

Стр. 327, строки 1—3. *и умертвят от вас... душа ваша*—цитата из Евангелия от Луки, XXI, 17—19.

Стр. 327, строка 16. Учитель сына Аввакума Григорий ближе нам неизвестен.

Стр. 327, строка 18. Мария и Акилина—дочери Аввакума.

Стр. 327, строка 20. *На висилицу... не пошли...*—Ср. «Житие», стр. 134.

Письма к Симеону

(стр. 329—346)

Адресат трех дошедших до нас с этим именем писем Аввакума, видимо, не кто иной как будущий инок Сергий, в миру Семен Иванович Крашенинников, известный участник старообрядческого мятежа 1682 года, составитель челобитной, написанной от лица всех стрелецких полков и чернослободцев. Он был, по его собственным показаниям, постриженником олонецкого монастыря с 1675 года, родом нижегородец, посадский человек. К нему с посланием Аввакум обращался и тогда, когда Семен стал игуменом, адресуя свое послание «новому игумну, старому моему чаду Сергию». Игумену Сергию несколько строк уделяет Аввакум и в послании к Борису и прочим «рабам бога вышнего».

Все три письма были написаны, судя по тому, что Аввакум называет своего адресата мирским именем, а также потому, что Морозова, Урусова и Данилова упоминаются в них как живые, не позднее 1675 года. С другой стороны, письма не могли быть написаны ранее 19 апреля 1673 года—времени заключения всех трех женщин в Боровской монастырь.

Письма сохранились лишь в списках. Первые два посланы были Симеону, видимо, одновременно с «Книгой» толкований и нравоучений.

Стр. 331, строки 4—5. *Отраднее, чадо... житие бысть.*—В Книге Бытия, XVIII—XIX, говорится о том, что в нечестивом городе Содоме была лишь одна праведная семья Лота, которая по повелению божию ушла оттуда перед тем, как бог истребил серой и огнем Содом и соседнюю Гомору.

Стр. 331, строки 25. *в Беседах апостольских...*—Под «Беседами апостольскими» Аввакум разумеет многочисленные толкования Иоанна Златоуста на Деяния

и Послания апостолов, частью вошедшие в сборник «Маргарит».

Стр. 333, строки 6—23. *Честнаго отца... вся приобрете.*—Видимо, Аввакум пересказывает житие Иоанна Златоуста, приписываемое архиепископу, позднее патриарху александрийскому Георгию, вошедшее в сборник «Маргарит». Мелетий (ум. в 381 г.)—епископ антиохийский, учитель Иоанна Златоуста. Флавиан (ум. в 404 г. —также епископ антиохийский, преемник Мелетия, друг и ученик Иоанна Златоуста. Аркадий (347—408)—император византийский. Евдоксия (ум. в 404 г.)—его жена.

Стр. 333, строка 24. *рыкнул Иркан...*—Иркаином Аввакум называет противника Иоанна Златоуста, патриарха Феофила, уподобляя его первосвященнику и правителю Иудеи Гиркану II (79—40 гг. до н. э.), казненному Иродом.

Стр. 334, строка 3. *с Марьюшкою...*—с царицей Марьей Ильинишной, рожденной Милославской (1625—1669), первой женой Алексея Михайловича.

Стр. 334, строки 7—9. *новый Феофил... Никон!*—Феофил, с 385 года патриарх александрийский, крупнейший богослов IV—V веков, враг и ненавистник Иоанна Златоуста, человек крайне самовластный и жестокий в обращении со своими подчиненными, в частности с епископами, систематически преследовавший своих противников ссылкой и заключением в тюрьме, так же как и позднее Никон, весьма неравнодушный к богатству и роскоши.

Стр. 334, строки 9—10. *Златоуста в Куксы арменския, потом в Каманы...*—По приговору собора, Иоанн Златоуст отправился в 404 году в ссылку в город Кукуз (Малая Армения), откуда через некоторое время был отправлен в Пициус, на кавказском берегу Чернаго моря, но по дороге туда в 407 году умер в Команах.

Стр. 335, строка 14. *богоприимче!*—Аввакум называет Семена «богоприимец», очевидно потому, что так назывался Симеон — первосвященник иерусалимского храма, принявший Христа на сороковой день, для обрезания.

Стр. 335, строки 14—19. *кончину арапа... еже есть турской!*—Сообщение Аввакума о распятии турками («Измаилом») бывшего на московском соборе 1666—1667 годов патриарха александрийского Паисия—неверно.

Стр. 335, строки 21—23. *аще кто в пленение... убиену быти*—цитата из Апокалипсиса, XIII, 10.

Стр. 335, строки 25—26. *Яко Тиверий... первых распинателей...*—Судьбу Пилата и Каиафы, осудивших, по Евангелию, Христа на смерть, Аввакум передает неточно. Сведения о смерти Пилата он почерпнул из апокрифического «Послания Пилата к Тиверию кесарю», обращавшегося в русской письменности в виде отдельной статьи и также заключавшего собой апокрифическое «Никодимово Евангелие». В этом «Послании» говорится о том, что Тиверий велел отсечь голову Пилату.

Стр. 336, строки 3—8. *Еще надеюся... кровей мученических.*—Тит Веспасиан (41—81), римский император, разрушил Иерусалим, проявив при этом большую жестокость по отношению к жителям города.—Новый Иерусалим на реке Истре—монастырь, основанный Никоном в 1656 году, куда он удалился после своего низложения.—Под «пригородком», «в нем же Неглинна течет», Аввакум разумел или патриарший двор в Кремле или самый Кремль как резиденцию царя. Надежды Аввакума на «Тита второго Иусписияновича» связаны были с военными угрозами со стороны Турции.

Стр. 336, строки 11—13. *имущи чашу... прелюбодеяния ея*—цитата из Апокалипсиса, XVII, 3—4.

Стр. 336, строки 22—23. *малакса на чело поп наложит...*—т. е. помажет маслом так, как учил Николай Малакса (см. выше).

Стр. 338, строки 10—11. *Достоин... мзды своея*— цитата из Евангелия от Матфея, X, 10.

Стр. 338—339, строки 29—3. *Изведи из темницы... воздаси мне*—цитата из Псалтири, CXLI, 7.

Стр. 339, строки 21—27. *душу свою... адова сокровища.* Это представление Аввакума о сошествии Христа в ад трактовалось как «еретическое» не только официальной православной церковью, но и представителями старообрядчества. По этому пункту у Аввакума была ожесточенная полемика с его соузником по Пустозерску дьяконом Федором, утверждавшим, как и никониане, что Христос сошел в ад только душой и притом тогда, когда тело его три дня лежало в гробу; Аввакум же утверждал, что Христос сошел в ад и телом и душой уже после своего воскресения. Эта «ересь» Аввакума представляет собой характерный образец конкретно-материализованного толкования отвлеченных догматов.

Стр. 339—340, строки 29—1. *к тому уже не умрет... не обладает*—цитата из Послания ап. Павла к римлянам, VI, 9.

Стр. 340, строка 22. *И Павел апостол так же пишет.*—Ср. 1-е Послание ап. Павла к коринфянам, III, 13—15.

Стр. 341—342, строки 26—25. *А мучитель ревет... матица огня!*—Все сказанное здесь о царе Максимиане, возможно, представляет собой замаскированный намек на царя Алексея Михайловича и на его участь после смерти.

Стр. 342, строки 26—27. *славно бо прославися...*— цитата из Книги Исход, XV, 1.

Стр. 343, строки 1—4. *Макар антиохийский... под лесницу спрятался.*—Патриарх антиохийский Макарий, участник московского собора 1666—1667 годов, уехал из Москвы в 1669 году через Грузию. Он умер в 1672 году, от отравления.

Стр. 344, строки 26—29. *Три отроки... сам четверт, с богом!*—Ср. Книгу пророка Даниила, III.

Стр. 345, строки 5—14. *его же положи... наследствова имя*—цитата из Послания ап. Павла к евреям, I, 2—4.

Стр. 345, строки 16—18. *благословен еси... во веки*—цитата из Книги пророка Даниила, III, 26.

Письмо к Маремьяне Федоровне

(стр. 347—351)

Маремьяна Федоровна, помогавшая сосланной на Мезень семье Аввакума в то время, как сам он был в заключении в Пустозерске, как догадывается П. С. Смирнов (Памятн., стр. LXXI—LXXIII), жила в Москве и была женой московского попа Димитрия, с которым она отказывалась жить после того, как он стал служить по новым книгам. В письме к своей семье Аввакум сообщает о том, что он послал к Маремьяне не дошедшую до нас грамотку, в которой велел ей жить с попом. «Что она плутает?»—спрашивает он и далее цитатой из Послания ап. Павла аргументирует мысль о святости брака верной жены, то-есть христианки, даже и с неверным мужем, то-есть с нехристианином. Поп, приславший Аввакуму просфору, благодаря которой Аввакум подвергся нападению бесов, видимо, и есть этот самый Димитрий, с которым Маремьяна отказывалась жить. Имя его в письме не упомянуто, вероятно, потому, что на этот раз Аввакум обращается к Маремьяне не как к жене заблудшего попа, не могущей оставлять своего мужа даже в случае его заблуждения, а как к одной из «верных», долженствующих уклоняться от религиозных услуг никонианских попов. Судя по вариантам этого письма, дошедшего до нас лишь в списках, оно было написано не раньше второй половины 1675 года.

Стр. 348, строки 22—23. *Без веры... угодити богу*—цитата из Послания ап. Павла к евреям, XI, 6.

Стр. 349, строки 6—7. *Лутче бы не родился человек той...*—Ср. Евангелие от Матфея. XVI, 24, и от Марка XIV, 21.

Стр. 350, строки 21—23. *Молитву пролию... господи!*—Ср. Псалтирь, CXLI, 2.

Стр. 351, строка 4. *так бы что Исакия печерского затомили.*—В житии затворника печерского Исаакия, помещенном в Киево-печерском патерике, рассказывается о том, что, когда к Исаакию явились бесы в образе ангелов и Христа, он, не догадываясь, что имеет дело с бесами, поклонился одному из них как Христу. После этого бесы, воскликнув: «Ты наш, Исаакий», ударили в дудки, тимпаны и гусли и, подхватив Исаакия, стали с ним скакать и плясать, после чего, оставив его едва живым и надругавшись над ним, исчезли. От этого бесовского наваждения Исаакий оправился лишь через два года.

Из «Послания к верным»

(стр. 352—353)

«Послание к верным» дошло до нас в двух редакциях. Первая, сокращенная, относится к 1673 году; вторая, распространенная —к 1678 году, судя по указанию в ней Аввакума на то, что он страдает от никониан двадцать пять лет.

Обе редакции сохранились лишь в списках. Печатаем извлечение из второй редакции.

Стр. 352, строки 2—4. *Молю убо... в целомудрии*—соединение двух цитат из Посланий ап. Павла к ефесянам, IV, 1, и к римлянам, XII, 3.

Стр. 353, строка 4. *дети духовныя еретиком же зовут!*—очевидно, здесь Аввакум намекает на свою полемику со своим «духовным сыном» дьяконом Федором, которая как раз с особенной силой возгорелась около 1678 года.

Стр. 353, строки 6—7. *Аще бог по мне, кто на ны?*—Ср. Послание ап. Павла к римлянам, VIII, 31.

Из «Книги всем нашим горемыкам миленьким»
(стр. 354—357)

«Книга», адресованная «всей тысящи рабов Христовых» в Москву, дошла до нас в трех редакциях, в списках. В третьей редакции есть указание на то, что она была составлена в 1678 году. Печатаем отрывок из второй редакции.

Стр. 354, строка 12. *и с паками*—т. е. с его возгласами «паки и паки».

Стр. 354, строки 13—14. *истинным запасом*—т. е. «запасными» дарами, заранее освященными «истинным» (не никонианским) священником.

Стр. 355, строки 16—18. *Исповедайте... яко да исцелеете*—цитата из Послания ап. Иакова, V, 16.

Стр. 356, строка 2. *Лев Катанский... такова вора.*—В житии Льва, епископа катанского, рассказывается о чудесной его расправе с волхвом Илиодором. Будучи неуловим для светских властей, которые хотели Илиодора казнить, он однажды вошел в церковь, где служил Лев катанский, и стал там производить свои волхвования. Тогда Лев, связав Илиодора омофором [принадлежность епископского облачения], вывел его из церкви, велел сделать костер и вместе с волхвом вошел в огонь, выйдя из него невредимым после того, как волхв сгорел.

Из послания к «Рабам бога вышнего»
(стр. 358—362)

Послание начинается с обращения к некоему Борису и продолжается обращением к прочим членам москов-

ской старообрядческой общины. Печатаемый отрывок связан с проступком уставщицы московского Вознесенского монастыря Елены Хрущовой. Проступок этот, к которому Аввакум отнесся очень сурово, состоял в том, что Елена разлучила с мужем сестру игуменьи Аксиньи Ксенью Гавриловну, которая, овдовев, вторично вышла замуж и от нового брака прижила ребенка, едва не загубленного Еленой. Одновременно со строгим внушением провинившейся, сопровождаемым наложением на нее длительной епитимии, Аввакум адресуется к своим авторитетным единомышленникам—Досифею, Меланье и Сергию—с просьбой воздействовать на Елену и смирить ее.—Досифей (умер между 1688 и 1691 гг.)—вначале игумен Беседного Никольского монастыря близ Тихвина, покинувший затем монастырь из-за преследований его как ревнителя старой веры и скитавшийся по разным местам, несколько раз приходя в Москву. В 1683 году он окончательно переселился на Дон. В старообрядческом мире, в частности у Аввакума, Досифей пользовался огромным авторитетом и внушал к себе большое уважение. Мелания—упоминавшаяся выше старица, у которой Елена была под началом. Сергий—упоминавшийся выше инок, в миру Семен Крашенинников.

Родион, к которому Аввакум обращается с предостережением, также член московской старообрядческой общины, вероятно племянник Акинфия Данилова, мужа соузницы боярыни Морозовой Марии Даниловой. Этот Родион, видимо, имел какое-то косвенное отношение к проступку Елены.

Судя по некоторым намекам в конце послания, оно было написано незадолго до смерти Аввакума, скорее всего в 1681 году, и сохранилось лишь в списках.

Стр. 358, строки 12—13. *Апостол велит... нежели разжизатися*—т. е. апостол велит молодым вдовам лучше вновь выходить замуж, чем разжигать свою плоть.

Стр. 359, строки 2—3. *над крестьяны играет*— т. е. играет с христианами.

Стр. 359, строка 19. *Ламех*—по Библии—убийца Каина.

Стр. 360, строка 21. *яко Елисей...*—Очевидно, речь идет о каком-то неизвестном нам члене московской старообрядческой общины.

Стр. 360, строки 24—26. *его же аще свяжете... разрешен.*—Ср. Евангелие от Матфея, XVI, 19.

Стр. 360, строки 28—29. *достоин... мзды своея*— цитата из Евангелия от Матфея, X, 10.

Стр. 361, строки 7—8. *яко Марию Магдалыню, прибегшую ко Исусу...*—Ср. Евангелие от Луки, VII, 37—50, VIII, 2.

Стр. 361, строки 10—11. *аще не имать... преже всех*—цитата из Евангелия от Иоанна, VIII, 7.

Стр. 361, строки 17—20. *слово божие... до самыя души.*—Ср. Послание ап. Павла к евреям, IV, 12.

Стр. 361, строка 22. *Ефремову книгу*—книгу Ефрема Сирина (см. пояснение к стр. 140, строки 20—21).

Письмо к Алексею Копытовскому

(стр. 363—365)

Кто такой был Алексей Копытовский, а также тот Лукьян, против общения с которым Аввакум предостерегает Копытовского,—неизвестно. Из содержания письма невозможно также установить, где жил адресат и когда письмо ему было послано. Можно лишь догадываться, что оно написано спустя несколько лет после осуждения старообрядчества собором 1667 года. Это осуждение, как видно из письма, заставило Копытовского значительное время скрываться от преследования никониан, благодаря чему Аввакум долго ничего не знал о его судьбе. Письмо сохранилось в единственном списке.

Стр. 363, строки 11—12. *Разумно ли тебе*— т. е. понятно ли тебе.

Стр. 364, строки 10—11. *несть сообщения свету со тьмою...*—Ср. 2-е Послание ап. Павла к коринфянам, VI, 14.

Стр. 364, строки 13—14. *Растлил он... самого бог.*—Ср. 1-е Послание ап. Павла к коринфянам, III, 17.

Стр. 364, строки 18—20. *по непокаянному и жестокому его сердцу.*—Ср. Послание ап. Павла к римлянам, II, 5.

Стр. 364, строка 22. *изволися духу святому...*— Ср. Деяния апостолов, XV, 28.

Стр. 364, строки 23—24. *предати тя... спасется.*—Ср. 1-е Послание ап. Павла к коринфянам, V, 5.

Стр. 364, строки 25—26. *месть Каинова, и Исавова, и Саулова*—т. е. возмездие, которое потерпели Каин, проклятый богом со всем своим потомством за убийство брата Авеля, Исав, лишенный благословения своего отца Исаака и отданный в рабство брату своему Иоакову за то, что пренебрег своим первородством, и Саул, лишенный царства и погибший от собственного меча за уклонение от правого пути.

Стр. 365, строки 4—5. *душу свою полагаю за овца...*—Ср. Евангелие от Иоанна, X, 11.

Стр. 365, строка 19. *Максим*, к которому Аввакум обращается в конце письма, очевидно, сын другого пустозерского узника, дьякона Федора.

Письмо к «отцам поморским»

(стр. 366—367)

Кто были «отцы поморские», к которым обращается здесь Аввакум, называя их по именам, и где они жили,— также неизвестно. Текст письма не дает возможности

определить и время его написания. Письмо сохранилось лишь в списках.

Стр. 366, строка 4. *ревнители Ильины*— т. е. соревнующие пророку Илье, горячему поборнику благочестия.

Стр. 366, строки 8—9. *Вы постигосте... верси бедам*—т. е. вы узнали меру горам, а мы—меру бедам.

Стр. 366, строки 15—16. *Аще бог по нас, кто на ны*—цитата из Послания ап. Павла к римлянам, VIII, 31.

Стр. 367, строка 2. *нежели щенятам*—т. е. тем более щенятам.

Стр. 367, строки 6—7. *беседы злы тлят обычаи благи*—цитата из 1-го Послания ап. Павла к коринфянам, XV, 33.

Стр. 367, строки 17—18. *приимете... венец*— цитата из 1-го Послания ап. Петра, V, 4.

Письмо к «отцу и брату, другу и советнику»
(стр. 368—370)

Судя по отсутствию в письме имени адресата, вместо которого стоит «имя рек», оно представляет собой своего рода стереотипное послание, которое должно было рассылаться в подходящих случаях лицам, нуждавшимся в руководстве и поучении. Данное письмо предназначалось для лица, временно уклонившегося от старого обряда и затем вновь к нему вернувшегося. Время его написания не может быть определено. Сохранилось лишь в списках.

Стр. 368—369, строки 14—1. *Павла в Листре... мнеша его умерша?*—Об этом рассказывается в Деяниях апостолов, XIV, 19.

Стр. 369, строка 22. *дух бодр, плоть же немощна*—цитата из Евангелия от Матфея, XXVI, 41.

Основная библиография

Сочинения Аввакума

Автографы и списки сочинений Аввакума хранились его единомышленниками в старообрядческих скитах и в частных руках. Официальной властью писания вождя старообрядчества, как и других старообрядцев, усиленно преследовались, конфисковывались и просто уничтожались. То, что уцелело все же в относительно большом количестве в государственных древлехранилищах (в Ленинградской Публичной библиотеке, в б. Синодальной библиотеке, Всесоюзной библиотеке им. Ленина и др.) и в частных рукописных собраниях, принадлежавших преимущественно старообрядцам,—представляет собой лишь остаток огромной рукописной старообрядческой традиции.

Из сочинений Аввакума впервые было опубликовано его «Житие» по недостаточно исправному списку, восходящему к редакции, позже обнаруженной в автографе. Публикация—в «Летописи русской литературы и древности», 1859—1860, книжка шестая,—принадлежит

Н. С. Тихонравову. Та же публикация вышла отдельно в издании Д. Е. Кожанчинова, Спб. 1862 г. Значительное большинство сочинений Аввакума с вариантами по различным спискам издано Н. И. Субботиным в «Материалах для истории раскола за первое время его существования», тт. I, V и VIII, М. 1875, 1879, 1898. Сюда вошли как опубликованные частично ранее сочинения Аввакума, так, в большинстве, и до тех пор не опубликованные. В V томе помещено «Житие», также по списку, восходящему к редакции, обнаруженной затем в автографе, но более исправному, чем список, опубликованный Тихонравовым. Публикации Субботина перепечатаны в издании «Сочинения бывшего юрьевецкого протопопа Аввакума Петрова». Издание братства св. Петра митрополита, М. 1916 г. Ряд новых текстов Аввакума, в том числе «Житие» по списку Казанской духовной академии, представляющему собой новую, более обширную его редакцию (по номенклатуре академического издания—*В*), опубликован в приложении к книге А. К. Бороздина «Протопоп Аввакум. Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке». Спб., изд. 1-е—1898 г., изд. 2-е—1900 г. (частично этот материал публиковался предварительно на страницах «Христианского чтения», 1888—1889). Шесть автографов писем Аввакума, частично напечатанных ранее по спискам, опубликованы Я. Л. Барсковым в «Памятниках первых лет русского старообрядчества». Летопись занятий Археографической комиссии, т. XXIV, Спб., 1912, и отдельно. Там же напечатан список «Жития» Аввакума по рукописи В. Г. Дружинина, восходящей к той же редакции, что и список Казанской духовной академии. Материал обстоятельно комментирован. В издании «Памятники истории старообрядчества XVII века», книга первая, выпуск I, изд. Академии наук СССР, Лгр. 1927, под редакцией Я. Л. Барскова и П. И. Смирнова, напечатано огромное

большинство известных доселе и частью не опубликованных ранее произведений с обширным количеством вариантов. Здесь напечатано впервые «Житие» Аввакума по автографу, принадлежащему В. Г. Дружинину, а также две другие редакции «Жития» по спискам, обозначенные условно буквами *Б* и *В*. В предисловиях редакторов, помимо сведений о рукописном фонде сочинений Аввакума и аргументации в пользу принадлежности его перу публикуемых сочинений, тщательно проделана датировка памятников. Издание пока не закончено. В него не вошли два письма Аввакума, а также переложения и отрывки из его сочинений. (Еще до напечатания указанного издания вышли в свет отдельными оттисками из него «Житие» Аввакума по трем редакциям, Пгр. 1916 г., и «Книга бесед», Пгр. 1917.) В сборнике «Версты», № 1, Париж 1926, под редакцией А. М. Ремизова напечатан сводный текст «Жития»; в основу его положена автографическая редакция по академическому изданию, исправленная и пополненная в соответствующих местах вариантами из редакций *Б* и *В*. Научного значения эта публикация не имеет.

«Житие» Аввакума переведено на английский язык под редакцией Д. Святополк-Мирского: «The Life of the Archpriest Awwakum by himself», Лондон 1924, и на немецкий: «Das Leben des Protopopen Awwakum von ihm selbst niedergeschrieben», перевод с введением и комментарием Р. Ягодича, Берлин 1930. В основу перевода Ягодича лег также сводный текст «Жития», препарированный по тому же принципу, что и текст под редакцией А. М. Ремизова.

Литература об Аввакуме и о расколе

А. П. Щапов, Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием

русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII. Сочинения, том I, Спб. 1906.

Его же, Земство и раскол. I—II. Там же.

П. С. Смирнов, Внутренние вопросы в расколе в XVI веке, Спб. 1898.

В. О. Ключевский, Западное влияние и церковный раскол в России в XVII в.—в сб. «Очерки и речи». М. 1913 г.

Н. Ф. Каптерев, Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, тт. I—II, М. 1909, 1912.

М. Н. Покровский, «Очерки истории русской культуры», часть II, изд. 2-е т-ва «Мир», М., глава 2-я.

Его же, Русская история в самом сжатом очерке, Партиздат, М. 1932, гл. «Государство Романовых и раскол».

Г. В. Плеханов, История русской общественной мысли, т. II, М. 1919, гл. XI—XII.

Н. М. Никольский, История русской церкви, изд. «Атеист», 1930, гл. V и VI.

В. А. Мякотин, Протопоп Аввакум—в книге «Из истории русского общества», Спб. 1902.

А. К. Бороздин, Протопоп Аввакум. Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке, изд. 2-е, Спб. 1900.

С. Смирнов, Древнерусский духовник, М. 1914, гл. VII.

В. К. Никольский, Сибирская ссылка Аввакума, РАНИОН. Институт истории. Ученые записки, т. II, М. 1927.

П. Любомиров, Раскол. Энциклопедический словарь Русск. библиогр. инст-та Гранат, изд.7-е, т. 35.

Его же, Старообрядчество. Там же, т. 41—IV.

С. Томсинский, «Петровские» реформы. Борьба классов накануне реформ.—«Историк-марксист», 1933, т. 4 (32).

В. В. Виноградов, Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума, сборник «Русская речь», I, Пгр. 1922.

П. Черных, Очерки по истории и диалектологии северно-великорусского наречия.—«Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, как памятник северно-великорусской речи XVII столетия», I—II, Иркутск 1927.

Литературные обработки «Жития» Аввакума.

Д. Л. Мордовцев, Великий раскол, историческая повесть, М. 1881.

Д. С. Мережковский, Протопоп Аввакум, поэма. «Стихотворения» (1883—1887), Спб. 1888.

Максимилиан Волошин, Протопоп Аввакум.—«Демоны глухонемые», изд. «Камена», Харьков 1919.

Словарь трудных для понимания слов

А б и е — тотчас.

А г н е ц — частица из просфоры, вынимаемая в честь Иисуса Христа и, по учению православной церкви, в определенный момент литургии претворяющаяся в тело Христово.

А е р — воздух (атмосфера).

А л б а н а с ы — албанцы.

А л ь м а н а ш н и к — изучающий альманахи, то-есть астрономические книги.

А м а н а т — заложник.

А м о — куда.

А н о — а, ан.

А ф е д р о н — задний проход.

Б а б а — стрекоза.

Б а з л у к — род подковы с шипами, которую рыбаки подвязывают к подошве для ходьбы по гладкому льду.

Б а р т е (б о р т е) — пожалуй, пусть.

Б а ч к а — сокращенное—батюшка, отец.

Б е р н ы й — сделанный из глины, из грязи, грязный.
Б е с с т у д с т в о — бесстыдство.
Б е т ь — бревно, кладущееся поперек барки для скрепления бортов.
Б л а з н и т ь — соблазнять.
Б л я д ь — блуд, заблуждение, обман; производное—распутная женщина.
Б о г о р а с л е н н ы й — взращенный богом.
Б о л е з н е н н ы й — соболезнующий, участливый.
Б о л ь ш о — должно быть.
Б р а т и с я — бороться.
Б р а ш н о — пища.
Б р е д к о с т ь — горечь.
Б р и т о б р а д е ц — бреющий бороду.
Б р о д н и — сибирская обувь.
Б р у с и т ь — твердить.
Б р ы л а с т ы й — губастый, имеющий отвислые губы.

В д р у г о р я д — во второй раз.
В е р е м е н н и ц а — фаворитка.
В е р с т а — расстояние, степень.
В е р с ь — верста, мера расстояния.
В е р т о г р а д — сад.
В е р ш и е — плоды с твердой скорлупой: орехи, каштаны и т. п.
В з д и в и я ч и т ь с я — взволноваться.
В з н а к — навзничь.
В м а л е — вскоре.
В н е г д а — когда.
В о з г р я — сопля.
В о з д у х — покров на церковных сосудах с «дарами».
В о л о х и — румыны.
В о л о ч е н н ы к и — ручные саночки, салазки.

В о̀ н я — запах.
В о р у х а — воровка.
В с е д е т е л ь н ы й — достойнейший, совершеннейший.
В т а й — тайно.
В ы я — шея.
В я к а н ь е — непринужденная беседа, болтовня.

Г о б з о в а н и е — урожай, обилие.
Г о в о р — шум.
Г о л к а — шум, мятеж.
Г о н — участок земли.
Г о н ы м е с т а — определенное расстояние.
Г о р д о у с — гордец.
Г р е з н ь — виноградная ягода.
Г р и в е н к а — мера веса.
Г р у с т к о — тяжко, грустно.
Г у г н и в ы й — картавый.
Г у з н о — зад.

Д а ж е — чтобы.
Д е с н ы й — правый, истинный, достойный.
Д и в и й — дикий.
Д и с к о с — блюдце на подставке, на которое кладется вынутый из просфоры «агнец» (см.).
Д о м р а — музыкальный инструмент, имеющий две струны.
Д о н д е ж е — пока.
Д о щ е н н и к — большая плоскодонная лодка с палубой.
Д р я х л о в а т и — печалиться, сокрушаться.

Е д и н а ч е — одинаково.
Е з — частокол или плетень поперек реки, рыболовная застава.

Жерновый угол — место, где стоит ручной жернов, против дверей рядом с красным углом.

Заводы — затеи.
Зазреть — осудить.
Закоснити — замедлить.
Залавок — уступ, глубокий обрыв в реке.
Замотай — мот, кутила.
Зане — потому что.
Заплутай — плут.
Запор — плетень поперек реки для ловли рыбы.
Зело — очень.
Зельный — обильный, отличный, выдающийся по размерам.
Зепь — карман, мошна, сумка, пазуха.
Зодейшик (зодейщик) — занимающийся астрономией.

Изверг — отверженный.
Изврат — порок.
Изгонь — изгнание.
Изубрь — зубр.
Изуграф — иконописец.
Инова — иногда.

Каженик — евнух.
Казить — искажать, повреждать.
Камык — драгоценный камень.
Канун — канон, церковное «правило».
Карбас — большая перевозная лодка на четыре-десять весел.
Кафизма — каждый из двадцати отделов Псалтири.
Кафолический — православный.
Кирелейсон (греч.) — господи помилуй.
Клусить — дурачиться, гаерничать.

К о б ь — гадание по птичьему полету или по встрече, колдовство.
К о з н о в а н и е — коварство, хитрые проделки.
К о к о ш — курица-наседка.
К о л е ш ч а т а я п и щ а л ь — пушка на колесах.
К о л о б о к — небольшой круглый хлебец, толстая лепешка.
К о л ь м и — насколько.
К о н о б — лохань, котел.
К о р д о м о н (кардамон) — привозные пряные плоды.
К о с т е л ь н и к — приверженец римского костела.
К о ч е н ь е — кочан.
К р а г у й — ястреб.
К р е с т ь я н и н — христианин.
К р о м а — коврига.
К р ы ж, к р ы ж о к — крест, крестик.
К с т а е — кстати.
К у д и с и т ь — волхвовать.
К у м ы к и — татарское племя, населявшее Кумыкскую плоскость на Северном Кавказе.

Л а г о д и т и — подлаживаться.
Л а й н о — экскременты.
Л е в и т — духовный сан у древних иудеев.
Л и т о р г и с а т ь — совершать литургию.
Л ю б ы — любовь.

М а л а к и я — разврат, рукоблудие.
М а л а к с а — иносказательно—печать маслом на лоб, заведенная никонианами на основании греческих богослужебных книг, издававшихся в XVI веке в Венеции Николаем Малаксом.
М а т и ц а о г н я — геенна огненная.
М е д в е д ь — у купцов—залежавшийся товар.
М е т а н и е — земной поклон.

Мечтание — видение, наваждение.
Молва — шум, волнение, смятение.
Мòлыть, мòлоть — молвить, сказать.
Мотрошить — нашептывать, ворожить.
Мотыльный — гнойный, навозный.
Мочно — можно.
Мыт — понос.
Мытоимец — мздоимец.

Набрушиться — распороть брюхо.
Навадник — клеветник.
Накось — наискось.
Напрасный — жестокий, внезапный.
Напрасство — тяжелые обстоятельства.
Нарок — клятва, зарок.
Нарта — сани для езды на собаках и на оленях.
Началить — научать, руководить.
Невостягновенно — безудержно.
Неизворотно — несподручно, неудобно.
Необратный — непреоборимый.
Неразместно — несмешанно.
Неука — неученый человек.
Нерпа — тюлень.
Нечес — нечесанный, растрепанный, неряшливый человек.
Ниже — и не.
Нужницы — добывающие что-нибудь усилием.
Нужный — трудный, требующий усилия.

Обаче — но, однако, напротив.
Облазнитися — ошибиться.
Область — власть.
Обмишулиться — ошибиться, дать маху.
Однорядка — однобортный кафтан.
Одождение — окропление.
Озобати — вкусить.

Окормительница — наставница, руководительница.
Окрочить — осенить.
Онамо — там.
Омуль — рыба из рода лососей или сигов.
Опона — покров, завеса.
Опрятство — осторожность, деликатность.
Ослопие — дубина, кол.
Острог — частокол, ограда из кольев, устраивавшаяся около города для его защиты; также самый город, то-есть укрепленный административный пункт, не имеющий при себе посада.
Отнеле — с тех пор, как, когда, откуда.
Отдух — отдушина, отверстие.
Отщетиться — потерпеть, повредиться.
Очютиться — очнуться.

Паки — опять, снова.
Память — грамота, распоряжение.
Папарты — крылья.
Патрахель, петрахиль — епитрахиль, часть облачения священника.
Пепелесый — пепельного цвета.
Персь — грудь.
Петь — опять.
Пищаль — огнестрельное орудие, пушка.
Плищ — большой шум, крик.
Плюскать — шлепать языком.
Повалуша — летняя холодная спальня.
Повапленный — разукрашенный.
Поддымение — раннее утро в деревнях, когда затапливаются печи, пора топки черной избы.
Полма — пополам.
Полтретьятцеть — двадцать пять.
Понява — кусок полотна.
Порода — рай.

Поскимить — наложить схиму.
Потребник — требник — книга, содержащая в себе изложение религиозных служб.
Потщитися — постараться, потрудиться.
Правило — частное богослужение, особые молитвы, произносимые как духовенством, так и мирянами.
Преграда — ограда.
Презорство — гордость, высокомерие.
Прелагатай — шпион, соглядатай.
Прелесть — соблазн, обман, заблуждение.
Перековать — пререкаться, противоречить.
Приклякивать — припадать, преклоняться.
Прилучай — обстоятельство, случай, несчастье.
Приражаться — удаляться.
Присенный — приосененный, покрытый тенью.
Присещение — посещение, забота, попечение.
Притвор — передняя церкви, паперть.
Притирать — претерпевать.
Прокладный — роскошный, раздольный.
Прокуда — порча, вред, колдовство.
Просвиромисание — совершение так называемой «проскомидии», части литургии.
Проток — рукав реки.
Прощаться — просить прощения.
Пружаться — напрягаться.
Пряжить — жечь.
Пытливый — обладающий чародейской силой.
Пыщить — пучить, надувать.

Рабичища — рабыня.
Разболочь — раздеть.
Развякаться — разболтаться.
Распоп — поп-расстрига.
Растесать — рассечь.
Рафленный — утонченный, изысканный.

Р е л ь — перекладина.
Р е н с к о е — рейнское вино.
Р о д о с т а м а — розовая вода.
Р о ж е н ь е — колья.
Р о м а н е я — сладкая настойка.
Р ы н д а — оруженосец.

С в а̀ р и т ь с я — ссориться.
С в я т б а — святость.
С е д м и ц а — неделя.
С и п о в ш и к — свирельщик, сопельщик, дудочник.
С и ц е — так.
С к а з к а — деловое показание, объяснение, отчет.
С к л а д е н к и — складная икона.
С к у т а т ь с я — скрыться.
С л и к о в н ы й — совместно ликующий.
С л у ж е б н и к — церковная книга, по которой отправляется служба.
С м о т р е н и е — предначертание, промысл.
С н и с к а н и е — изыскание, сочинение.
С о б с т в о — свойство, сущность.
С о к р о м е н т — причастие.
С о р о к о у с т — заупокойная служба на сороковой день после смерти кого-либо, а также плата духовенству за такую службу.
С о ш к а — подставка.
С т а в е ц — чашка или миска из дерева.
С т а к а т ь с я — сговориться, стоять за-одно.
С т е н ь — тень, подобие, призрак.
С т и х а р ь — облачение священнослужителей и церковнослужителей.
С т и х и р а (с т и х е р а) — церковное песнопение.
С т р а д н и к — срамник.
С т р о п о т н ы й — трудный, строгий, лукавый.

Студенец — родник, ключ.
Студный — постыдный.
Стужать — докучать, домогаться.
Су — сокращение слов «сударь», «государь».
Суторщина — вздор, суесловие, болтовня.

Таже — потом.
Таймень — байкальская щука, сибирский лосось.
Топерва — теперь.
Торгать — дергать, бить.
Точен — подобен, равен.
Тощно — скоро, поспешно.
Третицею — трижды.
Троичны — церковные песнопения, прославляющие троицу.
Туне — втуне.
Турский — турецкий.

Убрус — платок.
Уд — член.
Удовлятися — быть удовлетворенным.
Удоль — юдоль, долина.
Уже — веревка.
Улыскаться — улыбаться.
Умерый — издохший, околевший.
Умет — грязь, помет.
Уряжение — устроение.
Усмарь — кожевник, скорняк.
Устраньшийся — отстранившийся, отдалившийся.
Ухари — хари, маски.

Ферезь — длинное платье с длинными рукавами, без воротника.
Фиал, фиял — чаша, кубок.

Хижа — хижина, дом.
Ходатайственный — посредствующий.

Чекан — топор, кирка.
Чермный — красный.

Шаловать — шалить, проказить.
Шарапаться — озорничать.
Шелеп, шелепуга — плеть, кнут.
Ш и ш — шпион, соглядатай.
Шпынять — укорять, попрекать, трунить.
Шурмовать — возиться, суетиться.
Шулнятка — почки.

Юзы — узы.

Ялайно — см. лайно.
Ярыжка — низший полицейский служитель.

Перечень иллюстраций

1. Вселенские патриархи. Миниатюра из третьей редакции «Жития» Аввакума по рукописи бывш. Казанской духовной академии 5
2. Автограф «Жития» Аввакума (начало) с припиской (в круглой рамке) старца Епифания. Рукопись Публичной библиотеки в Ленинграде 64
3. Скоморохи. Из путешествия Олеария 1656 г. 80
4. Битье плетью. Из путешествия Пальмквиста 1674 г. 81
5. Автограф «Жития» Аввакума с припиской старца Епифания. Рукопись Публичной библиотеки в Ленинграде . . 112
6. Икона, изображающая Аввакума. Гос. Третьяковская галлерея 128
7. Башня Братского острога, где, по преданию, был заключен Аввакум. . . 129

8. Изображение беса. Миниатюра из лицевого «Жития» Нифонта XVI века. Гос. Историч. музей в Москве 144
9. Райские палаты. Миниатюра из лицевого «Жития» Нифонта XVI века Гос. Историч. музей в Москве 145
10. Двуперстное крестное знамение. Рукопись начала XIX века Всесоюзной библиотеки им. Ленина в Москве . . 176
11. Трехперстное крестное знамение. Рукопись начала XIX века Всесоюзной библиотеки им. Ленина в Москве . . 177
12. Спас 1632 г. Русский музей в Ленинграде 208
13. Василий Блаженный XVII века. Музей храма Василия Блаженного в Москве 209
14. Птица Сирин. Роспись сундука XVII века. Гос. Историч. музей в Москве 248
15. Притча о богатом и Лазаре. Из Синодика XVII века. 249
16. Риторика. Миниатюра из рукописи XVII века Публ. биб-ка в Ленинграде 264
17. Диалектика. Миниатюра из рукописи XVII века. Публ. биб-ка в Ленинграде 265
18. Адам и Ева. Из рукописи Косьмы Индикоплова XVI века 272
19. Адам и Ева. Из рукописного сборника XVI века. Гос. Историч. музей в Москве 273
20. Начало первой челобитной протопопа Аввакума царю Алексею Михайловичу. Столбец Гос. Историч. музея в Москве 280
21. Портрет Алексея Михайловича. Из Титулярника 1672 г. 296
22. Портрет Никона. Из Титулярника 1672 г. 297

23. Церковные обряды XVII века. Фреска церкви Иоанна Предтечи в Ярославле 312
24. Вавилонская блудница. Церковь Иоанна Предтечи в Ярославле 344
25. Танец Иродиады. Фреска церкви Иоанна Предтечи в Ярославле 345

Содержание

Н. К. Гудзий. Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление 7

Житие протопопа Аввакума 61

Основной текст 63
Варианты редакций *Б* и *В* «Жития» . . 159

Из «Книги Бесед» 197

Беседа первая.—Повесть о страдавших в России за древлецерковная благочестная предания 199
Беседа четвертая.—Об иконном писании . 209
Беседа пятая.—О внешней мудрости . . 215
Начало беседы седьмой.—О старолюбцах и новолюбцах 220
Конец беседы восьмой.—Об Аврааме . . 222

Из беседы девятой.—Толкование на 87—88 зачало Послания к римлянам и 23 зачало Евангелия от Иоанна 225
Из беседы десятой.—О нанятых делателях. 228

Из «Книги Толкований» 231

1. Из толкования псалмов 233
2. Из толкования на Книги Притчей и Премудрости Соломоновых 250
3. Из толкования на Книгу пророка Исаии 255
4. Как нужно жить в вере 257

Из «Слова на безобразника и отступника неосвященнаго» 268

Из статьи «Списание и собрание о божестве и о твари и како созда бог человека» 273

Челобитные, письма и послания 277

Челобитные царю Алексею Михайловичу . 279
Первая челобитная . . . . . —
Третья челобитная 288
Четвертая челобитная 290
Вторая половина пятой челобитной . 293
Челобитная царю Федору Алексеевичу . 299
Письма к боярыне Ф. П. Морозовой . 303
Письмо к боярыне Ф. П. Морозовой, княгине Е. П. Урусовой и М. Г. Даниловой 309
Письмо к боярыне Ф. П. Морозовой и княгине Е. П. Урусовой 317
Письма к семье 322
Письма к Симеону 329
Письмо к Маремьяне Федоровне 347
Из «Послания к верным» 352

Из «Книги всем нашим горемыкам миленьким». 354
Из послания к «рабам бога вышняго» . . . 358
Письмо к Алексею Копытовскому . . . 363
Письмо к «отцам» поморским 366
Письмо к «отцу и брату, другу и советнику» 368

Комментарий 371

Основная библиография 475

Словарь трудных для понимания слов . . . 480

Перечень иллюстраций 491

Ред. В. И. Невский
Художественная редакция
М. П. Сокольников
Лит.-технич. наблюдение
А. Н. Плавильщиков
Техред И. А. Подсухин

***

Сдано в набор 27. XI. 33
Подписано в печать
7. X. 34. Тираж 7 300
Уполн. Главлита Б-37 917
Зак. типографии № 15-3149
„Ас" 93. Индекс А — 2
Бум. 74×105—1/32. Печ. л.
15⁵/₈+14 вкл. Авт. л. 17
Тип. зн. на 1 бум. л. 83 520

***

ГОЗНАК
Москва, Мытная, 17

Цена Р. 20
Переплет Р. 3

M3455

2004

39500-2410
P-3223 3 Б